

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕГОНЬМ

ISSN 0134 - 241X

7'1994

А. ЛОСЕНКО. "Владимир перед Рогнедой".

Репродукция Н. ПЕРЕВЫШИНА

Читайте на 2-й стр. очерк Ю. ГОРБУНОВА "Горислава"

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ

(главный редактор),

Виталий БУГРОВ,

Юний ГОРБУНОВ,

Маргарита ГОРШКОВА

(художественный редактор),

Герман ИВАНОВ

(заместитель главного редактора),

Андрей ПОНИЗОВКИН,

Юрий ШИНКАРЕНКО,

Нина ШИРОКОВА,

Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,

Владислав КРАПИВИН,

Станислав МЕШАВКИН,

Николай НИКОНОВ,

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,

Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620219, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа».

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП «Уральский рабочий».

Reg. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 29.08.94.

Формат бумаги 84×108/16

Бумага кн.-журн.

Высокая печать.

Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 10,1.

Усл. кр.-отт. 10,08.

Тираж 25 000 экз.

Заказ № 732.

Все претензии по ошибкам в тексте предъяв-
лять редакции журнала «Уральский следопыт»

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП «Уральский рабочий»:

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1, 3 и 4 стр. обложки слайды

Владимира ХОЛОСТЫХ

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

7/1994

Горислава

Юний ГОРБУНОВ

2

Страна каменных идолов

Юрий ЯРОВОЙ

5

Уральские заводы и власть

Ольга МЕЛЬЧАКОВА

11

Бог Род и его дети

Михаил ДОМОВ

16

Перед прочтением — сжечь...

Арлен БЛЮМ

17

От руки рисованные карты. Стихи

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

20

Журнал в журнале "Аэлита"

Спасатель. Повесть

Валентин МОИСЕЕВ

21 (143)

Заочный КЛФ

61

НЛО — свидетельства древних славян

Евгений ИЩЕНКО

65

Экспертная система. Детективный рассказ

Карл-Хайнц ТУШЕЛЬ

75

Игры народов мира. Патолли

Алексей ЛОБАШЕВ, Виктор РУДЕНКО

77

Пастернак

Александр СЕМЕНИН

79

Мир на ладони

80

Юний ГОРБУНОВ

ГОРИСЛАВА

Вернемся теперь в Полоцк, где гордая красавица Рогнеда, дочь первого полоцкого князя Рогволода, готовилась быть отведенной в Киев князю Ярополку и стать второй его "водимой" женой (первой у Ярополка была гречанка, похоже, не оставившая нам своего имени). Рогнеда, как мы помним, сама сделала свой выбор и, к несчастью, сопроводила его фразой, прямо оскорбительной для новгородского князя Владимира, его матери-рабыни и его дяди — пестуна и покровителя Добрыни-любечанина. "Не хочу я за робичича, — гордо бросила княжна. — За Ярополка хочу".

В книге "По следам Добрыни" А. М. Членов, напротив, предполагает, что выбор в данном случае делала не Рогнеда, а ее отец, полоцкий князь Рогволод, исходя из соображений реальной для себя выгоды. Он посчитал положение Ярополка, главы варяжского дома, более устойчивым и перспективным и решил отдать дочь за киевского князя. Кроме того, по версии А. М. Членова, никаким "робичичем" Владимир не был, а пребывал законным сыном дочери древлян-

Рисунок
Натали ПЛАСТОВОЙ

ского князя Мала — Малуши и ее законного же супруга Святослава Игоревича. В отличие от своего брата Ярополка, Владимир по линии тестя стоял тогда во главе дома древлянско-го и затеял вкуче с Добрыней прекратить на Руси господство варяжской династии.

Так или иначе, а юный князь новгородский располагал к этому времени сильной варяжско-славянской дружиной и был распален честолюбивым дядей. "Ах, ты не хочешь за робичича, — твердил себе уязвленный князь, — зато робичич тебя хочет!"

И Владимир двинул свою дружину на Полоцк. Молодое княжество не сумело ему противостоять, город был взят, а земли присоединены к владениям новгородским.

Вместо свадебного пира в Киеве, разыгралась кровавая тризна в Полоцке. Летопись сообщает нам, что оскорбленный отказом Рогнеды, Добрыня, будучи у молодого князя непререкаемым авторитетом, "повеле Володимиру быти с нею пред отцем ее и матерью". Т. е. над Рогнедой бы-

ло произведено публичное, на глазах родителей, насилие, и она стала женой Владимира (по версии А. М. Членова — наложницей). Скорее всего, отец и братья княжны попытались защитить Рогнеду и были тут же, на площади, убиты дружинниками Владимира.

По сути дела, еще одну версию драматического эпизода истории оставил нам русский художник Антон Лосенко (1737—1773) в картине "Владимир перед Рогнедой" (см. 2-ю стр. обложки), которая хранится в Русском музее. Художник изображает летописцу, не допуская возможности насилия со стороны князя. В сцене первой встречи Владимира и Рогнеды после кровавых событий в Полоцке князь предстает любящим и кающимся человеком. Не властелином, не воином и тем более не насильником, а женихом, опечаленным всем происшедшим. Не только Рогнеда, но и сам юный князь — лицо на полотне живое, индивидуальное — становится, по мысли художника, жертвой политических обстоятельств и коварства воевод. И характерно, что типажом для Владимира художнику послужил его друг, знаменитый русский актер И. А. Дмитревский, следовательно в образе Владимира видим мы и его портрет.

Обнародованная на академической выставке 1770 года, картина Лосенко произвела настоящую сенсацию.

Итак, из Полоцка князь новгородский двинулся на Киев. Город, как мы знаем, был взят, Ярополк убит. Его вдова — гречанка — стала второй женой князя Владимира, и "робичич", сев на Ярополков стол, сделался вседержащим князем Киевской Руси.

Так ли все это было, как рассказывают нам летописные предания, проверить теперь невозможно. Надо только иметь в виду необоримое стремление летописца всячески чернить деяния Владимира дохристианской поры. Ему, например, кажется недостаточным, что у князя было пять "водимых" жен и двенадцать от них сыновей, так он буквально сотнями считает его наложниц: 300 — в Вышгороде, 300 — в Белгороде, 200 — в селе Берестове. Такой, похожий на охотничьи байки, счет вселяет в нас сомнения и в отношении некоторых других летописных деталей владимирова княжения дохристианского времени.

Но вовсе нельзя сомневаться в том, что жизнь Рогнеды при Владимире сложилась весьма безрадостно. Каково было гордой по натуре княжне нести бремя жены-полонянки, когда стояла перед глазами картина гибели отца и братьев, а она сама из княжны и любимицы-дочери превратилась

в княгиню-невольницу — и все-то из-за одной неосторожной фразы!

Скрасить незавидную участь могло со временем положение первой (старшей) жены князя великорусского. Но и такого слабого утешения не дал ей Владимир.

У Рогнеды родился сын Изяслав. Он подрастал, становился отроком. А князь редко навещался к Рогнеде. Удовлетворив честолюбие, он обратил свое благоволение на других жен. Рогнеда даже не жила в его киевском "детинце", а отправлена была с сыном в село Предславино, что стояло недалеко от Киева на берегу реки Лыбеди. Она, естественно, опасалась, как бы холодность к ней Владимира не перешла и на сына ее Изяслава и не испортила бы жизнь князю-отроку.

Летописное предание сообщает, что однажды Рогнеда, придя в ярость, чуть было не ударила кинжалом спящего мужа, но тот вовремя проснулся. Дальше предание рассказывает так:

— Горько уж мне стало, — объяснила князю свой гнев Рогнеда. — Отца моего ты убил, землю его полонил из-за меня, а теперь не любишь меня и младенца моего!

Владимир однако не был склонен к сантиментам. Он велел Рогнеде облачиться в княжеские одежды и ждать его на супружеском ложе. Таким вот театральным манером задумал он, якобы, убить свою жену Рогнеду за покушение ее.

Княгиня покорно выполнила все, что велел супруг, но добавила и от себя мизансцену: дала в руки сыну-подростку меч и велела, когда войдет отец его, встать перед ним и сказать: разве ты думаешь, что ты один здесь?

Действо было разыграно и произвело результат, коего и ожидала Рогнеда. Услышав слова сына, Владимир опешил: "А кто же тебя знал, что ты здесь!" Он, якобы, бросил меч, созвал близких к престолу бояр и рассказал обо всем происшедшем. Наверно среди приближенных не было на этот раз жестокосердного Добрыни — он наместничал в Новгороде, потому что бояре пожалели Рогнеду и просили князя помиловать ее ради сына и вернуть им отчину, то есть полоцкую землю.*

**Этот сюжет — суд бояр над Рогнедой писали несколько русских художников и в том числе В. В. Верещагин в рисунке, сделанном для альбома С. Павловича, "Картины русской истории". Альбом издан был в Петербурге в 1880 году.*

Одним словом, Владимир сменил гнев на милость. Он заложил для Рогнеды с сыном целый город, назвав его Изяславем.**

****Городу этому (не путать с Изяславом в нынешней Хмельницкой обл. Украины) в истории не повезло: он так и не вышел из разряда заштатных. Ныне это Заславль, районный центр под Минском. Зато археологи помогли ему подтвердить его "великокняжеское" происхождение: в одном из тамошних курганов найден был черепок с отпечатком знака Владимира Святославовича. Находка подтвердила подлинность легенды о строительстве князем города, названного именем сына. А позднее, при разделе земель Киевской Руси между сыновьями, Изяслав Владимирович получил во владение Полоцк и волость его, т.е. прежнее Полоцкое княжество.**

Но это произошло позднее, а пока Рогнеда, сын ее Изяслав, а потом и два других сына — Ярослав и Всеволод — жилы в небольшом городке Изяславле и оттуда наблюдали ту бурную деятельность, какую развернул на Руси Киевской великий князь Владимир Святославович.

А события происходили значительные. Русь выбирала себе веру, в великие творения воплощалась ее культура и письменность. Славянское государство выбирало свой самостоятельный под солнцем путь. Владимир склонялся к вере христианской. Русь тяготела к Византии. Этот переломный период Владимирово княжения тесно связан с личностью другой женщины — славянки Анны. Жизнь и судьба первой жены его — Рогнеды — отошла для него на периферию и неслышно теплилась в маленьком русском городке Изяславле. Там же рос-подрастал и будущий первый законодатель Руси Киевской, хроменький от рождения, но могучий умом и волей князь Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым. Его первым воспитателем была мать — женщина трагической судьбы, полоцкая княжна Рогнеда.

Владимир вспомнил о ней тогда, когда принял крещение, и женой его по христианскому уже обряду стала сестра византийского императора царица Анна. Единственной теперь по христианскому обычаю, женой.***

*****А. М. Членов, в свою очередь, возражает летописцу, считая, что Владимир и после крещения остался многоженцем, и жены продолжали рожать ему княжичей. Это, якобы, подтверждает обследование скелета Ярослава Мудрого, которое выявило, что родился он на десять лет позднее летописной датировки, т.е. уже после крещения Владимира (См. А. М. Членов. По следам Добрыни, с. 279—280).**

— Вот я уже крещен, принял веру и закон христианский, а потому подобает мне иметь одну жену, которую я взял уже в христианстве. А ты выбери себе кого хочешь из моих вельмож, и я сочетаю тебя с ним.

Рогнеда, однако, осталась верна своему княжескому достоинству. Время и испытания не сломили ее духа.

— Или ты один хочешь, — отвечала она Владимиру, — царство земное и небесное воспринять, а мне мало того, что этого временного царства не дал, но и будущее не хочешь дать? Ты ведь отступил от идольской прелести в сыновление Божие, а я была уже царицей и не хочу быть рабою ни земному царю, ни князю, но хочу увестись Христу и приму ангельский обряд.

Услыхавши эти гордые и мудрые слова, свидетельствует предание, сын Рогнеды — Ярослав воскликнул со слезами в голосе:

— О мать моя! Воистину ты царица царицам и госпожа господам!

Из этого предания вытекает, что Рогнеда, вслед за Владимиром, тоже приняла христианство, но не последовала предложению его, а обретя веру Христову, тут же постриглась в монахини, получив имя Анастасия. Рогнеда, таким образом, стала одной из первых на Руси инокинь, христовых дочерей, открыв собою бесконечный, через всю русскую историю идущий, ряд женщин, искавших душе мира и утешения под сенью монастыря.

В Изяславле Рогнеда и скончалась в 1000 году.

Что было дорого в Рогнеде народной памяти? Видимо, сила ее духа и многотерпение, та бескорыстная жертва, которую возложила она — язычница — на алтарь материнской любви и супружеской верности, явившие в язычестве своим задатки будущей веры христианской.

Кроме имен — нареченного и монашеского, было у нее еще одно — Горислава. Происхождение его объясняется двояко. Одни источники утверждают, что этим славянским именем заменил варяжское сам Владимир, когда женился на Рогнеде. По другим сведениям символическое имя Горислава подарила ей народная молва, чуткая к горестям и славе княжны-полочанки. Так или иначе, а имя это закрепилось в народной памяти и живет уже целое тысячелетие.

До наших дней не сходит с классической сцены опера Александра Николаевича Серова "Рогнеда", либретто которой написал сам композитор, а на стихи переложил драматург Д. В. Аверкиев.

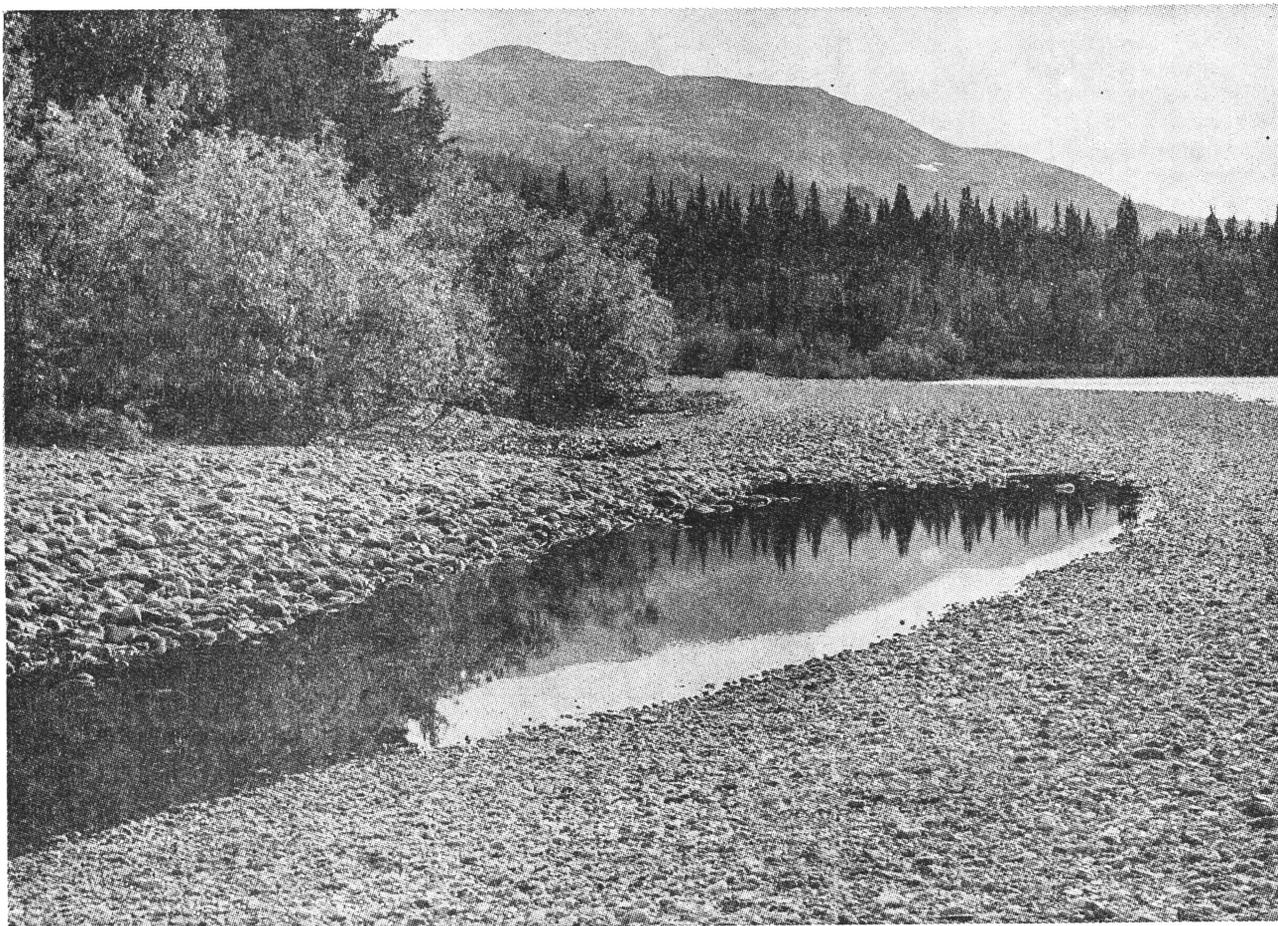
Владимир отправил к Рогнеде послов с такими словами:

Юрий ЯРОВОЙ

СТРАНА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Эта экспедиция в один из самых труднодоступных районов Северного Урала — в так называемую Страну Каменных Идолов — была совершена два десятилетия назад.

Дневник экспедиции вел писатель, журналист, турист Юрий Яровой, который вскоре погиб в автокатастрофе. Дневник остался не опубликованным, и вот сейчас мы восполняем этот пробел: в последние годы внимания к Северному Уралу стало значительно больше, но он все равно остается краем, где не часто ступает нога человека.

Впечатление было ошеломляющим. Словно и в самом деле какой-то волшебник расставил у края пропасти эти черные фигурки молящихся идолов. Трудно было поверить, что все это — творение самой природы, настолько выглядели болваны с вертолетной высоты живыми людьми: семь темных, почти черных фигурок, то ли идущих в затылок друг за другом, то ли, как гласит легенда, в мистическом ужасе ждущих восхода солнца.

Но по мере того, как вертолет снижался, облетая вокруг Болвано-Из, — так значит на картах это горное плато — болваны выросли; было ясно видно, что это не люди,

а каменные столбы. Но однако какие же они высокие!..

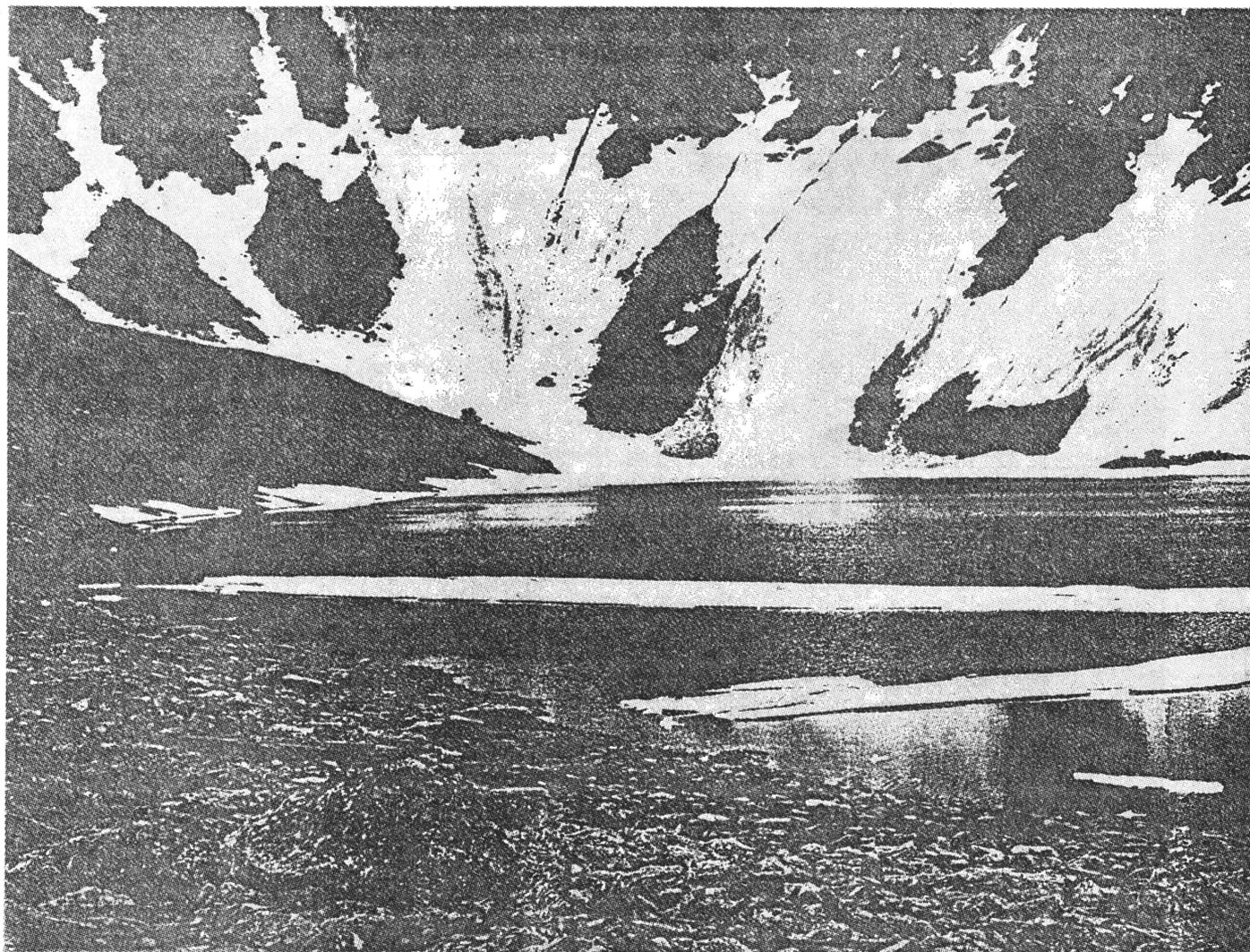
Бортмеханик вдруг закричал:

— Люди! На плато дяди!..

Разглядеть людей с такой высоты мог только летчик, мы ничего не увидели. Но на Болвано-Из и в самом деле были люди. Мы же сами отправили их неделю назад в долину Идждед-Ляги, и, только пролетая над лабиринтом каменных цирков, хребтов, скал и ущелий, поняли, что совершили ошибку: первую тройку экспедиции нужно было высаживать не в этой долине, а в долине Печоры. Каково было им перетаскивать через кражи и хребты двенадцать рюкзаков!..

Бурная встреча — и снова вся экспедиция вместе. Но пришла пора прощания с нашими "воздушными извозчиками", с экипажем, с которым мы облетали и отсняли на пленку огромный горный край, где во многих местах в буквальном смысле никогда не ступала нога человека.

...Когда обходишь идола не торопясь, вглядываясь в него, поражает безумная фантазия природы, умудрившаяся изваять десятки скульптурных профилей: мрачные, с крутыми надбровными дугами, с саркастической усмешкой — одно лицо сменяется другим, и все одинаковые и все-таки разные... Идолы на Бол-

вано-Из действительно напоминают знаменитые скульптуры с острова Пасхи.

Северный день, хоть и долгий, но все же не бесконечный, и мы, нагрузившись "от души", начинаем спуск в долину Печоры. Там, где-то внизу, уже разбит лагерь — там нас ждет тепло и костер, и даже уха из свежих хариусов.

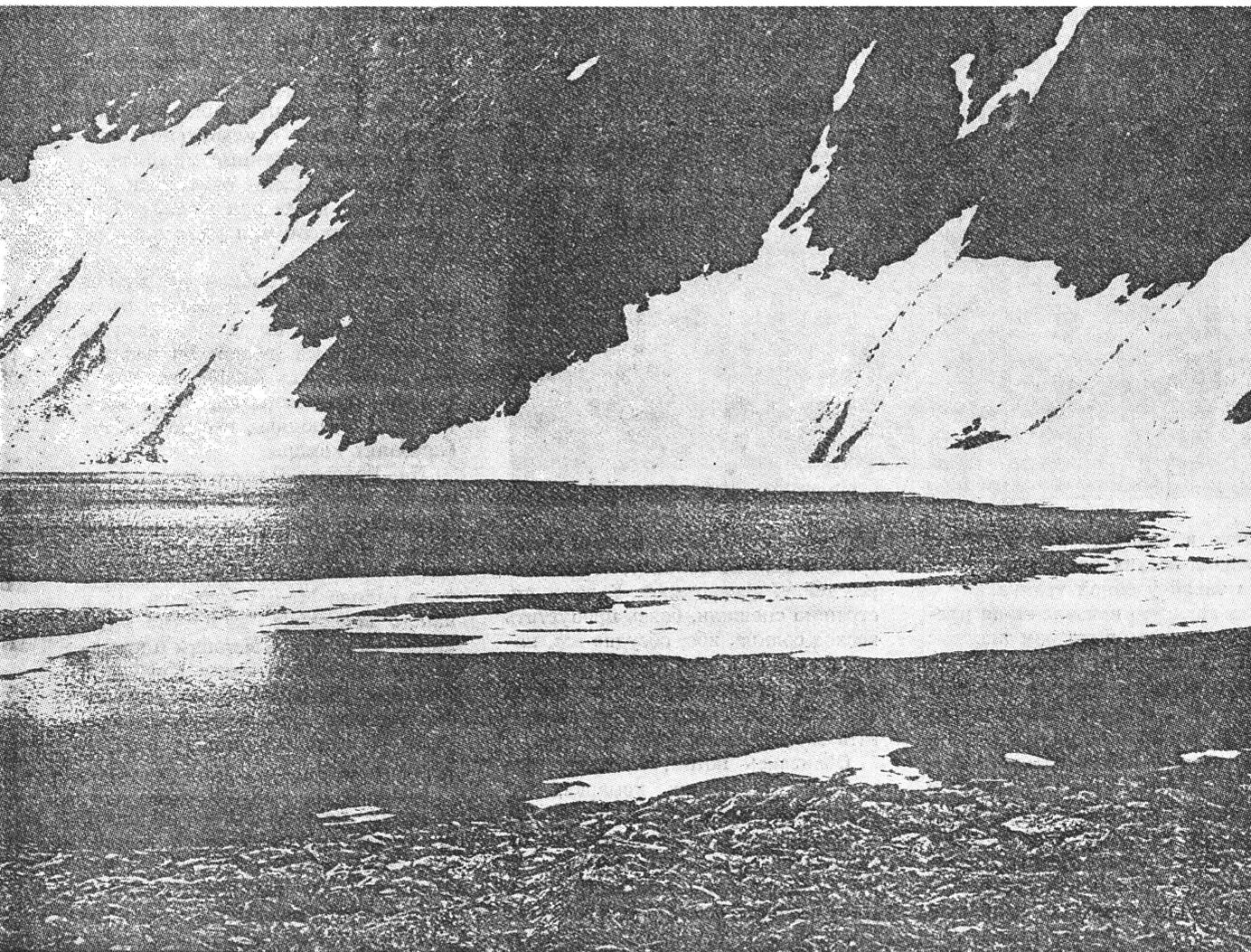
Идти по мягкому упругому ягелю только сначала легко и удобно. Минут через пятнадцать начинает покачивать, и не только от тяжелого рюкзака, но и от предательской мягкости под ногами. Ягельные поля сменяются курумником — каменными россыпями, дорогу пересе-

кает язык сползшего с вершины снежника. Удивительное это чувство: жара, пот в три ручья, а под ногами — снег. Разве тут удержишься, разве не остановишься и не зачерпнешь хрумкого, льдистого снега, чтобы умыться!

А потом пошли альпийские луга. Сколько бы ни читал о их роскоши, буйном росте и кричаще-ярких красках, все равно не передать словами красоты этой нетронутой пестроцветной луговины, где травы то укрывают тебя с головой, то вдруг расступаются, образуя лужайки бледно-розового альпина, посреди которых на тонких зеленых стеблях покачиваются гигантские золоти-

сто-желтые купавки. И еще — медвежьи дудки. Не дудки, а заросли бамбука! Природа сняла здесь все ограничения: расти, как хочешь. Даже низкорослый щавель, который обычно путается под ногами, здесь, на альпийских лугах, вытягивается до метровой высоты, и чтобы рвать его, нагибаться не нужно — у самого лица колыхаются его коричневые соцветья.

Этот щавель и сбил нас на тропу, которая протоптана была медведем. Об этом мы догадались, выбравшись на небольшую полянку, густо заросшую медвежьей дудкой — все переломано и перетоптано, следы такие свежие, такие отчетливые

вдавыши в глине ледяного ручья, что отпала всякая охота идти дальше по такой удобной тропке.

Есть какая-то неизъяснимая прелесть, колдовство в щедром таежном костре, у которого забываешь не только о тяжелом переходе, о мокрой насквозь от пота одежде и ноющих от комариных укусов лице и руках, но и о самом времени. Наверное, половина туристов уходит в тайгу ради такого ночного костра...

К вечеру на следующий день начались сборы: первая тройка должна была утром уйти вниз по Печоре — отнести часть вещей и надувную лодку; а вторая тройка ровно в полночь начала подъем на Болвано-Из.

Мы вышли в самое темное время суток и шли по компасу, ломаясь через тайгу, словно лоси. К тому же, страшно спешили, боясь пропустить восход солнца, ибо, обсудив все, поняли: только в этот момент на Болвано-Из происходит что-то такое, что заставило охотников-манси слагать свои удивительные легенды.

Обливаясь потом, преследуемые тучами озверевших комаров, мы около двух часов ночи выбрались на плато. С севера, где всю ночь горел тревожный красный закатный свет, дул ледяной пронизывающий ветер. Небо было хмурое, серое, в плотных тяжелых облаках, и под этим низким небом грозно чернели камен-

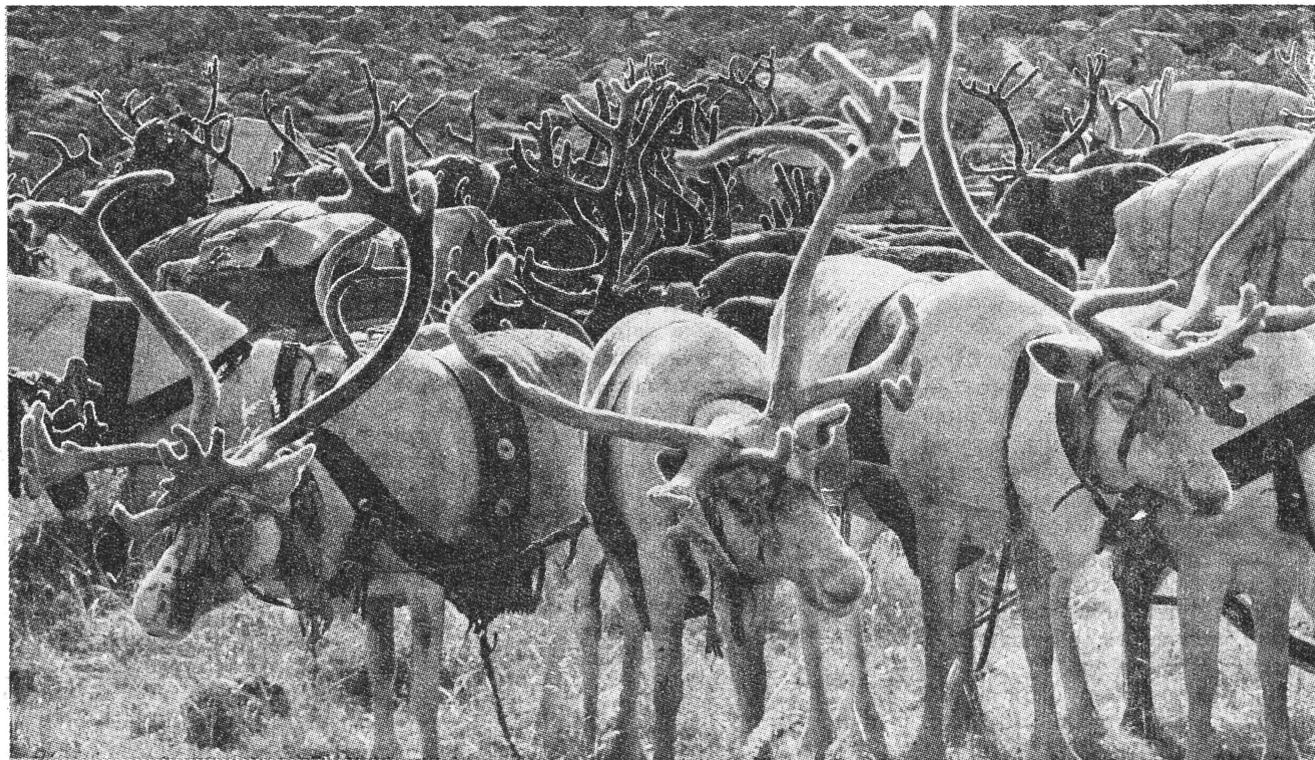
ные идолы. В их непоколебимости таилась угроза. Она была ощутима, осязаема — эта тревога, и ожидание катастрофы витало, казалось, в самом воздухе...

Рассвет занимался медленно. Вдруг плотный слой облаков разорвался, обнажив, облив кроваво-красным светом далекую, за сотни километров, на Приполярном Урале вершину Колоколья, и в этом просвете всего на пять — ну, может, семь минут — появился багровый диск солнца, и... Идолы ожили! Трудно понять, в чем тут дело — очевидно, в игре низких, почти параллельных земле лучах солнца, которые, меняя угол наклона, каждое мгновение высвечивали идолов по-новому. И, казалось, что изваяния, встрепенувшиеся, словно очнувшиеся от сна, все, как один, повернулись к солнцу... Затем по их лицам словно пробежала тень испуга... Еще на мгновение кроваво-красные блики скульптурно вылепили четкие каменные профили, и все исчезло. Идолы окаменели. Но те минуты, когда они жили, забыть невозможно: это был ужас пополам с восторгом...

Палатку мы разбили тут же, на плато, и проспали до десяти часов утра. Проспали бы дольше, если бы не монотонный шелест по палатке — словно дождь барабанит. Так и решили, что дождь, но, выбравшись из палатки, поняли, что по палатке барабанят комары.

На Болвано-Из — две группы идолов: семь Больших (они так, с большой буквы, и называются), и чуть в стороне, на другом конце плато — Малые болваны. Вот там-то, в районе Малых болванов, мы и нашли последние "каменные страницы" мансийской легенды о красавице Аим, добром вожде Кууцае и богатыре Пыгрычуме, который добыл на небе свой волшебный зеркальный щит, обративший братьев Торев в камни.

Сначала мы увидели лишь причудливые группы камней-останцев. И только потом пришло первое изумление — с южной стороны каменного замка показалась... лестница в небо! Совершенно идеальная лестница, сложенная из каменных блоков, и поразительно, как эти ка-

менные глыбы удерживаются друг на друге, образуя четкую и точную линию! Вот, значит, по какой лестнице Пыгрычум поднимался в небо...

Согласно легенде, старый Куушай покинул разрушенный Торре-Порре-Из, переселившись в Малый каменный дворец, где его сын Пыгрычум победил братьев-великанов. Очевидно, лестница в небо как раз и была приставлена к Малому каменному дворцу. А сам Куушай с маленькой Аим на руках... да вот же он — рядом с Малым дворцом! Надо только чуть-чуть отойти в сторону — и старый вождь с маленькой Аим встал перед нами...

* * *

...Вода в Печоре удивительна даже на вид — она невидима. Прозрачна так, что на дне видны желтые мелкие хвоянки лиственницы. Только неумолкающий шум на перекатах говорил о том, что это и есть великая русская Печора.

У самого лагеря — заводь. Вода ледяная, нырнешь — останавлива-

ется сердце. Но вот что интересно: в этой заводи, под огромной кряжистой сосной, пустившей узловатые корни по дну Печоры, жил хариус, которого мы прозвали Жорой. Станный этот был хариус. Он опрокинул все классические представления об этой осторожной до чрезвычайности рыбе. Чтобы поймать хариуса, надо, во-первых, спрятаться так, чтобы не было даже тени; во-вторых, обмануть его, чтобы он пеструю, сделанную из волос и перьев мушку принял за настоящего слепня. Наш же Жора... купался вместе с нами! Мы Жору фотографировали, снимали на кинолентку — хоть бы хны. Тогда мы решили проделать эксперимент: насадили на крючок жирного, желто-золотистого, как тигр, овода и подсунили крючок под нос Жоре: клонет? Конечно, пускать в уху мы его собиравшись — так с друзьями не поступали даже кровожадные полинезийцы. Нас интересовало: клонет, или не клонет? Не клонул!.. Просто отошел в сторонку, а когда аппетитный овод оказался опять перед

носом, вернулся на старое место. Жора оказался умнее нас. Попробуй, поверь в подобную сказку, если сам не водил перед носом этого поразительного хариуса — в метре от себя! — крючком с наживкой... Нет в мире рыбы осторожнее хариуса!

Следующий переход — до Малой Порожней речки — остался в памяти кошмарным видением. Последние километры шли, качаясь под рюкзаками, и через каждые триста-четыре метра валились на землю. Но примерно на середине перехода, у речки Маньская Волосница, когда силы еще были, мелькнула даже мысль — подняться по речке к двухглавому Отортену, отдать дань памяти туристам-исследователям, пытавшимся зимой 1959 года подняться на эту мрачную и загадочную вершину Северного Урала. Там, почти у самой вершины Отортена, просматривается странный, четырехугольный провал, в глубине которого, как гласят мансийские легенды, есть озеро с "живой водой". Группа Игоря Дятлова не дошла до

этого озера всего двенадцать километров — погибла на перевале из долины Ауспии в бассейн реки Лозьвы. На месте гибели исследователей друзья поставили обелиск, а озеро на Оторгене так и осталось недосыгаемо...

График нас поджимал, подгоняя лучше бича. Теперь впереди, до самого Шижима, мы не встретим ни души: другого пути отсюда не было, а ближайший лесной аэродром — за четырехста километров.

Вопреки предсказаниям, у Елмы мы встретили группу геологов — кочевых, из Сыктывкара. Их было трое,плыли они, как и мы, вниз по Печоре, но не на салике, а на резиновых лодках. Договорившись о встрече на одном из нижних островов, мы расстались: геологи спешили к своей базе, а мы — к первой егерской избушке, где можно было, наконец, обогреться, обсушиться и поест горячего.

Там, у елминского острова, мы наткнулись на бобровое хозяйство. Бобры облюбовали себе одну из протоков Печоры и перегородили ее примерно метровой плотиной. Таким образом, в их распоряжении оказался длинный и довольно глубокий пруд, уровень воды в котором они регулировали специальным водосливом, представляющим собой небольшой проран в плотине, заброшенный чурбаками, молодыми осинками и ветками.

Поразила нас не плотина — идола нас поразили... Метрах в ста ниже плотины мы обнаружили с десяток поваленных и "распиленных" на полуметровые поленья стволов. Пеньки, которые елминские бобры оставляли от поваленных берез, говорили о них, как о несомненно одаренных скульпторах.

Почему, зачем бобрам из елминской запруды понадобилось вытаскивать из березы этих удивительных болванов? Голова, грудь... Все вырезано, как выражаются художники, "широким мазком", без излишней детализации, однако с таким непостижимым сходством с мансийскими божками, что можно в буквальном смысле схватиться за голову: кто у кого подсмотрел?!

Чтобы светило солнце на Северном Урале и Печоре три недели, надо быть очень счастливым человеком. Мы счастливыми оказались на три четверти: последнюю, самую невеселую часть путешествия мы провели под дождем. Снизу, под плотом — вода, и сверху, на головы тоже льется вода...

Но были и светлые дни. В один из таких дней мы добрались до острова, где ждали вертолета с продуктами сыктывкарские геологи, и начальник партии согласился показать нам путь к Медвежьей пещере — древнейшему, на Севере, как установили археологи, поселению людей каменного века.

Дорога к Медвежьей пещере ведет по болотистой местности, и, не зная точно маршрута, вряд ли можно найти туда путь. Постепенно, незаметно за лесом, болотистая низина превращается в глубокое ущелье с высокими известняковыми бастионами — стенами. Еще один прыжок через широкий ручей или старицу — и перед вами открывается грандиозная каменная панорама: стена, кое-где на уступах поросшая мелким лесом и кустарником, примерно на трети высоты зияет полуовальным черным провалом. Это и есть одна из трех пещер, известных под названием Медвежьих. На самом деле только эта, полуовальный провалом, называется Медвежьей, а соседние с ней — Туфовой и Ледяной.

Вид из Медвежьей пещеры открывается великолепный. Мы словно вновь очутились на одной из уральских вершин, увенчанной каменными останцами: известняковые утесы и бастионы, покрытые розовыми лишайниками, высоко вздымаются над изумрудно-зелеными коронами березняка.

Туфовая пещера меньше по размерам и мрачнее — в ней света почти нет. Но зато тут и там попадаются куски белоснежного, чем-то напоминающего вату или морскую пену, известнякового туфа. Как много у нас в стране таких диковинных, сказочных уголков!

Последние дни путешествия, даже при счастливом стечении всех обстоятельств — погоды, наличия

продуктов и прочего — всегда тянутся мучительно долго, а уж когда эти дни проходят под дождем и холодным ветром, — какие там остаются воспоминания? Поворот за поворотом, чашка горячего полусладкого чая с ржаным сухарем, бешеный пережат, где плот несется со скоростью поезда и, того и гляди, зацепит за скалу, да многокилометровые пробежки по берегу, когда застывшие ноги перестают слушаться окончательно... Вот и все впечатления.

И когда, кажется, все: терпение кончилось, — навстречу вылетает большая лодка... За нами!.. А впереди — долгожданный Шижим, лесной кордон в пять-шесть изб, однако, по масштабам здешних мест, не менее областного центра. Ибо в Шижиме — продукты, прекрасная баня, где можно отогреться за бесконечные бдения на плоту, радиостанция, через которую можно сообщить, что экспедиция прошла успешно, хотя еще не совсем закончилась: до ближайшего аэродрома — два дня езды на моторной лодке.

От Шижима память сохранила тепло и приветливость жителей, молоко, которым они нас поили сверх меры, и страстные, за полночь, споры о заповеднике. Вся жизнь в Шижиме связана с Печоро-Ильчским заповедником, его проблемами и заботами. Именно тут, в Шижиме, мы услышали термин: "эталон природы".

С каждым днем на Земле остается все меньше не тронутых человеком уголков, подобных "Стране Каменных Идолов". Но и туда уже пришли геологи, и там уже гремят дизельные установки и вездеходы, валится лес, ведется взрывная сейсморазведка. Этот процесс не остановить, а чем он кончится, вернее, чем он может кончиться, — мы знаем. И очень хорошо, что часть "Страны Каменных Идолов" вместе с уникальным памятником природы — плато Болвано-Из — вошло в зону заповедника. Пусть он так и останется нетронутым "эталонным краем, населенный либо каменными персонажами древних легенд, либо пришельцами

Фото Валерия БЕРДЮГИНА

Урок пятый: уральские заводы и власть

Какими были взаимоотношения уральских горнозаводчиков с центральными и местными управленческими структурами? В какой мере государственная власть вправе регламентировать деятельность предпринимателей? Каков вообще оптимальный вариант их взаимодействия? Ответить на эти вопросы будет трудно без экскурса в историю российского и в том числе уральского предпринимательства.

Наш очередной "урок" посвящен только одному аспекту темы — методам воздействия горнозаводчиков Демидовых на местные и центральные власти. Урок ведет старший преподаватель кафедры истории России УрГУ

Ольга Анатольевна МЕЛЬЧАКОВА.

Тагильские заводы XVII — начала XIX века — главная тема ее научной работы.

Свой "урок" она строит на еще не опубликованном материале, найденном в Российском государственном архиве Древних актов (ф. 1267) и в Государственном архиве Свердловской области (ф.ф. 643 и 102). Особенно много новых сведений дала переписка Демидовых и их управляющих с приказчиками Нижнетагильской главной заводской конторы, а также инструкции служащим, прихода-расходные книги...

Использованы также печатные труды Б. Б. Кафенгауза, А. С. Черкасовой.

В поле зрения будут главным образом владелец нижнетагильских заводов Никита Акинфиевич Демидов и его наследник Николай Никитич.

Ольга МЕЛЬЧАКОВА

"Употреблено на известный расход..."

Основу огромного хозяйства Н. А. Демидова составляли во второй половине XVIII века девять заводов. Они управлялись при помощи домовых, городских и заводских контор. "Приказные" дела, т. е. отстаивание интересов заводчика в Сенате, Берг-коллегии и других государственных учреждениях, вела петербургская домовая контора. Один из ее служащих занимался непосредственно "хождением за приказными делами в присутственных местах" и составлял документы от лица самого Н. А. Демидова.

К числу наиболее опытных и компетентных чиновников Петербургской конторы несомненно принадлежал В. В. Евсевьев. Двадцать лет (со второй половины 70-х годов XVIII века и вплоть до смерти в 1800 году) он руководил в конторе приказной экспедицией. Николай Никитич, приступив в 1798-м к са-

Никита Акинфиевич
ДЕМИДОВ

мостоятельному управлению заводами и дорожа опытом, сохранил за ним руководство экспедицией, несмотря на его преклонный возраст. Потом, освободив от обязанности подписывать все исходящие из конторы бумаги, попросил просматривать документацию, отправляемую в "присутственные места", и немедленно сообщать ему о всех замеченных в ней ошибках.

А круг "приказных" дел был широк и разнообразен. Контора от имени хозяина решала все вопросы в государственных учреждениях, взыскивала долг, оформляла займы средств под залог заводов и т. д. На протяжении второй половины XVIII века контора упорно пеклась об уменьшении казенных поставок.

В начале 80-х годов Сенат рассматривал челобитную Демидовых. Они просили пересмотреть объем поставок в соответствии с царским

манифестом от 21 мая 1779 года предлагала передать поставки казенным предприятиям или распределить их между всеми частными заводами. По донесениям Евсевьева Н. А. Демидову можно судить о методах, которые применял чиновник, чтобы добиться решения дела в пользу заводчика. Чаще всего практиковался подкуп государственных чиновников высшего ранга.

Евсевьев заручился поддержкой не только сенатора Д. В. Волкова, но и президента Берг-коллегии М. Ф. Соймонова, которые обещали ему свое содействие. Однако вскоре выяснилось, что Соймонов по собственному желанию уволен с занимаемой должности, и Берг-коллегию возглавит И. Г. Резанов. Сначала возник вопрос о том, следует ли потребовать с бывшего президента Берг-коллегии плату за отпущенные ему 331 пуд 23 фунта железа, поскольку оно было отдано Соймонову бесплатно "в рассуждении до него надобностей", т. е. в качестве взятки за услуги. Потом возникла необходимость добиться расположения и в Берг-коллегии нового лица. Евсевьев уведомил Н. А. Демидова, что следует найти подход к Резанову ("должно еще к нему сделать привычку") и предложил использовать посредничество князя А. А. Вяземского. Последний не раз проявлял свое расположение к племянникам заводчика — Александру Григорьевичу и Петру Григорьевичу Демидовым. Вяземский по опыту знал, что услуги, оказываемые Демидовым, хорошо оплачиваются. В 1763-м, посетив Нижнетагильский завод, в связи с расследованием волнений приписных крестьян и вечноотданных работников, он получил "презент" от приказчиков главной заводской конторы. По-видимому, Н. А. Демидов и на этот раз добился покровительства и содействия со стороны А. А. Вяземского. Вскоре петербургские приказчики доложили Демидову, что Евсевьев преподнес жене Вяземского медный лакированный столик.

Готовность содействовать Демидову выразил и Резанов. Он принял В. Евсевьева у себя дома и в беседе с ним высказал "наивысма полезное" мнение "к стороне участвующих

в тех поставках". А Н. А. Демидову представился, наконец, "наудобнейший случай" для подкупа этого чиновника. В рапорте от 4 мая 1781 года петербургские приказчики сообщили ему, что И. Г. Резанов попросил его племянников — Александра и Петра — одолжить ему три тысячи рублей на покупку деревни. Как и в других случаях с крупными взятками, Н. А. Демидов внес третью часть отдаваемой в качестве "презента" суммы. В результате дело "о сложении казенных поставок" Сенат решил в пользу заводчика.

Не раз на помощь Н. А. Демидову приходил вице-президент Берг-коллегии А. А. Нартов. Благодаря его содействию, в 1777 году при разборе спора Демидова с С. Яковлевым о разделе лесов между их заводами, Берг-коллегия вынесла решение разделить леса поровну, а, кроме того, дополнительно отвести Нижне-Салдинскому заводу такое количество лесов, которое могло бы обеспечить его топливом на 100 лет.

А в 1780-м Берг-коллегия рассматривала дело об обмене лесами между Н. А. Демидовым и Горобладатским горным начальством. В результате с выгодой для Никиты Акинфиевича были дополнительно прирезаны леса к его Лайским заводам. О том, в какой степени удачный исход этого дела зависел от позиции Нартова, свидетельствуют сохранившиеся в переписке сведения о вручении ему В. Евсевьевым 500 рублей.

Н. А. Демидов не скупился на "презенты" высокопоставленным чиновникам, но при этом велика была роль опытных посредников, способных найти подход к "нужным" людям, умеющим договориться о размерах взятки и условиях ее получения, преданных человеку, от лица которого они вели дело. Не вызывает сомнения, что этими качествами в полной мере обладал В. В. Евсевьев.

Начале 80-х ему пришлось приложить максимум усилий, чтобы склонить членов Берг-коллегии принять решение о невзыскании с Демидовых процентов за невыплаченные в срок десятинные деньги.

Он вел переговоры с "экспедито-

ром" Берг-коллегии, который потребовал за услугу тысячу рублей, уговаривал обиженного невниманием А. А. Нартова, упрасивал членов Берг-коллегии, чтобы дело о взыскании процентов с Демидова рассматривалось отдельно от идентичного иска, предъявленного С. Яковлеву и т. п. Хлопоты Евсевьева и подкуп чиновников сделали свое дело. Берг-коллегия вынесла решение о невзыскании процентов и подала представление об этом в Сенат.

В Сенате тоже были у Н. А. Демидова свои люди. В декабре 1784 года Обер-прокурор Сената Сухареv получил от Н. А. Демидова 750 рублей за решение в пользу заводчика "днепровского дела". Деньги Сухареву передали в качестве подарка на новоселье. Племянники Н. А. Демидова также вручили чиновнику 750 рублей. Успех этого дела означал освобождение Н. А. Демидова и его племянников от поставок железа для днепровской флотилии, на чем настаивала Берг-коллегия.

Не обошлось без "презентов" и в конфликте между Демидовыми и Пермской казенной палатой. В 1782 году Палата поручила выплавить недобранную на казенных заводах часть железа для Адмиралтейства частным заводчиком. Н. А. Демидов с племянниками выполнил часть предписанных поставок, но при этом подал в Сенат челобитную о незаконности действий казенной палаты. И обеспечил поддержку обер-прокуроров презентовав им в качестве взятки 1500 рублей.

Сенат указал Пермской казенной палате, что она нарушила манифест и сенатский указ, освобождающие частных заводладельцев от принудительных поставок в казну железа, снарядов и других изделий. Железо, "недоделанное... казенными заводами, следовало "исправить... самими ж казенными заводами".

Но Казенная палата не оставила попыток взыскать железо с Демидовых. Ее чиновники предложили Сенату зачесть поступившее в Адмиралтейство железо в счет демидовских недоимок по прошлым поставкам, кроме того, Палата высказала намерение возложить на частные

*Нижний Тагил. XIX век.
На переднем плане
— металлургический завод,
вдали — Выйско-Николаевская церковь,
усыпальница Демидовых*

*На железодельном заводе.
Фрагмент картины В. П. Худоярова*

заводы производство значительного количества якорей.

Н. А. Демидов приказал В. Евсееву добывать своего, а главное избавиться от производства якорей. Если же Сенат примет решение делать якоря на частных заводах, Евсееву предписывалось склонить сенаторов к тому, чтобы "Пермской казенной палате приказано было расположить оные по количеству приписных крестьян, а не по числу фабрик и действующих машин".

По-видимому, на этот раз дело решилось не в пользу Н. А. Демидова и его наследника. Записи в приходе-расходной книге Нижнетагильской конторы зафиксировали приезд на заводы в 1789 и 1790 годах капитана Назарова и шихтмейстера Раткова, присланных контролировать производство якорей и их отправку с заводов.

Умели Демидов и его приказчики и устранять неугодных им лиц. В марте 1781 года возник конфликт между Нижнетагильской заводской конторой и шихтмейстером М. Логиновым. Демидовские приказчики отказались выполнить требование Логинова производить вырубку леса только на отведенных им делянках. Они возвратили шихтмейстеру его ордер, написав на нем, что распоряжение Логинова запоздало, и крестьяне уже распределены по местам рубки дров. Кроме того, приказчики выразили неудовольствие, что Логинов облакает свое сообщение в форму ордера и тем самым подчеркивает подчиненное по отношению к нему положение демидовских приказчиков и свое право отдавать им распоряжения.

Противоборство между Логиновым и приказчиками Н. А. Демидова вылилось в открытую борьбу. Обиженный шихтмейстер представил в Берг-коллегию рапорт о том, что демидовские чиновники "требуемого им сведения не дают и пишут к нему, будучи мужики, сообщением, а не рапортом".

Узнав о доносе, Евсеев проконсультивровался у президента Берг-коллегии И. Г. Резанова и по его совету подал в Берг-коллегию жалобу на строптивного шихтмейстера.

Приказчики же в это время продолжали жаловаться московским уп-

равляющим Н. А. Демидова на то, что Логинов "наводит великие в заводском действии беспокойства" и настойчиво просили устранить его вмешательство в заводские дела. Н. А. Демидов обратился с просьбой о содействии к вице-президенту Берг-коллегии А. А. Нартову. В Петербургскую контору последовал приказ, разрешавший дать взятку А. А. Нартову ("по пристойности... служить в надобностях его").

В мае 1781 года появился указ Берг-коллегии, в котором Логинову предписывалось воздержаться от "непорядочных поступков".

Но шихтмейстер однако не отказался от продолжения. Он догадался отослать в Берг-коллегию свой ордер, адресованный Нижнетагильской конторе, на котором приказчики изложили свои возражения. Берг-коллегия расценила действия приказчиков как "надменное дерзновение" по отношению к должностному лицу. Но и этот удачный ход Логинова только отсрочил его поражение в неравной борьбе. В августе 1781 года приказчик Петербургской конторы В. Зубрилов сообщил Н. А. Демидову, что в Берг-коллегии подготовлено решение об отзыве Логинова с заводов.

Нижнетагильские приказчики занимались подкупом государственных чиновников столь же часто, как и управляющие Петербургской домовой конторой. Отличие состояло лишь в том, что петербургские вручали взятки служащим центральных органов управления (Сенат, коллегия), а заводские приказчики подносили "презенты" чиновникам Екатеринбургской канцелярии главного правления заводов, а после создания в 1781 году Пермского наместничества — служащим Пермской казенной палаты, Верхотурского нижнего земского суда и других местных учреждений.

Приказчики главной Нижнетагильской заводской конторы выполняли не только производственно-технические, но и административно-хозяйственные функции. Они представляли высшую административную власть для зависимого от заводов населения и должны были регулировать социальные, политические, правовые отношения с ним.

При этом неизбежно возникал вопрос о взаимоотношении с местной государственной администрацией, с представителями горной власти на Урале. В том числе местными административно-полицейскими и судебными учреждениями.

В соответствии с инструкцией Н. А. Демидова от 1 ноября 1762 года, заводские жители, обвиняемые в совершении тяжких уголовных преступлений (убийство и т. п.), должны были препровождаться в Екатеринбургскую Канцелярию главного правления заводов. Забота о них возлагалась на екатеринбургского стряпчего Нижнетагильской конторы. А тому предписывалось сводить к минимуму срок отсутствия обвиняемых на заводах. И стряпчий старался во всю, не останавливаясь в случае необходимости перед вручением "презентов" чиновникам. При этом предусматривалось, что заводской житель, на которого истрачены "господские" деньги, возместит их в будущем соответствующей отработкой на заводе.

С созданием Пермского наместничества Нижнетагильские заводы вошли в состав Верхотурского уезда, на территории которого был образован ряд учреждений: Верхотурская нижняя расправа, являвшаяся судебной инстанцией для государственных крестьян, Верхотурский уездный суд как судебное сословное учреждение для дворян и Верхотурский нижний земский суд, который должен был осуществлять административно-полицейские функции охраны "благочиния, добронравия и порядка".

Представители Верхотурского земского суда нередко выезжали в Нижний Тагил. В 1788-91 годах на заводах бывали капитан-исправник Чураков и заседатели Федоров, Кирпашников, Чернобровин, Лосев. Они взыскивали невыплаченные в срок подушные деньги, вместе с уездным землемером производили передачу купленных Н. Н. Демидовым у Строганова деревень, проверяли в связи с этим "отказные книги" и т. д.

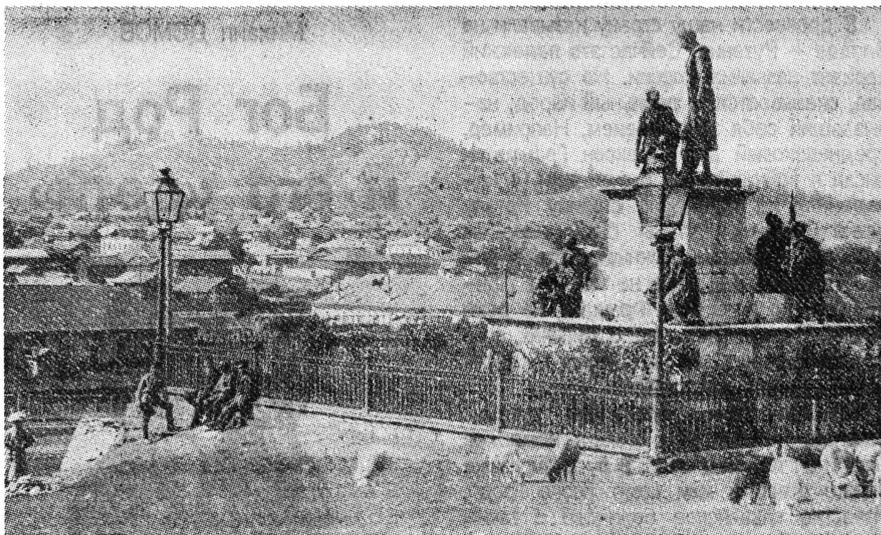
Приказчики же во время этих визитов государственных чиновников пытались завоевать их расположение посредством взяток, вручае-

мых в той или иной форме. Крупные суммы денег расходовались на "презенты" на "потчивание и харч"...

Практически любое обращение нижнетагильских приказчиков в какие-либо судебные инстанции сопровождалось денежными расходами на чиновников всех рангов. Приведем один пример. В 1788—1790* годах в Екатеринбургском уездном суде и нижней расправе рассматривалось дело о побеге с Нижнетагильских заводов крестьян Опаницыных. Расследование завершилось вынесением решения о возвращении беглецов на заводы. Чтобы склонить "присудствующих" суда и председателя расправы к этому приговору, екатеринбургский стряпчий главной заводской конторы дважды вручал им взятки. Удачный исход дела был обеспечен и содействием председателя Пермской казенной палаты И. Д. Прянишникова, который получил от конторы 100 рублей в благодарность "за скорейшее и полезное решение о... беглецах Опаницыных дела".

Как дорогих гостей принимали в нижнетагильском доме Демидовых служащих Пермской казенной палаты. Щедро угощали и одаривали деньгами, подносили подарки и оказывали самые разные услуги, например, отправляли каменщиков для оштукатуривания печей и других ремонтных работ в домах "присудствующих".

Заинтересованность в успешном и быстром решении финансовых проблем тоже подталкивала заводских приказчиков Демидовых применять традиционные средства завоевания расположения нужных людей. Екатеринбургский областной казначей получал взятки "за оказываемые услуги во время приемов денег", коллежскому регистратору И. Альбичеву, занимавшему в 1784 году должность казначея, через Московскую контору Демидова помогли сделать служебную карьеру, просьбу мотивировали тем, что "бывают до него (Альбичева — О. М.) вседневные надобности". В дальнейшем этот чиновник неоднократно оказывал услуги своим благодетелям.

Памятник Николаю Никитичу Демидову в Н. Тагиле. Сооружен в 1842 году, разрушен в 1918-м

Недешево обходились Демидовым гостеприимство и щедрость заводских приказчиков. В 1783 году Н. А. Демидов обратил внимание на то, что прием чиновников на заводах выливается для него в "совсем вышедший из границ" расход денег и потребовал от дворцового весте ежедневный учет расходов.

Но затраты на разнообразные виды взяток продолжали исчисляться крупными суммами. В июне 1804 года управляющие главной петербургской домовой конторой Н. Н. Демидова предъявили нижнетагильским приказчикам требование: используя деньги "в известный расход... иметь гораздо лутчую в том экономию, ибо расход тот столько велик, что вероятие в том иметь невозможно".

Под загадочной фразой "известный расход" подразумевалось не что иное как затраты на взятки. Мысль зашифровать все сведения, касающиеся расходов денег на эти цели, возникла у самого Н. Н. Демидова. Приступив к самостоятельному управлению наследством, он счел небезопасным сохранять прежний порядок, когда в документах подробно фиксировалось, кому именно дана взятка и за какие услуги. Ордером от 3 марта 1799 года

нижнетагильским приказчикам было предписано: "Впредь употребляемые на приказной расход деньги в шнуровых книгах и тетрадях именованно по каким надобностям и кому ссужены" не отмечать, зашифровав такого рода расходы формулировкой: "употреблено на известный в здешней конторе расход". Подробные же отчеты о затратах следовало высылать в Петербургскую домовую контору в виде особых записок, прилагаемых к ежемесечным рапортам о денежных расходах.

Указанные бумаги в заводском архиве предписывалось отделять от прочих и собирать в отдельном сундуке "в безопасном месте за должным запором и за печатями всех Нижнетагильской конторы приказчиков". Выборка этих документов была поручена приказчику Г. Матвееву. Но попытка приступить к выполнению порученного ему дела натолкнулась на противодействие со стороны приказчиков Нижнетагильской конторы, которые вовсе не хотели, чтобы компрометирующие их документы были выявлены и собраны.

Фотокопии Ивана Коверды

Михаил ДОМОВ

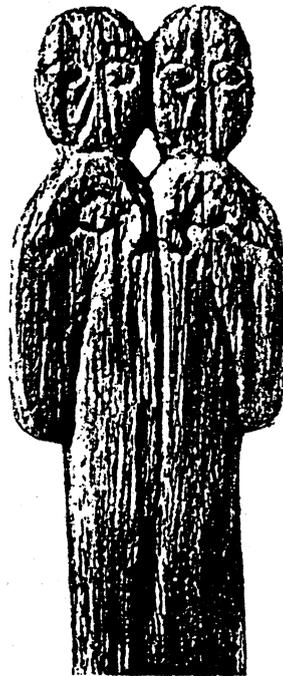
Бог Род и его «дети»

В древности нашу страну называли на Западе — Рутения. Сейчас это латинский вариант названия России. Но существовал, оказывается, и реальный народ, называвший себя этим именем. Например, средневековый автор Саксон Грамматик писал о войнах данов с рутенами, о нападениях на рутенскую столицу Роталу (ныне Таллин). Рутены были народом древним и многочисленным. Еще в античное время они жили не только в Прибалтике, но и на юге Франции, на реке Родан (Рона). Сведения о рутенах еще раз доказывают, что наш народ существовал задолго до Киевской Руси.

На латинском языке слово "рутены" означает — красные, отсюда немецкое "rot" и английское "red". В русском языке ближе всего к ним стоит слово "род". Известно славянское божество с таким именем. Считается, что оно воплощало единство рода, охрану родовых устоев. Но для чего было древним людям создавать такое абстрактное божество? Ведь они поклонялись богам, приносящим конкретную пользу. И если бога окружали почетом, то роль его была первостепенной.

Словам "rot" и "red" в русском языке соответствуют "рудый", "рдяный", т. е. красный, "руда" — кровь. Звуки "О" и "У" легко взаимозаменяются — раньше существовал средний звук, обозначавшийся через "ъ". Первоначально словом "ръд" — красный — назывался, должно быть, огонь — самый главный объект поклонения у древних людей. Но вот начался матриархат, и верховным божеством стала Великая Мать. Из прародительницы племени она постепенно превратилась в божество земли. Женские функции люди переносили на землю, которая казалась им живым существом. Так появилась богиня земли Рода (Руда). От этого культа остались слова приРОДа, РОДить, наРОД, РОДина.

Господство мужчин воплотилось затем в новом божестве, тоже вышедшем из культа огня. Если Рода была богиней земли, то Род должен был стать ее противоположностью — небом. Как более молодой бог, он, видимо, считался сыном Роды и, одновременно, был ее мужем (другого-то выбора не было). Эта супружеская пара олицетворяла весь мир. Мужской бог покровительствовал воинам, о чем говорят такие слова как "рать", "ратник" (древнее "ротник"). Два верховных божества считались прародителями племени, которое и называло себя их именем. В средние века имя Род было равнозначным слову Русь. В Никоновской

летописи говорится: "Роди же, нарицаемии Руси..."

Итак, рутены или родены — одна из ветвей русского народа, смешавшаяся частью с другими русскими племенами, а частью — с иными народами. Культ Рода и Роды отразился, например, в индийской мифологии. Там почиталась супружеская пара — Рудра и Родаси. Одно из значений имени Родаси — парный образ неба и земли. Ряд имен индийских богов оканчиваются одинаково: Руд-ра, Индра, Мит-ра. Скорее всего, вторая часть имеет значение — царь, оно входит в слово "раджа". Т. е. рудра — это Ро(у)д-царь. Происхождение слова подтверждается описанием в древней книге гимнов — "Ригведе". Рудра красного (медного) цвета — это, видимо, перевод его имени. Он тысячеглазый. Тысяча глаз обозначает звезды. Рудра — не абстрактный небесный бог, а скорее обожествленное небо. Он многофункционален, что говорит об архаичности этого образа.

Рудра олицетворяет гнев, ярость, несет смерть и разрушения, вызывает ветер и дождь, повелевает молниями, но он же дает жизнь людям и плодородие земле. Как видим, описание Рудры позволяет прояснить и образ Рода.

Народ бога Рода — это рутены или родены, а по-славянски родовичи, родичи. Когда все племена приняли общее имя Русь, словом "род" стали обозначать народ вообще. Русские послы говорили: "Мы от рода русского..."

Выходит, что с древнейших времен наш народ играл активную роль в мировой истории. Об этом и свидетельствует бог Род, "наследивший" и в Европе, и в Азии. Можно предположить, что в составе ариев русские племена достигли Индии и принесли туда культ Рудры и Родаси. В Аравии почиталась богиня плодородия Руда (земная), возможно, с ней связан упоминаемый в Библии северный народ Рос (Рош), которого смертельно боялись евреи. А в Греции почиталась Рода — жена Гелиоса. Он заменил Рода в качестве небесного бога, но имя осталось в названии острова Родос (Род).

Имя Рода получили также остров Руден, отколовшийся от острова Рюген во время землетрясения 1308 года, и древнерусский город Родень, стоявший в устье Роси.

В поучениях против язычества вместе с Родом упоминаются еще и Рожаницы. Они явно связаны между собой — им вместе приносили жертвы. Очень близко по звучанию слово "радоница" или "радуница" — день поминовения умерших. Звуки "д" и "ж" взаимозаменяются (родить-рожать). Роду и Рожаницам приносили жертвоприношения едой и питьем. Сходный был обычай и при поминовении умерших. Его же можно узнать и в обряде кормления домового, а вера в домовых — это полузабытый культ предков. Таким образом, Рожаницы, скорее всего, — потомки Рода и предки живущих людей.

Не имя ли верховного бога объясняет пристрастие русского народа к красному цвету? На Руси любили красные плащи, красные щиты. Русское знамя в Куликовской битве было красным (черным). Конечно, употреблялись и другие цвета, но красному отдавалось предпочтение. Это замечали и за границей. В поэме Низами "Семь красавиц" одна из жен иранского шаха, русская княжна, живет во дворце красного цвета. Этот цвет стал как бы символом русского народа.

Арлен БЛЮМ

Перед прочтением — сжечь...

Вот уже более трех лет наша пресса снова и снова возвращается к запутанному вопросу о судьбе так называемых "трофейных коллекций", вывезенных из побежденной Германии в 1945 году. Речь идет главным образом о судьбе "военнопленного искусства" — картинах и рисунках знаменитых европейских мастеров XVI—XVII вв., "золоте Шлимана", раскопавшего Трою, и т. д. Авторы справедливо замечают, что ни в одном из официальных актов, в том числе и решениях летней Потсдамской конференции 1945 года, книги, архивы и музейные коллекции не были включены в состав репараций. В течение почти полувека "трофейные" книжные коллекции хранились в нашей стране под покровом строжайшей тайны: их "как бы не было"... В крупнейших национальных книгохранилищах Петербурга и Москвы их судьба сложилась более или менее благополучно. Гораздо печальнее и трагичнее была их участь в провинции, в том числе и на Урале.

Вскоре после окончания войны миллионы трофейных книг рассылались "веером" — в основном по библиотекам областных центров, университетов и педагогических институтов. Делалось это в спешке, без смысла и толку, иностранные книги часто попадали в такие места, где явно не могли найти применения. Тем не менее, каждый город, "по разнарядке", получил два-три вагона этих книг.

1

Первая встреча с таинственными книгами случилась у меня тридцать лет тому назад — летом 1962 года. После окончания ленинград-

О судьбах "трофейных" книг на Урале

ского института я по распределению работал в качестве "молодого специалиста" библиографом Челябинской областной публичной библиотеки. Страна готовилась достойно встретить очередной XXI съезд КПСС. Каждый коллектив и отдельный человек брали на себя "соответственность" — увеличить, удвоить, догнать и перегнать... Кампания коснулась и нашего тихого заведения. Я и мой друг, Борис Тимофеевич Уткин, долго перебирали всякие фантастические варианты, пока один из нас не вспомнил вдруг об одной таинственной двери в старом книгохранилище, всегда закрытой и даже, кажется, опечатанной. По рассказам старых библиотечкарей, за ней хранилась какая-то "иностранщина". Вот мы и решили взять "соответственность на встречу съезду", — разобраться и привести в порядок этот книжный фонд "в нерабочее время". Дирекция благосклонно отнеслась к такой "инициативе снизу" — нам позволено было снять печати и открыть дверь.

...Две комнаты до самого потолка были забиты ящиками и коробками. Открыв первый ящик, мы были поражены: засияли тисненные кожаные переплеты, золотые обрезы старинных книг, великолепные гравюры... В коробках были преимущественно немецкие издания, начиная с XVI века, но попадались и английские, французские, шведские. Здесь были книги по религии, истории, геральдике, генеалогии, чудесные альбомы офортов, путеводители по городам и странам Западной Европы, античные и средневековые классики. На многих наклеены экслибрисы XVII—XIX веков — свидетели былой их принадлежности родовым библиотекам немецких князей, герцогов, маркграфов,

украшенные геральдическими львами с поднятыми лапами, графскими и княжескими коронами, видами средневековых замков, мечами, щитами и прочими атрибутами рыцарского достоинства. Я сфотографировал некоторые экслибрисы — "Вильгельма, герцога Брауншвейгского", "Маргарет, графини фон Мензерген", "графа Гюнтери фон Шенберга и Вельденберга", "Ульриха де Трота", "Вертера Байхлингена" и другие.

Из многих томов выглядывали какие-то узкие полоски бумаги, лоскутки, обрывки каталожных карточек, пригласительных билетов и т. д. с карандашными пометами на них. Вытянув один такой листочек из фолианта XVII века я убедился, что автор записи посчитал эту книгу "идеологически чуждой". Решив, что эти документы тоже представляют исторический интерес, я стал складывать их в конверт. К счастью, недавно обнаружил его среди старых бумаг: в нем оказалось более ста листочков. На обороте их я увидел свой почерк тридцатилетней давности — пометки о том, из какой именно книги был изъят каждый из них.

В подавляющем большинстве листочки содержали лаконичные "аннотации" на книги, по стилю скорее напоминавшие приговор, предрекающий книге незавидную судьбу. Вот половинка пригласительного билета, украшенная профилями Ленина и Сталина и ленинской цитатой: "...Видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописаний X века, а в том, как широко обращаются книги в народе". (из статьи Ленина "О задачах Публичной библиотеки в Петрограде"). Надо сказать, что эту цитату, непременно украшавшую стены наших публичных библиотек, превратили в лозунг и даже в "руководство к действию" когда нужно было обосновать необходимость "списания" редких и старинных книг. Ведь "не ими следует гордиться"... Рядом с цитатой — карандашная резолюция: "Не наша идеология", а под ней — моя помета о книге, в которую был вложен при-

гласительный билет: "Иммануил Кант. Критика способности суждения. Кенигсберг, 1790 г. Первое изд.". Комментарии, как говорится, здесь излишни...

Приведу и некоторые другие свидетельства минувшей эпохи. Сначала идут краткие сведения о "криминальных" книгах, а потом — "приговоры-резолюции":

Софокл. Трагедии "Антигона" и "Электра". На немецком яз. Берлин. 1751. — "Книгу очень трудно читать".

Иоганн Фихте. Опыт критики всяческого откровения. Первая книга классика немецкой философии, Кенигсберг, 1791. — "Книга устарела и у нас применения найти не сможет".

"Подъем и отход духовной жизни в человеческой душе". Анонимное изд., вышедшее в Париже в начале XVIII в. — "Само название книги говорит за себя. Книга вредная, т. к. говорит о наличии души".

Генрих Клейст. (Два прижизненных издания начала XIX в. одного из крупнейших немецких писателей-романтиков). — "Книга не найдет читателя, т. к. стихи автора в институтах не проходят, а для читателя, хорошо владеющего языком, не интересна".

Фридрих Гельдерлин. (Прижизненное издание другого немецкого поэта-романтика конца XVIII — начала XIX вв.). — "Автор настолько малоизвестный, что не стоит ставить на полку, тем более, что кроме этого это — невероятное старье".

Сельма Лагерлеф. Сага о Йесте Берлинге. (Первое шведское изд. 1891 г.). Автор — всемирно известная писательница, лауреат Нобелевской премии (1909 г.). Ее перу принадлежит любимая всеми детьми мира книга "Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями..." — "Роман сентиментальный, никому не интересен. Описывается жизнь взбалмошного священника и пьяницы".

"Полу-Азия". Том 2-й. На нем. яз. Начало XIX в. — "Данный том не относится к России, но уже в самом названии чувствуется националистическое пренебрежение к описываемым странам. Такую книгу выдавать неудобно".

Есть в старом конверте и несколько листочков, на которых, увы, отсутствуют сведения об источнике, но записи на них стоят прочнее. Например, такие: "Уголовный роман. Содержания не имеет", или "Кому нужна "Минералогия на немецком языке?", "Кому нужны мысли и корреспонденции неизвестного в истории литературы автора? И притом старые ужасное — 1710 год!"

Я задался тогда вопросом о происхождении этих записей. За разъяснениями обратился к Анне Константиновне, добродушной старушке, беспрепятственно курившей "Беломор" и осыпавшей пеплом каталожные ящики, над которыми она трудилась чуть ли не с дореволюционных времен. Выяснилось, что вскоре после войны областная библиотека получила из Государственного книжного фонда вагон книг на иностранных языках, которые были сложены в двух комнатках книгохранилища, как говорится, до лучших времен... Но эти времена все не наступали; наоборот, в конце 40— начале 50-х годов грянула кампания "борьбы с космополитизмом", дирекция заволновалась: "Что за иностранщина у нас хранится, нельзя ли как-нибудь от нее избавиться?". Тогда и появилась некая дама — "полиглотка" с решительным характером и обостренным "классовым чутьем".

Вскоре, по словам старой библиотечарши, был составлен огромный (свыше 10 тыс. названий) список иностранных книг, снабженных соответствующими характеристиками, часть которых была приведена выше. Но дирекция все же убоилась — как бы чего не вышло! — взять на себя ответственность за уничтожение книг. Список был отправлен в Москву, в Министерство культуры РСФСР, вместе с вопросом: "Что делать?". Министерский чин тоже решил подстраховаться и оставил на списке отточенную веками нейтрально-безопасную резолюцию: "На ваше усмотрение". Поняв, что ответственность снова перекладывается на нее, дирекция сочла за благо вернуть книги на прежнее место и опечатать дверь.

Ясно, что судьба трофейной

коллекции висела буквально на волоске. Все книги мы тогда разобрали, просмотрели, заклассифицировали и включили в основной библиотечный фонд. Надеюсь, что они и сейчас в нем хранятся...

2

Вот такая давняя история... Неожиданно, спустя ровно 30 лет, а именно летом 1992 года она получила не только продолжение но и документальное подтверждение. Выяснилось, что "Челябинская акция" начала 50-х годов вовсе не представляла собой исключение, а, напротив, была повсеместной. Идея проверки иностранных трофейных книг, попавших в библиотеки, на предмет их "идеологического соответствия" исходила от Идеологического отдела ЦК ВКП/б/, а практическое исполнение было поручено цензорам местных отделений Главлита. Об этом свидетельствует обширное "Дело" под названием "Переписка Главлита СССР с ЦК ВКП/б/", хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР, фонд 9425, опись 2, дело 186, листы дела 97—109). 12-страничный документ начинается так:

"ЦК ВКП/б/. Тов. Ключкову Ф. "Секретно". 16.IV. 1952 г.

Посылаю материалы по проверке литературы, разосланной в библиотеки Государственным книжным фондом СССР. Зам. начальника Главлита (П. Обухов)".

Далее помещена таблица с донесениями республиканских и областных отделений Главлита по такой схеме: 1. Откуда получено донесение. 2. Сколько экземпляров литературы получено. 3. Что сообщалось. 4. Как используется литература. 5. Факты засорения.

Оказывается, в начале 1952 года во все отделения цензуры было разослано циркулярное письмо с предписанием проверить в библиотеках трофейные фонды и выявить случаи "неправильного" их использования. И закипела работа...

"Акция" коснулась еще двух уральских библиотек — Свердловской областной им. В. Г. Белинского

и Научной библиотеки Уральского Государственного университета. По донесению Свердловского Облгорлита, "Областная библиотека получила 3.995 экземпляров книг, университетская — 19 019. В университете уничтожены 7800, в библиотеке Белинского — 378 (после проверки). Сохранились ли какие-либо документы в архивах, мне неизвестно.

Приведу еще несколько донесений "с мест":

"Ярославль. Получено 2014 экз. областной библиотекой и 1045 экз. библиотекой Педагогического института. Инофонды из Госфонда не были разобраны, затем просмотрены и частично уничтожены".

Главлит Белорусской ССР. Получено: 3.125 экз. — НИИ школ, 11923 экз. — Академией наук. Литература дважды просматривалась. Обнаружены факты выдачи в Академии наук литературы с антисоветским материалом".

"Брянск. Получено из Госфонда 1335 экз. и 1110 из Ленинграда. С 1950 г. пользование книгами было запрещено, так как Облит обнаружил много политически вредных материалов. Часть литературы отложена на уничтожение, но Гос. научно-техническая библиотека не дает на это разрешения". Уникальный, надо сказать, случай противостояния библиотеки цензурному ведомству. Было бы интересно узнать, чем оно закончилось.

От комментариев воздержусь: приведенные "личные воспоминания" и архивные документы красноречивы сами по себе. Ясно одно: материализованные духовные ценности (в виде книг, музейных коллекций и т. п.) принадлежат не государству (порой — преступному), а народу. И принадлежат не только той стране, в которой они оказались волею судьбы и случая, а всей мировой культуре, всему человечеству. Соккрытие и, тем более, уничтожение таких ценностей под любым флагом, особенно флагом "идеологического геноцида", — есть преступление...

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

От руки рисованные карты...

В голландском городе зима,
Несмелый снегопад мерзит
слепающей сеточкой дома,
И узкого скольженья скрежет
Лучом восходит ото льда,
Когда купчанин досточтимый,
Взлетев над вензелем следа,
Подносит яблоко любимой,
И нету выше высоты,
Где в пугах серебристой пыли,
Благочестивые, застыли
Раскрылий мельничных кресты.

Фантастические кондиции

Уж если семью оставлять
и надолго вверяться пути,
уж если поем на юг
по колену в закате брести,
уж если ночлега искать
у старухи с глазами овцы
и чужую собаку ласкать
у молоденькой лиственницы,
уж если с разбойником петь
или водку холодную пить
и в рыбацкую мокрую сеть
с пьяных глаз до утра угодить,
уж если все видеть и знать,
и не гнуть под ударами спину —
не иначе, как тайно сжимая
на груди золотую пластину,
императорскую дармовщину!

Аэростатика

Из блистающей бутылки
Скачут в ноздри пузырьки,
Вертикально на развилке
Расплескались флажки.
Степь с оттяжкой и жаром
Дышит маршем духовым,
В кожу, вздыбленную шаром,
Льется легкий теплый дым.
Руки втягивая в краги,
Деловито шевелясь

На пороге передраги,
С крестным знаменем князь
лезет в зыбкую корзину.
В воздух чепчики летят.
"Не тяни, — кричит, — резину!"
"Обрубай, — кричит, — канат!"
Обрубили. Пошатнулся —
Уронил в мешке песок,
Наклонившись улынулся:
То-то он теперь высок!
И уплыл напротив света —
Знать, пришла его пора.
И повисло без ответа
Громогласное "Ура!"
Гонит смелого беднягу
В полуночь по синеве,
Да цветастую бумагу
Катит ветер по траве.

Путешествие местоимения

Что юг? изобилие соли
По-разному дразнит и ест
На горного склона неволе,
В цепочке подсолнечных мест.
И звезды качаются в море,
Как золото в мутных вехах.
Досадливы крест в помидоре
И чистый песок в волосах.
Изводит жара немотою,
Мячи надувные гудят,
И, ягодой глядя литою,
Зевает удушливый сад.
Сдвигая зеленые плети,
Ты делаешь в сторону шаг
И видишь, как дикие дети
Вздевают на спицы табак.
Владение глазом опасно,
Когда в небесах как на грех —
Грузинское терпкое масло
Спрессовано в грецкий орех
И, вверх покотив из ущелья,
С предела своей высоты
Оно озаряет безделье
Над пропастью злой красоты.
Как вдруг из загорной фрамуги

Привольно задышит в лицо
Бесхмелица утренней выюги,
Занесшая снегом крыльцо —
И ты покидаешь чужбину,
В счастливые трубы трубя.
Я больше тебя не покину.
И ты не покинешь себя.

* * *

От руки рисованные карты —
Вполовину вымышлен Восток,
В сотне верст от нынешней
Джакарты —
Раковины пестрый завиток.
Географ несведущий и слабый,
Раскидавший по морю зверей,
Не приемлет грустного масштаба
Драгоценной родины своей.
На холме полынном и песчаном,
Разметав несчастную постель,
Он горит открытым океаном,
Обходя скрежещущую мель.
Он стоит, серебряный на черном,
И глядит, не двигаясь, пока
Съворотка неба перед штормом
Собирает в тучи облака.
Сброшена последняя буза,
Здесь и там киты и корабли,
И одна чернильная медуза
В сотне верст от Огненной Земли.

Валентин МОИСЕЕВ

СПАСАТЕЛЬ

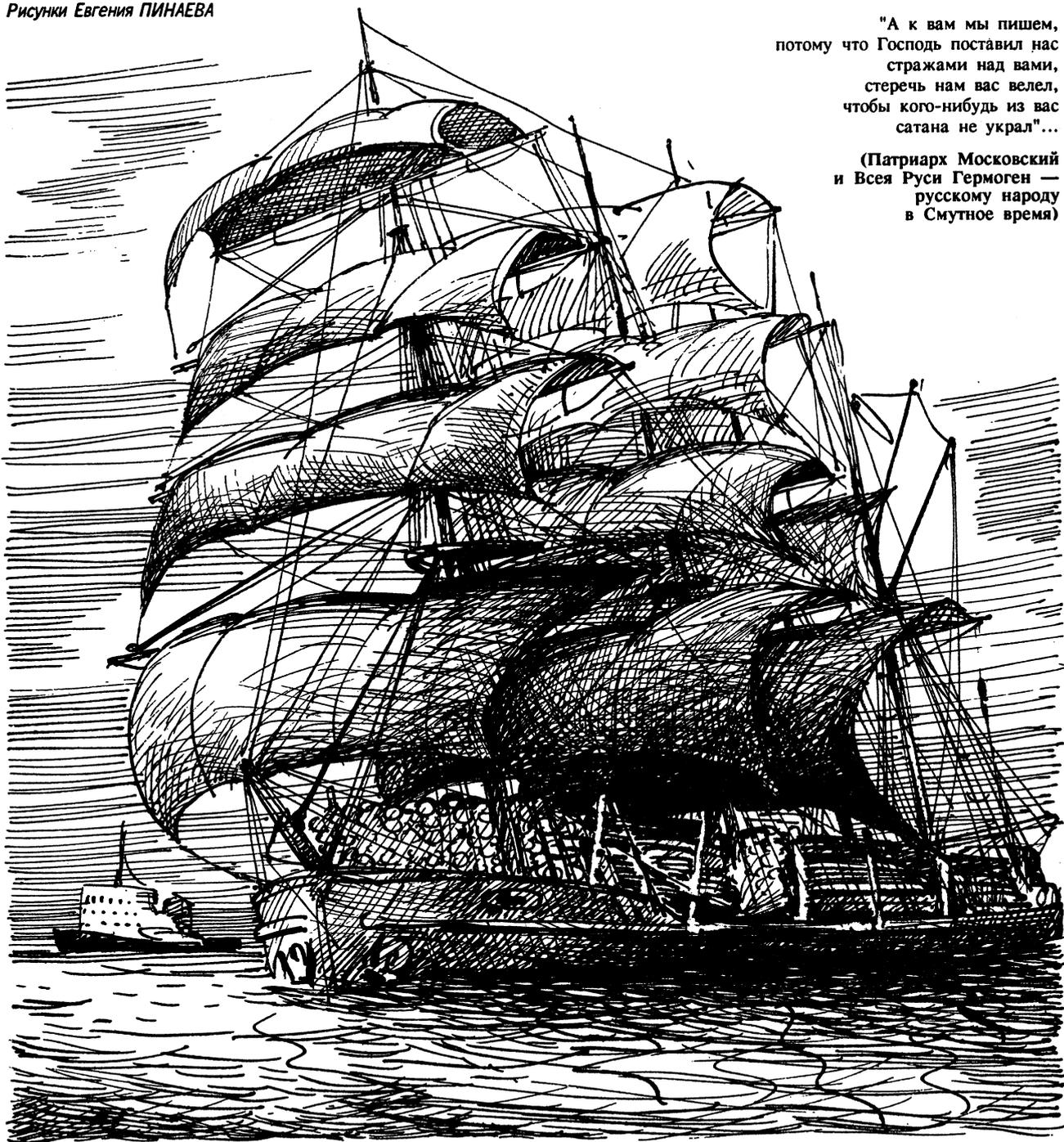
Повесть

Рисунки Евгения ПИНАЕВА

Светлой памяти актера Казакова

"А к вам мы пишем,
потому что Господь поставил нас
стражами над вами,
стеречь нам вас велел,
чтобы кого-нибудь из вас
сатана не украл"...

(Патриарх Московский
и Всея Руси Гермоген —
русскому народу
в Смутное время)

ВСТУПЛЕНИЕ

Из фольклора флота лесовозных барков Северного морского пароходства, Архангельск. Песня команды барка "Волгалес".

По-над Волгою дождик сеется,
Лодка черная на воде;

Больше не на что мне надеяться
В моей девичьей беде.

Лодка черная, цепь гремучая,
Вечер пасмурного дня —

Вы судьба моя неминуемая;
Боже мой, прости меня.

Прости матушка непреклонная,
Сестры малые и брат;
Ухожу с судьбой примиренная —
И никто не виноват.

Время позднее и ненастное,
Уплывает вдаль бережок,
На котором все лето красное
Обнимал меня дружок.

По-над Волгою дождик сеется,
Разойдется круг на воде...
Больше не на что мне надеяться
В моей девичьей беде.

1. Белое море, сентябрь

На четырехмачтовом барке "Волгалес" был вечерний чай. Только что закончили постановку парусов, люди вымотались, промокли до нитки под холодным дождем, застыли настолько, что те, кто работали на верхних реях, едва могли спуститься на палубу. Команда барка, многочисленными авариями и мобилизациями в состав ВМС доведенная до половины своего штатного состава, как ни старалась, а все равно не успела управиться с парусами раньше, чем скроется из вида буксир-атомоход "Ленин", выведивший лесовозы узким проходом среди минных и сетевых заграждений между Терско-Орловским маяком и банкой Орловской на простор северной части Белого моря. Промежуток времени, когда буксирный канат уже отдан, а полного собственного хода судно еще не набрало, всегда считался очень опасным, поскольку снижались и без того невысокие маневренные возможности. Если что-то случится на виду у буксира, он, по крайней мере, придет на помощь, поэтому паруса на выходе старались ставить возможно быстрее. Открытое море дальше к северу для парусников было относительно безопасным — пройдя заграждения, суда предельно рассредотачивались, гоняться за каждым в отдельности летающие лодки не стали бы.

Грея руки о кружку с чаем, старшина фокмачты Ефремов сказал:

— Сегодня ночью нам даст... А фор-марсель

и так едва жив. Шьешь — иглой не за что зацепиться, все сгнило.

— Да, — отозвался боцман, склонный к политическим размышлениям, — и в эту войну мы вступили фактически неподготовленными. Льноводство — запущено, смолу гнать толком уже не умеем, штурманы, как вся электрическая техника накрылась, в море словно слепые котятка...

— Зато выпендривались много, — устало, без злобы, заметил марсовый Лапин, человек уже в годах.

Война шла давно, превратившись в обычную, только очень тяжелую и опасную работу. И если в ее начале Лапин за свои неосторожные слова наверняка угодил бы куда следует, сейчас никто не придавал им особенного значения. Что ни говори, а дело делается не языком, и делал его марсовый безупречно.

— Пускай даст, — сказал старшина второй грот-мачты, — зато сразу вынесет подальше к северу.

— А вот же недавно "Космолес" на севере и гробанулся.

— Да какой там север! Всего 74-ый градус!

Начался вялый спор насчет границ севера.

Смысл этих рассуждений состоял в том, что самонаводные торпеды гуще всего были разбросаны вдоль южных берегов Баренцева моря и в южной его половине. Механизм их запускался от гидроакустического датчика, настроенного на частоту шумов судового дизеля. Лежа на дне на глубинах до двухсот-трехсот метров, торпеда не реагировала ни на плеск волн, ни на грохот столкнувшихся льдин и не сносились, как сорванные мины, к берегу. Именно этим дьявольским оружием была потоплена добрая половина прежнего транспортного и военного флота. Со временем, конечно, шумность судовых машин удалось понизить, но зато и торпеды стали встречаться чаще. Другую половину тоннажа погубили сами судоводители вскоре после того, как не стало прежней навигационной аппаратуры, поскольку производство было переведено на выпуск более нужной фронтам техники. Маяки и радиомаяки были разрушены летающими лодками... Так постепенно возникал нынешний флот грузовых парусников с параллельным возрождением старых методов навигации. А чтобы эти лесовозы не толклись между навигационными опасностями тесного Белого моря, их стали выводить из него на буксире атомных судов. Летающие лодки на атомоходы не нападали во избежание крупных экологических катастроф.

— Настоящий север — это район острова Надежды, — объяснял всем известное марсовый Горевских. — А вот между Надеждой и Шпицбергом, как говорят, проход вообще свободный, особенно если подойти к Надежде не с юга, а с востока.

— Во, во, ты бы подошел! Взятся указывать, а того не учитываешь, что в том проливе у

шпицбергенского острова Эдж находится шхерный район. Это место так и называется — Тысяча Островов. При подходе с востока определить не по чему, как раз на камни и угодил бы. Я с нашим Пал Палычем третий год на "Волгалесе", и уж если он к Надежде не ходит, то, значит, не без расчета.

— Ты, Горевских, и то учти, что эти подходы к острову, да тем более с востока, требуют немалого времени. Вот как раз, пока ходишь по морю, тебя лодка и подловит. Здесь надо быстро за Линию высказывать: у них все море под прицелом.

— Опять же непогоды... не выдержать нашей "Волге". Кабы настоящее судно, а то — баржа речная. Вон как у нее все скрипит! А еще изпод прикрытия берега не вышли.

Все прислушались к шумам, скрипам и плеску, в беспокоестве вдруг заметили, как неприятно вздымается и оседает скособоченная палуба под ногами, как покачиваются занавески на иллюминаторах и две керосиновые лампы у противоположных переборок, ощутили, сколь ненадежен мир, в котором они существуют. Да, "Волгалес" — это бывшая самоходная баржа с Волги; затем ее перегнали в Архангельск, на судоремонтном заводе "Красная кузница" переделали в барк, удлиннили на три буквы название — и вот теперь она, лишенная двигателя, винта и еще многого, без чего не обходятся нормальные корабли, тяжело пашет баренцевоморскую воду, битком набитая лесным грузом на экспорт.

— Тьфу, черт, опять тоску нагнали! И какого лешего каждый вечер об одном и том же вспоминать! Баржа так баржа! С делом хорошо справляться будем — и на барже плавать можно... Да и удачливая она, "Волга"-то наша. Все ее ровесницы — "Мологалес", "Керженецлес", "Медведигалес", "Шексналес", "Тверцалес", "Жабнялес"... всех не упомянуть... уже на том свете в тихих райских заводях плавают, а ей хоть бы что! Я сам два раза на "Волге" в Германии был, три — в Англии. Ведь из ее первого, еще волжского экипажа, только боцман Ефремов да Лапин сохранились, а она сама — цела!

— Ну и такие капитаны, как Пал Палыч, — вставил кто-то из темноты, — в Соломбале тоже не на всяком углу валяются.

— Вот, слышал, товарищ Горевских? Настоящие-то судоводители оказывается, не из институтов приходят, а из наших местных яхт-клубов. А тем, у которых высокое морское образование, — тем только поездка по рельсам двигать, а не корабли в море. Ах, черт!

Юрком успел схватить поехавшую по столу кастрюлю черных сухарей, которые подавались к чаю. Боцман заметил на это:

— Непорядок! Пора бы камбузникам и мокрое полотенце на стол выложить, чтобы посуда не бегала и люди зря не беспокоились.

— Однако, уже и закладывает, — сказал Ефремов. — Нет, убраться бы лучше фор-марсель!

Судно выровнялось, кастрюля стояла спокойно.

— Ерунда, случайный порыв.

— От этих-то порывов и есть главный убыток... А в хорошую погоду останемся без паруса.

На минуту зашел, налил себе горячего чая и подсел к столу рулевой.

— Там у вас, на мостике, не слышно разговору, что надо, мол, парусов убавить? — спросил Ефремов.

— Не слышно. Говорят, наоборот, что не шибко быстро идем из-за груза.

— А как вообще-то? — поинтересовался боцман.

— Нормально. "Лешуконь" справа по корме, "ТуломаГЭС" ушла вперед, "Уралмаш" у нас на правом траверзе, "Ленинградский ополченец" — на левом, остальные тоже разбрелись. Теперь-то уж никого не видно: стемнело.

— А что, ребята, — сказал Ефремов, — кажется, и в самом деле первый-то этап миновали... Пойти да прилечь; утомительное все же дело — выход!

2. Рейс

Ночь прошла спокойно.

Стойко держался умеренный юго-западный ветер, без конца шла морось, рано стемнело и поздно рассвело. К утру барк, сколь ни малым был ход, все же вплотную приблизился к линии мыс Канин Нос — мыс Святой Нос, разделяющей воды двух морей. Опасный район Терско-Орловского маяка, где днем постоянно вились летающие лодки, остался далеко позади. Другим опаснейшим местом был Канин Нос, потому что там ценой больших потерь поддерживали работу маяка, без которого трудно после блужданий по Баренцеву морю войти в Белое. На подходах к этому мысу тоже погибло немало судов. Хорошо зная об этом, капитан барка решил оставить мыс далеко в стороне, тем более, что точно определяться нужды пока не было. Единственную реальную опасность представляла теперь одна из летающих лодок-торпедоносцев с плавбаз, укрытых по заливам арктических островов. Но уж очень плохой была погода, и если даже торпедоносец с помощью своего радиолокатора заметил бы с большой высоты цель, снижаться под низкие облака для атаки против какого-то жалкого одиночного лесовоза он бы, конечно, не стал.

Тем не менее на барке были приняты все меры предосторожности. Всю ночь на мостике то и дело раздавались доклады по громкоговорящему телефону от наблюдателей с бушприта и с топа первой грот-мачты.

— Слева три румба что-то темное... Отста-

вить, показалось; должно быть, большая волна.

— Огонь по левому траверзу. Далеко, едва заметно.

— Шум прибоя прямо на носу. Предлагаю отвернуть под ветер на два-три румба.

— Под ветер, тридцать градусов! — тут же командовал на руль вахтенный штурман, а сам немного спустя подходил к микрофону:

— На носу! Почему нет доклада?

— Докладываю: шум прибоя как будто проходит слева... Опять, наверное, какие-нибудь бревна.

— На носу! Можно вернуться на курс?

— Обождите на всякий случай минут пять.

— Хорошо. На топе! Что с огнем?

— Виден периодически. Предполагаю, светящийся буюк среди волн.

— Хорошо.

— На мостике! Зря отворачивали: ничего там не было.

— Отвернули по слуху.

— Смена скоро? Холодно здесь.

— Через двадцать семь минут.

— А чай будет?

— Не отвлекайся, Малыгин!.. Конечно, будет.

Тонкая, изношенная обшивка речного судна не выдержала бы ни удара о плавающие по морю обломки, ни соприкосновения со льдиной. Бывало, что среди ночи вдруг появлялись огни спасательных плотов и шлюпок, светлячки на спасательных жилетах, пламя пожара. На помощь спешили далеко не всегда, по опыту зная, что в ледяной баренцовоморской воде подберут скорее всего уже только трупы, тогда как сама спасательная операция может быть очень опасной для спасателя.

С рассветом вахтенным стало полегче, поспокойнее. Тревожные доклады прекратились. Четко выдерживался курс, регулярно измерялись дрейф, скорость... Погода сохранялась прежняя, нелетная. На мостике постоянно работал радиоприемник, настроенный на волну "Архангельск-море"; за все утро не было ни одного сообщения о гибели судов и даже о появлении летающих лодок. Не менялся и ветер, так что парусов не трогали. Отоспавшаяся команда мечтала об обеде; некоторые ходили на камбуз поинтересоваться, что будет на первое. Что будет на второе — вопросов не вызывало: как всегда — вареная рыба, ибо область с незапамятных времен сидела на самообеспечении.

— А я вот помню, что прежде чай заваривали из настоящего грузинского чая, а не из листьев брусники и разной травы, как теперь, — говорил Малыгин, солоубалец и водохлеб.

— Эко что вспомнил! Грузинский-то прежде особенно и не уважался... так, пыль какая-то, — отвечал Ефремов, успокоившись насчет фор-марселя. — Мальчишкой я индийский пробовал. Вот это чай! Там на коробочке слон еще был нарисован.

— По мне хоть веник завари; — рассудил боцман, — было бы сладко да горячо. А вот бражка, например, или самогоночка — это радует...

— Кабы тебя одного радовало, так и говорить бы о том стоило. У меня в деревне брата расстреляли за самогон — прямо на месте, в той яме в лесу, где гнал!

— А за что теперь не расстреливают? В тылу-то может еще хуже, чем на флоте — у нас тут на своих редко кто доносит.

— Боятся. Ты, допустим, сегодня донес, а завтра какая-нибудь морская беда приключилась. Порой человеку бросил конец, например, — он и спасся. Но бросить можно так, что ты конец поймашь, и так, что не поймать. И уж если товарищи в тебе засомневались, то, конечно, лови не лови — толку мало. А сделано все, вроде, правильно, никакой юрком не придется.

— Скоро, есть предположение, мы опять чай со слонами пить будем, — сказал Горевских.

— Откуда известно?

— Мне друг рассказывал, что Финляндия будто бы обещает пропускать через свою территорию не один, как теперь, а два наших поезда в неделю.

— Врешь!!!

— Я тоже не поверил. Но дело тут не в самой Финляндии, как он мне растолковал, а в Объединенной Европе. Условия остаются прежними: за пассажирский вагон русских Объединенная Европа дает грузовой вагон товаров невоенного характера: гражданская одежда, детские вещи, книги, продовольствие. А что нам, трудно собрать эшелон больных и раненых? Они же всех берут, кто пересечет финскую границу живым. Вот и будет у нас грузовой состав с чаем.

— Это сколько же заварок в составе-то?.. Это же на весь флот!

— Европа людей дорого ценит. Мы вот им сейчас четыре тысячи кубометров отборного леса доставим, а много-то они не дадут, — ну, может, пару станков каких или пару автомобилей. Тогда как легковой автомобиль у них можно получить за одного нашего здорового рабочего или полторы здоровых бабы.

— Жалко, что наши здоровыми расплачиваться не хотят: все бы теперь у нас было.

— Политика! Эдак и воевать некому станет.

Под бисом трижды подпрыгнул звонкий колокольчик, и неторопливый разговор прервался: наступил обед.

— А на первое-то снова рыбный суп!

— Ведь только что из порта вышли — и уже этой тухлятиной кормят! Ведь молодая картошка появилась, могли бы подбросить!

— Картошка идет в действующую армию, — сказал юрком, стоя в общей очереди с железной миской в руках. — Сухопутным войскам труднее, чем гражданскому флоту.

— Просто вы сами из сухопутных, вот им и сочувствуете.

— Я, товарищ Малыгин, могу судить объективно, потому что был там и тут лично, чего не скажешь о вас, — ответил юрком без обиды.

— Прав он, — сказал, оборачиваясь, штурман Седов. — Мы вот как если дойдем до Эдинбурга, то нам опять эти шотландцы через борт на палубу продуктов набросают, в Англии мы немножко подкормимся. А пехоте ведь кроме пайка довольствия нет. Брат у меня сейчас на Литовском фронте: так, как он пишет...

— Разве какая смелая бабенка по доброте душевной солдату чего отвалит, — вставил юрком, подмигивая очереди.

Все засмеялись, в общем-то довольные сегодняшним днем.

3. Война

Марсовый Лапин сел за стол с его наветренной стороны, чтобы если вдруг сильно качнет, то суп не вылился на брюки. Качка вообще-то была небольшой, но глубокой, провалистой — чувствовалась недостаточная остойчивость барка, набитого пилным лесом под самые нижние шкаторины парусов. А разных мест за столом было сколько угодно — в море вышли с неполной командой, потому что солоубальские лесопильщики — стахановцы сумели подготовить товар до планового срока и, следовательно, до прибытия хотя бы частичного пополнения.

Хлебая жидкий супчик из действительно какой-то полугнилой рыбы и плохо разварившейся крупы, Лапин краем глаза посматривал в иллюминатор сбоку — сказывалась привычка, работая на мачте, между делом следить и за морем. По ту сторону борта бежала монотонно серая вода с белыми пузырями, скрученными в полосы пелены; то вскидывалась под самое стекло, то уходила глубоко вниз.

"Вот уж почти и вся жизнь так-то утекла, — уныло думал, придерживая быстро пустеющую миску, Лапин. — Не заметил, как все годы прошли. А теперь хорошего ждать нечего... даже что просто новое — и этого не будет... Теперь только под гору... Что-то задыхаться начал, особенно на холоде. Доктор говорит, возрастное. Лекарства не дал. Ну так что, если и возрастное? Ты все равно помоги, мне ведь работать надо..."

Затем вспомнилась жена.

После смерти обоих детей, из-за чего ее перевели в категорию одиноких женщин, и вступило в действие правило, что в его краткосрочный отпуск после рейса едет не он к ней, а она к нему. Нина всю эту неделю прожила на стоящем под погрузкой барке, спали они в кубрике, отгородившись занавеской на койке. Тут же располагалось еще несколько подобных супружеских пар, сюда приводили знакомых женщин холостяки. Для двоих койка была уз-

ковата, и вообще все не так и не то, что дома. Одним словом, отпуск вышел каким-то нищенским, настоящей моральной поддержкой, как сказано в правилах, считаться не мог. Да и родины не видел, на могиле родителей не был...

Рядом с Лапиным сел Горевских. И тут же закричал:

— Почему радио не работает? Уже время, время!

— Еще минута, — ответил ему Седов, как все штурманы — человек при часах.

Лапин доел суп, пошел с этой же миской за вторым — и тут радио заговорило.

— Говорит Москва. Передаем сводку Росинформбюро. Положение на фронтах. Карельский фронт. После ряда ожесточенных боев под Беломорском положение стабилизируется. В результате военных действий железная дорога на Мурманск и Беломорско-Балтийский водный путь не работают. Карелы предупреждены о неизбежной суровой расплате за блокаду Мурманской области.

— Если до зимы наши не прорубят коридора, — сказал Горевских, — Мурманску не выстоять: там же нет топлива.

— Выстоять-то, может, и выстояли бы за счет своих электростанций, но они, я слышал, хотят Норвегии отдаться.

— Выстоят во всех случаях, — возразил юрком. — Наши люди, русские; что им какая-то Норвегия! Мы их топливом частично через Белое море снабдим. Ну и про гидростанции верно — реки там небольшие, но быстрые, энергия будет. Хотя, конечно, товарищам тяжело, поскольку в окружении.

— Да помолчите вы ради бога! Вот, из-за вас про Эстонский фронт прослушали.

— Там уже который месяц все стабильно. Эстонцы как наших за Нарву потеснили, так все и встало.

— Латышский фронт. Выпрямляя линию фронта, последние наши подразделения оставили западный берег реки Великая. Псков и его пригороды надежно удерживаются в наших руках. Оборона по реке Великая позволит использовать освободившиеся войска на других фронтах. Литовский фронт. Из-за противодействия националистических банд в Белоруссии положение на Литовском фронте продолжает оставаться напряженным. Наше наступление на Алитус в целях разблокировки Калининградского блокадного района приостановлено мощным предательским ударом по транспортным путям. Положение в Калининграде сомнительно не вызывает.

— Эти белорусы нашими настоящими друзьями никогда не были, — сказал штурман Седов. — Брат мне писал, что у них полно белорусских диверсантов. Школьники даже мстят за Сталина, Хрущева и за всех подряд. Сплошные мины и засады. А посмотришь со стороны — все в порядке. Хуже всего, что нигде и никогда верить местным слезя.

— Сдается, что и Калининград им не вернуть, и сами в окружение попали. Отступать, надо отступать!

— Русские своих в беде никогда не оставят, — сказал юрком. — Неофициально я слышал, что Германия берется всех наших из Калининграда эвакуировать в Ленинград, с условием, что мы отдадим эту территорию немцам. Так или иначе, но своих не бросим.

— Хорошо бы эвакуировали... У меня сестра в Калининграде.

— Значит, еще встретитесь.

— Да не болтайте вы! Сейчас про Украину скажут.

— Сам черт не разберет, что на этой Украине происходит... Сегодня мирятся, завтра снова дерутся.

Но про Украинский фронт радио вообще ничего не сказало, а перешло прямо к делам в Крыму.

— Мелкие турецкие суда, курсирующие вдоль крымских берегов, продолжают снимать русских беженцев. По рассказам этих людей, варварские избиения русских крымскими татарами достигли невиданных масштабов. Турция заявила, что теплоход "Феликс Дзержинский", шедший из Ростова в Марсель с грузом пушнины, икры и других ценнейших грузов, был захвачен при подходе к Босфору не турками, а замаскированными под турок украинскими пиратами из банды имени Тараса Бульбы. Турция подтверждает, что она и впредь будет поддерживать установленный международный статус проливов, беспрепятственно пропуская и русские суда, но не имеет возможности искоренить пиратство на всем Черном море. Вчера через Босфор в стороны Крыма прошло большое спасательное судно Израила "Тель-Авив". Таким образом, Израиль стал пятой страной, оказывающей активную помощь спасению русских в Крыму.

— Кто бы мог подумать, что там заварится такая каша, — сказал боцман. — Я однажды на курорте там был: тихое место, приятное. Эти татары оказались хуже северокавказцев — те нас просто выгнали, как эстонцы, — и все. А тут ведь режут! Хорошо еще, что Турция не на татарской стороне.

— Калмыцкий фронт. В результате кровопролитных боев калмыцкие банды оттеснены от Волги. Но сквозное движение по реке восстановить не удастся из-за действия дальнобойной калмыцкой артиллерии. Калмыки вновь предупреждены, что устье великой русской реки было, есть и будет русским.

— А то как же нам без Волги, — заметил снова боцман.

— Да так, — возразил Горевских. — Жили мы без этого устья до Ивана Грозного — и ничего. А сейчас мешаем калмыкам объединиться с казаками: они на все пойдут, чтобы своего достичь.

— Казахский фронт под Петропавловском

надежно защищает транссибирскую магистраль. Бои практически прекратились. К событиям у озера Байкал. Буряты по-прежнему не дают восстановить движение по магистрали, фактически здесь возник Бурятский фронт. Русское правительство в девятый раз серьезно предупредило Монголию о недопустимости поддержки бурятских банд. Великой Бурятии не бывать!

— Да их там, говорят, Китай подталкивает: как только вы, мол, дорогу перерубите, так мы заберем себе Дальний Восток.

— Это клевета на братьев-китайцев, — сказал юрком.

— А вторая-то дорога, севернее Байкала?

— Не работает, вся рухнула, потому как плохо строили.

— Переходим к положению внутри страны. Волнения в Мордовии достигли опасного уровня, там снова введено военное положение. В Татарии и Башкирии — стычки русских войск с националистическими бандами. О своем намерении поддержать идею создания единого ненецкого государства заявили ненцы Архангельской области.

— Этим-то чего надо? — сказал боцман. — Кто уж не делал подобных заявлений, только многое ли стало по-ихнему?

Остальные, с боцманом не согласные, промолчали: в последние годы множество разного рода сокрушительных для Союза планов, выдвинутых малыми, порой смехотворно ничтожными народами, прямо-таки народами, оказались, вопреки воле могучей России, реализованными.

— Центральный совет труда и обороны произвел в своем составе следующее изменения: обязанности товарища Иваненко перешли к товарищу Петренко; на место товарища Хлестаковченко поставлен товарищ Чичиковенко; товарищи Первомайский и Победимский в соответствии с их просьбами выходят на пенсию...

По поводу этой информации никто ничего не сказал: как снимаемые, так и назначаемые товарищи были неизвестны. В отличие от барка Россия шла сквозь мглу политического неясства неясно с какими штурманами или, может, вообще без них, с одним то ли пьяным, то ли сумасшедшим рулевым. Правя просто по ветру, даже при поставленных без всякой системы парусах, безумец-рулевой мог некоторое время не дать судну перевернуться. Но нет безбрежных морей, так что крушение неизбежно. Ужесточая террор, Центральный совет подвигнул массы русского народа к тому пределу, когда они в попытке сохранить жизнь, схватят за горло этих безликих руководящих товарищей — и тогда война русских против нацменов превратится в самоистрбительную войну всех против всех...

4. В открытом море

— Все наверх, паруса убирать!

Полноценным барком баржа "Волгалес" считаться все же не могла — площадь парусности у нее не превышала половины той, какую имели прежние настоящие барки. Относительно более узкая, она не обладала нужной остойчивостью; из-за малой разности вант к бортам слабым оказывалось крепление мачт. Но, тем не менее, когда-то в старину ходили даже на таких кораблях, надо было только вспомнить забытое искусство.

— К постановке на ваер приготовиться!

Кругом лежало открытое море. Работая на мачте, Лапин не видел с высоты ни клочка суши, ни других кораблей. Ветер почти стих, оставив после себя небольшую зыбь.

— Должно быть, лед впереди недалеко, — высказал в начале работы предположение Горевских. — А вот чего-то не видно ни льдинки.

— Нет, в такое время да при таком ветре льда здесь не бывает; его дальше на север отогнало.

— Так чего же остановку-то делаем?

— Не хочет, видно, Пал Палыч ни к берегам приближаться, ни кромки льдов доходить, потому что как раз там разведчики летают. Отстоимся в центре моря, обождем, пока у них за другими лесовозами охота закроется, тогда и двинем. Как раз и погода позволяет. Мы так-то чаще по заливам прячемся, но на сей раз Пал Палыч новый, видно, фокус придумал.

— А разве тут якорь дна достанет?

— Обычному, на цепи который, — не достать. А мы на маленький становимся, к длинному тросу прицепленному, на ваер иначе. В тихую погоду и он удержит.

— Все равно ведь глубоко.

— Здесь-то? Нет. Вот за остров Медвежий уйдем, так там глубины километрами считать надо. А Баренцево море мелкое — ну, может, метров триста, четыреста. Но тут и совсем, наверное, отмель: это место Пал Палыч потому, надо полагать, облюбовал, что на банку вышли.

— Уж больно он молодой для такого большого начальника.

— Молодой. В команде моложе нет никого. По правде сказать — еще пацан. Его на флот прямо со школы забрали.

— Для авторитета надо бы кого постарше.

— Так ведь потопли на нынешний день все авторитетные, — отозвался в последний раз Лапин, потому что стало не до разговоров.

К тем временам, когда русские адмиралы поняли, почему в зоне полуостров Рыбачий — остров Надежды корабли один за другим уходят на дно, в торговом флоте плохо стало не только с тоннажем, но и с кадрами. А когда в срочном порядке возник флот парусных лесовозов, способных ту зону преодолеть, стало ясно, что для них и кадры необходимы новые.

В обмен на высококвалифицированных механиков, электротехников, электронщиков другие ведомства отдавали флоту всех более-менее способных работать с парусами. Так и выходило, что какой-нибудь мальчишка, строитель и капитан парусной лодочки, после краткосрочных курсов получал форменную туужурку с нашивками вдоль всего рукава и корабль, которому в прежние времена даже до места разделки в металлолом куда-нибудь по реке не позволили бы дойти самостоятельно. Что поделаешь: если идет затяжная война, необходим хоть какой-то приток оборудования из-за границы, а, следовательно, и товар на продажу. Воспитанные в нормах беспредельного уважения к человеческой жизни, зарубежные моряки ни за какие суммы не полезли бы в русские моря, да и не было у них кораблей, способных преодолеть Линию. Так что вся надежда была только на эти кое-как сляпаные барки да на мальчишек-капитанов, успевающих до того, как уйдут вместе со старой баржой под воду, сделать пяток-другой удачных рейсов.

— Фор-марсель опустить на палубу!

"Ремонт, значит, — подумал с досадой Лапин. — Может, завтра потонем, а они ремонтируют... Вечно этот Ефремов ремонты не вовремя затевает. Прошли бы Линию — тогда и отремонтируй с хорошим-то настроением..."

Ни разу что-то не начинал он рейс в таком вот расстройстве. А расстройство было, в основном, из-за жены. Теперь, после гибели на фронте последнего сына и дочери, после смерти от болезни двух внуков, остались они на всем белом свете одни-одинешеньки. Раньше, приезжая на побывку домой, он не отходил от нее ни на шаг; она еще все смеялась тогда: "Какой ты у меня ненасытный..."

А тут, на барке, ничего этого уже не было. С вечера она плакала, вспоминая детей, а потом, еще в слезах, вдруг засыпала. Даже сам вид у нее изменился — худенькая, сгорбленная, с посиневшим от недоедания и нездоровья личиком, в темном платочке... Поговорить бы спокойно, просто посидеть вдвоем около самовара у себя в избе, — может бы и отошла. Здесь же, на судне, кто-то хлопнул дверью, кто-то выматерился в коридоре, лязгает лебедка, высматривают что бы украсть грузчики-зеки, волны от буксиров будто чавкают под кормовым подзором, — тут покоя нет, женщинам здесь не место. Вот потому-то, наверное, она как-то и сказала: "Что ты, что ты — ведь мы уже старые..." Будто водой из ведра!

"Нет, — упрямо думал за работой Лапин, — с этим что-то надо делать! Надо мне самому к ней приехать. Какая, в конце концов, поезду разница, кого везти: ее ко мне или меня к ней? Ну так что, если такой закон? В крайнем случае попросу наркома. Никогда ни о чем не просил и просить бы не стал, а ради жены —

попрошу. Поскольку кроме нее у меня никого не осталось — препятствовать не должны”.

— Эй, Лапин! Дядя Гриша! Все, что ли? Можно уходить?

Это с нока рея кричал Горевских. Из кармана ватника у него высовывалась какая-то бумага, вроде сложенной вдвое тетрадки. Лицо худое до невозможности, вместо настоящего шарфа шея обмотана куском байки, который сперва используют как шарф и полотенце, а потом — как портянку, под ногами глубоко внизу перекатываются пологие волны, однако и кричит и смотрит весело.

Горевских на барк явился только что, по переводке из военно-морского флота, со службы менее трудной и опасной. Ведь после гибели многих боевых кораблей уцелевшие теперь почти не покидали своих баз, охраняя сами эти базы.

Нечто сходное произошло и на суше. Там кадровая армия засела в укрепрайонах, тогда как фронт между этими районами держали целой огромных потерь ополченцы, посылаемые на передовую за разные провинности в тылу. По мере того, как людские резервы на передовой таяли, в стране вводились новые, еще более суровые законы, не нарушить которые было практически невозможно. Про армию по радио сперва говорили, что она копит силы для сокрушительного наступления сразу на всех фронтах, затем — что без нее не будет

порядка в государстве, а когда все привыкли к такому ее безопасному положению, говорить стали о другом.

Но вообще-то Горевских был студентом-филологом и не терял пока надежды вернуться в университет, при каждом удобном случае занимаясь самостоятельно.

— Без команды с места не уходят, — ответил ему Лапин. — Не первый год на флоте, должен знать.

— Да холодно тут без дела.

“Прямо как наш Коля, такой же нетерпеливый”, — думалось невольно Лапину, видевшему сходство между погибшим сыном и Горевских и взявшему студента под свою опеку.

— Сейчас будет и команда. Видишь, как вахтенный у лотовой лебедки забегал? Вот Пал Палыч определит, дрейфует нас или нет и какой грунт под килем — и даст команду спуститься. Да не должно дрейфовать, море тихое.

— И долго мы тут будем?

— А вот дождемся попутного ветра — тогда вира якорь! Да хорошо бы непогоды с мокрым снегом, чтобы лодки не летали. Пал Палыч радио тем временем послушает, оценит обстановку, наметит безопасный маршрут. Главное здесь — в кучу с другими судами не сбиться. Им, летунам, ведь тоже нет резона гонять лодку на другой край моря из-за одного нашего лесовоза, они сдельно работают. Разведчик им

так цели подбирает, чтобы за один полет торпедоносца экипаж мог что-то иметь в кармане. Одним словом, пиратский кооператив бывших наших нацменов... И винить некого — сами эту проклятую кооперацию насаждали!

5. В огненном кольце фронтов

— Команде барка собраться в столовой на политзанятия!

— Во-во, а то за погрузкой да выходом запустили мы это дело, — сказал с одобрением боцман.

Политзанятия проводил новый юрком. Под рукой на столе у него были для зачитывания цитат толстенная подшивка "Правды", тонкий альбом "Правды Севера" и совсем уж блокнотик "Правды Северного флота". Большинство прежних газет и журналов не выходило из-за отсутствия бумаги, хороших новостей и отправки на фронт или трудфронт сотрудников редакций.

Юрком на барке был, подобно капитану, из молодых. Говорили о нем, как обычно о юркомах, разное, а достоверно знали одно; на флот юрком попал с фронта, где был ранен в ногу, из-за чего передвигался теперь с трудом. Но флот велик, и направление раненого фронтовика на самые опасные суда могло состояться лишь в случае какого-то проступка. Одни слышали, что юрком присвоил казенное имущество, другие — что напился, третьи — что спал с малолетками. Но какова бы ни была действительная причина или все они вместе, каждый понимал, что нет у юркома иного выхода, как искупить вину не щадя ничьей крови.

— Товарищи, Россия в огненном кольце. Не буду описывать положение на фронтах вдоль ее границ. Суммируя все данные, скажу только, что на сегодня у нас нет ни одного нацменьшинства, которое не потребовало бы для себя политической самостоятельности. Доходит до смешного: того же захотели цыгане...

Слушатели сдержанно засмеялись.

— От территории России фактически отчленен Дальний Восток, им пытаются управлять жалкая кучка политиканов из Биробиджана. Оголтелые банды казахов под предлогом помощи хантам и манси рвутся в Западную Сибирь, к нашим нефтяным кладовым. Нерусские народы Поволжья мечтают открыть объединенный фронт по линии Сыктывкар-Казань-Уфа с выходом в Казахстан. Как это ни прискорбно, за этим фронтом хотели бы решить свои проблемы уральские сепаратисты. Не бывать этому, товарищи!

— Не бывать, не бывать, — зашумели, как и требовалось, вокруг.

— В это предельно тяжелое для нас время западные государства все никак не могут закончить со своим преступным нейтралитетом. Цены на сырье из-за отсутствия нашего русского подвоза там резко подскочили. Многие

фирмы терпят банкротство и закрываются. Начался массовый рост безработицы и нищеты. Есть все основания верить, что бурные протесты пролетариата заставят этих толстосумов-капиталистов оказать нам действительную помощь.

Лучше бы юркому это место в утвержденном тексте доклада вслух не говорить, учитывая, что выступает он не перед пехотой, ничего из окопа не видящей!

— Напрягая все силы в войне, мы не можем, конечно, брать на себя еще и охрану природы. Наши загрязнения воздуха, рек, морей растут, вызывая панику в соседних странах. Этот рычаг воздействия оказался самым эффективным. Вдобавок недавно весь мир был до смерти перепуган появлением в ряде стран таинственной болезни "русская чесотка". А что будет, если в результате военных действий начнутся массовые аварии на наших атомных электростанциях? Вы понимаете, какой ужас охватит густонаселенную Европу? Вот тогда-то она непременно сообразит, что иного пути, кроме помощи нам, у нее, чтобы выжить, нет. А ведь у нас не заржавело и атомное оружие, которое пока не используется. Если уж на то пошло, скажем прямо: есть, товарищи, чем хлопнуть, выходя за порог семьи великих народов! Все в мире это знают, учитывают и строят планы помощи нам.

Тут юрком сделал указанную в плане доклада паузу, чтобы оценить реакцию слушателей. Реакция соответствовала норме.

— Время работает на нас. Мы победим, проводя даже только оборонительную политику. Но долгая оборона создает благоприятную почву для пессимизма, сеет неверие в наше правое русское дело, плодит предателей. И вот здесь, товарищи, ключевую роль призван сыграть корпус юристов-комиссаров, юркомов.

— О себе расскажите, товарищ юрком, — попросили из публики, все это слышавшей десятки раз.

— Каждому известен героический образ комиссара времен гражданской войны товарища Фурманова. Но комиссары, подобные Фурманову, действовали, надо признаться, не всегда на строго научной основе. Поэтому в чапаевских войсках царил порой самосуд. Помните то место в фильме, где на вопрос Чапаева "Кто стрелял?" ему отвечают: "Мы тут сами одного шлепнули". Возможно, что погиб невинный человек. Теперь такие самосуды исключены полностью: каждый наш комиссар имеет высшее юридическое образование и действует строго в рамках законности. Что бы вы ни натворили, без суда вас никто не накажет.

Среди публики поднялось легкое волнение.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать: флотская, мол, специфика... Довожу до вашего сведения, что на колумбовых кораблях находился прокурор и что поэтому из одного своего плаванья к Америке Колумб вернулся в качестве

арестанта, в цепях. Вот на основе, с одной стороны, исторических данных, а с другой — живого опыта гражданской войны, используя последние достижения юридических наук, и был создан корпус юркомов. Перед юркомовыми равны все, и только они поэтому способны защитить вас от несправедливостей со стороны высшего руководства. Поэтому всемерное содействие юркомов — в личных ваших интересах. Диалектически совмещая в одном лице прокурора-обвинителя, следователя, адвоката, заседателя, судью, а также исполнителя приговора, юрком поступает гуманно в отношении обвиняемого, избавляя его от неприятных и долгих юридических процедур, свойственных судам прошлого... А что касается меня лично, то кто я такой, чтобы выделять себя из массы русских юркомов?.. Теперь, товарищи, слово капитану.

Пал Палыч по молодости говорить с народом не умел и, зная за собой этот недостаток, старался обходиться уставными командами. Но в помещении все равно тут же установилась мертвая тишина.

— Значит, так... Ветер ожидается нордовый, с последующим поворотом к весту и усилением. Как только задует, держим немного полнее галфвинда, выигрывая в скорости, чтобы Линию проходить ночью. При заходе ветра можно рассчитывать на ухудшение видимости, в какой-то мере нелетную погоду. Судя по местам последних случаев, Линия сейчас более всего проходима в середине.

Капитан не сказал, что подразумевается под "случаями", но все его поняли: он имел в виду случаи гибели судов.

— У них там, есть предположение, происходит смена плавбаз лодок, полетов много, так что на северном конце Линии, на который мы рассчитывали, стало опасно...

— Что и понятно, — добавил юрком, — поскольку заработать одновременно хотят как сменяемые, так и сменяющие. Одним словом, рвачи-кооператоры.

— Ага, — растерянно подтвердил капитан. — Они там, на севере, новые экипажи тренируют... В конце нас прижмет к берегу, будем укрываться в каком-нибудь фьорде от шторма, постараемся быть в том районе днем.

— Какие особые задачи ставятся перед коллективом в связи с пересечением Линии? — спросил юрком.

— Ну, какие... Все те же.

— Чтобы, значит, проявлять сознательность, взаимовыручку и стойкость. А теперь, товарищи, прошу всех в столовую: там, говорят, по случаю дня рождения нашего уважаемого Ивана Андреевича Ефремова кок приготовил к обеду нечто особенное. Будут по этому поводу и капитанские сто грамм. Все, конечно, скромно, насколько позволяет корабельная обстановка, но — от души.

После обеда и отдыха ветер в самом деле сменился.

— Все наверх, паруса ставить!

Быстро поставили кливера и бизань, дружной работой на лебедке оторвали от грунта ползущий якорь, барк медленно увалился и забрал ход. Затем разошлись по реям, начали ставить прямые паруса. Северный ветер крепчал, резко похолодало, прояснилось небо, между облаками стало видно низкое солнце.

— Команде отдыхать!

В столовой команду ждал кипящий самовар.

— Ну и стужа! — говорил Горевских, грея о кружку с чаем застывшие руки. — Так и чувствуется, что где-то рядом лед плавает. "Китами пахнет", — как сказано в одной книге про север.

— Не в стуже дело, а в том, что мяса не едим. Видел я этих иностранцев — одеты в какие-то курточки, в легкие шапочки; как он только, думаешь, не околел на холоде? А как он околеть может, если, говорят, у него на обед кусок мяса во всю тарелку! Хлопнет для аппетита шнапса, мясом заест — что ему эти севера!

— Но ты, Варавин, — перебил говорившего юрком, — и с тем согласиться должен, что моральный дух у нас выше. Никогда бы мы, русские, не пошли на то, чтобы губить людей с поштучной оплатой на кооперативной основе, как делают эти изверги, которые за нами сейчас охотятся.

— Это уж точно, — ответил Варавин. — Пойти, что ли, да лечь, пока аврала не ждем...

Полчаса спустя, греясь в кубрике у топящейся печки, Горевских сказал вдруг Варавину:

— А чего ты, Варавин, юркому поддакиваешь? Видел я пленного, когда мы самолет сбили — так он сказал, что всему самому плохому их, наших бывших нацменов, научили мы, русские. Особенно людей не жалеть. Вот мы сейчас идем по лезвию, можно сказать, бритвы, — а шлюпки-то у нас открытые, южные, обсушиться и обогреться в них будет нельзя. Допустим, барк утопят они. А вот кто заморозит команду — это еще вопрос!

— Так ты, если все это хорошо понял, иди и изложи юркому, — ответил после раздумья Варавин. — Он тебе за это спасибо скажет и тебя где надо отметит. Хотя, сдаётся мне, ты у него, несмотря на кратковременность службы у нас, и так уже отмечен.

— Теперь не старые времена. Не начало войны. Я и сам знаю, что раньше меня к вам бы не перевели, а прямо поставили к стенке.

— Да ладно вы, — вмешался Лапин. — Вот Линию перемахнем — все раздоры сразу и забудем. Я так думаю, что к исходу той ночи вопрос этот решится. Всегда чем к Линии ближе, тем ругаемся больше.

Ночь прошла спокойно.

Еще до полудня вахтенный на мачте услышал гул самолета.

— Все наверх, поворот! На брасах и шкотах стоять!

Барк пошел почти в обратную сторону и двигался так полчаса. Но невидимый самолет исчез, и курс был сменен на прежний.

— Заметил или нет? — спорили в кубрике. — Если бы заметил, наверняка подвернул бы уточнить.

— Да что ему подворачивать, если у них там радиолокатор! Он нас радиолокатором засек до того, как мы их услышали. Так разведку ложным курсом не обманешь.

Под вечер история повторилась. Но теперь из-за усиления ветра и шума волн самолет обнаружили поздно, а сам он пролетел ближе. Те, кто видел его в бинокль, сказали, что это, без всякого сомнения, разведчик с базы летающих лодок. Скрываясь где-то в заливах арктических островов, база ежедневно высылала разведку в районы, примыкающие к Линии и русским побережьям, а лесовозы пытались разными способами разведчиков обмануть. Теперь баз было две — отсюда и два облета в один день.

Раньше, бывало, перед выходом капитаны договаривались не ходить кучей, но потом выяснилось, что после атаки летающих лодок остаются в живых шансов больше именно у команд объединенной группы лесовозов, поскольку можно было спастись на каком-нибудь случайно не до конца потопленном судне. Однако сговоры насчет взаимопомощи вскоре запретили, они стали караться расстрелом. Плаванья одиночных лесовозов, более опасные для команд, тем не менее давали меньший процент гибели судов, обходившихся государству дороже, чем бесплатно служившие на этих судах люди.

6. Линия

Описывая во мраке Баренцева моря огромную пологую дугу, держась немногим полнее галфвинда, неся на крепнувшем ветру все паруса, барк в третьем часу ночи пересек Линию.

Как судну без механического двигателя ему не угрожали самонаводящиеся акустические торпеды, однако Линия была также оборудована и магнитными торпедами, реагирующими на железо корпуса. Но то ли из-за слабой чувствительности магнитных торпед, то ли из-за попадания как раз в ту узкую щелку, где ни с какой стороны близко торпеды не было — барк, во всяком случае, Линию прошел.

За час до прохода команда подкрепилась, по обычаю, специально приготовленным в разгар ночи обедом с капитанскими сто граммами, а за полчаса разошлась по боевому расписанию. Марсовые поднялись на реи, палубные матросы дежурили с пластырями наготове, обе шлюпки заранее вывалили за борт, отдали крепления части груза на палубе, чтобы эти всплывающие доски и брусья, связанные в

плотики, послужили спасательным средством. Кок, его помощник, радист и юрком, как люди не вполне морские, дежурили у двух водоотливных помп.

— До Линии пятнадцать минут хода! — раздался с мостика искаженный мегафоном голос старпома.

— Хоть бы где огонек, — сказал Горевских Лапину.

— Вот то-то и хорошо, что одни: цель меньше.

— Знаю, да все бы веселее...

— Мы позапрошлый раз так-то вот идем среди ночи, а позади вроде что-то краснеет. Похоже, левый бортовой сигнал еще одного кораблика. Они, наверное, видят наш белый огонь на корме и хотят нам в кильватер встать для безопасности. Смотрю я, смотрю — а там как полыхнет! Какая уж тут веселость...

— Спасли тех-то?

— На Линии не спасают. Они же, торпеды, не в один ряд на дне, а рассеяны полосой. Если ветер и способствует подходу, задерживаться ради спасения в этой полосе никто не станет,

— Шлюпками бы хоть помогли.

— А корабль стой? Жди утреннего облета?.. Главное — вода холодная, и пока догребешь...

— До Линии — десять минут!

— Ну, расходимся! Да ты не думай об этом... Если бы все лесовозы тут на дно уходили, это мореплавание давно бы прекратилось.

Горевских перебрался ближе к ноку реи.

Дул сильный ветер, было серо, холодно, кругом стоял мрак, перекошенная из-за крена рея казалась падающей в море и все время норовила стряхнуть с себя, но что значили эти неприятности по сравнению с угрозой мгновением позже оказаться в ледяной воде!

— До Линии пять минут!

Никакого особого смысла эти крики не имели, так как судно шло по счислению и штурманы могли ошибаться гораздо больше, чем на какие-то минуты. Но для многих людей, не видящих в темноте друг друга, они являлись ощутимой моральной поддержкой, создавая уверенность, что и в дальнейшем, какая бы беда не стряслась, о них подумают, вовремя о беде оповестят и подадут спасительную команду.

— Линия!.. Пришли на Линию!

В этот момент лесовоз находился на отрезке прямой, соединяющей между собою ближайшие друг к другу точки побережья мурманского полуострова Рыбачий и шпицбергенского острова Надежда — в самом опасном для плаванья месте. Но ничего нового не происходило, ни ударов, ни толчков не ощущалось. Все те же упругие покачивания барка свидетельствовали о сохранении прежней остойчивости. Но в любую секунду внутрь корпуса могла хлынуть вода — и в этот момент следовало как можно

скорее убрать паруса, чтобы судно тут же не легло мачтами на волны.

— Пять минут идем за Линией!.. Десять минут... Пятнадцать... Двадцать минут плавания за Линией!

Горевских начал потихоньку перебираться к середине реи; Лапин, увидев его вблизи, сказал:

— Ну, вот, преодолели... Хотя, конечно, да — веселого мало. Раньше, говорят, экватор какой-то линией считался, так что с морским тебязкрещением, Володя! Скоро пойдем чай пить с пряниками.

Когда замерзшая команда собралась в столовой, поздравить ее с благополучным переходом Линии пришел капитан. Шмыгая носом, он сказал:

— Держим западнее направления на Нордкап. Днем откроется Норвегия, а под вечер есть надежда быть в районе острова Сере. Там укроемся, подождем смены ветра. Но Линию мы пересекли под слишком острым углом и еще некоторое время будем в опасной близости к ней. Сейчас приведемся покруче, при любом кратковременном отходе ветра постараемся это использовать, уклоняясь больше к весту. Вероятность, что утром за нами прилетят, не очень велика из-за ухудшения погоды, а к полудню мы от Линии отойдем на безопасное расстояние.

Затем Пал Палыч выпил большую кружку обжигающего чая и вернулся на мостик, где для него держали койку для отдыха. Вся команда, несмотря на позднее время, осталась пока наготове у самовара. В любую минуту могло что-то случиться, например, с парусами, барк стал бы дрейфовать под ветер, а там, под ветром, совсем близко — Линия. Но все равно люди успокоились и, как всегда после пережитых волнений, кое-кто уже затягивал пришедшую вместе с барком с Волги на Север его собственную песню про лодку черную. Такие песни на лесовозном флоте имелись у каждого судна — и когда барка уже не будет, о нем еще долго станут вспоминать по его песне.

По-над Волгою дождик сеется,
Лодка черная на воде, —

начинал как бы про себя запевала, а десять или двадцать хриплых голосов тут же мощно подхватывали:

Больше не на что мне надеяться
В моей девичьей беде.

Получалась, конечно, несуразица, но все песни барков были примерно такими же, и к ним, вопреки всякой логике, спев еще что-нибудь более подходящее для данного состава хора и обстановки, певцы непременно не раз возвращались.

Когда небосвод на северо-востоке чуть по-

светлел, опившуюся чаем команду отпустили спать.

— Что-то сегодня скрипу много, — сказал Горевских, вытягиваясь на верхней койке. — У нас так никогда не скрипело. Даже страшно — не распался бы корабль-то.

— Скрипит кораблик, скрипит, — подтвердил снизу Лапин. — Не распадется — бортом к волне идем. Эти-то барки переламываются, когда носом на волну, допустим, стоя на якоре, да и волна должна быть покрупнее. Не думай, спи. Раз Пал Палыч обещал показать Норвегию, то, значит, до утра-то всяко доживем.

И Лапин не ошибся. Когда в кубрике тревожно загремел бронзовый колокольчик, соскакивающие с коек люди одевались уже хотя и при тусклом, но все же дневном свете.

Судно было на ходу, качка усилилась, громче шумело море. Горевских, стараясь не отставать от Лапина, бросился к трапу с шапкой на голове и с ватником в руках; через люк врывались командные слова:

— К брасам, к шкотам... К повороту!

А на них как бы сверху наплывало звенящее гудение самолетных моторов...

Разбегаясь по боевому расписанию по перекошенной деревянной мостовой, образованной палубным грузом, все задирали головы к небу, но лодка, оказывается, была уже низко над морем, заходила в атаку с подветра.

— Пошел брасы, шкоты! Лево на борт!

Летел самолет прямо на корабль и, видимый со лба, казался маленьким, неопасным. Вот чуть заметно всплеснулось море под ним от сброшенной торпеды, после чего лодка начала быстро увеличиваться в размерах и словно бы всплывать над водой. А потом вдруг, стремительно вырастая до пугающе огромной величины, заходясь невыносимым ревом, стала смещаться влево и промчалась вплотную по корме огромной хищной птицей войны. На фоне широко развернутых к судну голубоватых крыльев хорошо были видны торпеды; можно было даже заметить, что две из них уже израсходованы.

Рев начал стихать.

А когда совсем исчез, со стороны кормы трижды донесся слышный только тем, кто оказался рядом, сухой треск, как если бы хрустнула под сапогом отпавшая от живого ствола мертвая ветка.

Это юрком застрелил наводчика зенитного пулемета, не открывшего огня по врагу.

Пулеметов на барке было два — на носу и на корме. Но если наводчик первого еще как-то мог оправдаться помехами со стороны рангоута и такелажа, то для наводчика пулемета на корме, видевшего брюхо лодки прямо перед глазами, оправданий быть не могло. Первого из наводчиков — Некрасова — по уставу ждал трибунал юркома в ближайшее удобное для этого время, второго — расстрел на месте.

Раньше по лодкам стреляли. Но затем на

порты были сброшены листовки, предлагавшие джентльменское соглашение: лодки не будут при торпедировании лесовозов добывать спасающиеся команды, если во время атаки самолет не будет обстрелян. И после этого пулеметчикам пришлось делать выбор, от чьей руки принять смерть — от юркомовской или товарищей.

— Мы воюем не с героическими русскими моряками, отвагу которых мы чтим, — пояснялось в листовке, — а с режимом политических гангстеров, которые ради сохранения своей преступной власти шлют на верную смерть в пучине полярных морей тысячи лучших мужчин...”

— Вечная память Николаю Блохину, — снял шапку Лапин.

— Вечная память... вечная память, — заговорили на всем пространстве палубы, от шкотов внешнего кливера до пулеметной тумбы на юте, у основания которой лежал, скорчившись, убитый наводчик.

И тут же сразу донесся крик с кормы:

— Прошла, прошла!.. У самой обшивки!

— Слава тебе, Господи! — провозгласил боцман.

Другие крестились молча.

Барк, резко увалившись под ветер, успел пропустить торпеду, шедшую как раз под основание бизань-мачты, за корму.

А лодка, умчавшись низко над водой до самого горизонта, уже поворачивала вправо, готовясь к новой атаке.

— Ничего, — услышал Горевских голос Лапина, — может, еще обойдется: тут не новоземельские воды, тут норвеги-рыбаки часто бывают.

Лодка снова стала едва заметной — повернула на судно.

— Сейчас к ветру будем приводиться, мишень-то ему свернем поуже.

— А он теперь, наверное, автоматической ударит. Обидно, что промахнулся, лишние расходы...

— Вот он ради экономии автоматическую-то и не бросил. Они, рассказывают, втрое дороже. С кем-то сегодня одной простой покончил, думал и нас так взять.

— Откуда ты, дядя Гриша, узнал, кого и как эта лодка уже утопила?

— А у нее израсходованы те две торпеды, что ближе к корпусу. А автоматические дальше по крылу висят.

Лодка сошла с направления на судно, пролетела стороной.

— Примеривается... Все же минуты две-три нам дает. Ну, мужики, закурим в последний раз! У кого махорка без мха? Чего уж теперь экономить — все равно на небесное довольствие переходим. "Вернусь я чайкой из-за моря, вы не горюйте обо мне..."

— Он, по-моему, хочет на вилку нас брать, двумя простыми сразу. Автоматикой ему теперь гордость не позволяет. Самонаводкой-то

и дурак может, а здесь, как видно, стрелок с гонором, ему теперь и экономия по хрену. Лодка-то, вроде, литовская, а там все гордые... уж такие ли художники... Эх, кабы и нам какое серьезное оружие, на равных чтобы, а не пулеметным горохом по броне...

— Такие лодки, говорят, на любых двух моторах к нормальному нападению способны, домой же и на одном из трех вернутся. Живучи, дьяволы! Все у них там дублировано, в полете, я слышал, кофе горячий пьют, разогретыми бутербродами с колбаской питаются, чтобы желудок не попортить...

Так рассуждали, стоя наготове у снастей бегучего такелажа, те, кто имел склонность к рассуждениям. А кто такой склонности не имел, тот вместо забытых в России молитв повторял как в бреду:

Прощай, матушка непреклонная,
Сестры малые и брат...

Облетев судно и тем временем все спокойно взвесив, экипаж лодки принял, кажется, твердое решение нападать спереди — слева: всплесков было в самом деле два. Расчет понятен каждому: если барк останется на прежнем курсе, он угодит под одну торпеду, а если свернет в любую из сторон, то будет поражен другой.

— Левый поворот!

Совсем рядом в громе двигателей промчалась дьявольская машина — и было видно, как через стекло смотрят с любопытством два светлолицых человека, одетых в красное. Сразу после пуска торпед лодка пошла вверх: летчики были уверены в успехе и спешили занять позицию, с которой делались отчетные снимки.

Барк вздрогнул.

Последующие полчаса прошли в напряженной авральной работе. Легли в дрейф, пытаясь завести пластырь, непрерывно откачивали воду. Затем повернули барк поврежденным бортом к ветру и действием парусов пытались откренить судно, приподнимая пробоину ближе к поверхности моря, где меньше давление воды. Но ничто уже не помогало. Теряя остойчивость, барк валился мачтами на воду. Уровень ее постепенно поднялся до подветренной го ватервейса.

Лодка к тому времени давно улетела. Эти охотники за беззащитными, не приспособленными для моря лесовозами прекрасно знали, что в такую погоду спасти поврежденное судно нельзя.

— Боцмана, старшин мачт — на мостик!

— Пошли подписывать расходный акт, — сказал кто-то в группе матросов, спасавшихся от наступающей воды на наветренном борту в районе фок-мачты. Последние минут пять новых команд не было, все работы сами собой прекратились. — Как бы не опоздали дать про-

щальную радиограмму, юрком бы зря не возникал...

Действительно, пришел момент, когда на последнем корабельном совете полагалось признать единогласно факт гибели корабля, после чего мог быть передан открытым текстом сигнал бедствия.

7. На дрейфующем "островке"

Погода, между тем, быстро ухудшалась.

Едва начавшийся день обратился уже в вечерние сумерки, близкий горизонт подступил еще ближе, крепчал ветер. Сбившихся в кучку людей густо кропило брызгами от разбитых волн; к этим брызгам прибавился дождь. Все понимали, что прогноз ухудшения погоды был известен также и норвежским рыбакам, поэтому вряд ли где в этих водах есть сейчас какое-нибудь по-настоящему мореходное судно, способное оказать помощь. Во всяком случае, ни одно из них на сигнал бедствия не ответило.

Покончив с формальностями, с мостика ушли командиры. К этому времени барк уже почти лежал мачтами на воде, медленно оседая кормой, где была пробоина. Постепенно переходя на все более высокие места, люди в конце концов собрались на вантах грот- и фок-мачты, вытянутых теперь горизонтально. У желающих были при себе спасательные пояса и круги. Некоторые их не имели, чтобы утонуть сразу и не мучиться, медленно замерзая в ледяной воде.

Одна шлюпка пострадала при взрыве, а потом ее повредило ударами волн. Другая, уцелевшая, стояла наготове под прикрытием корпуса барка. Мест в шлюпке в хорошую погоду хватало бы всем; сейчас же ей грозил перегруз и, как следствие, быстрое заливание. Вокруг плавали доски, брусья, бочки, дрова, постепенно разносимые волнами и ветром.

В шлюпку с вант грот-мачты перебралась почти вся находившаяся там группа. Затем стали садиться те, кто был на фок-мачте. Но тут сомневающимся оказалось больше.

— Я останусь! — крикнул, пересиливая шум волн, Лапин, когда Горевских из шлюпки замал ему, призывая к себе. — Тут надежнее, надежнее!

Не исключено, что старый моряк был прав. Набитый древесиной барк уже успел целиком залиться водой и плавал теперь как плот, неспособный ни утонуть, ни перевернуться. Ветром его развернуло так, что мачты оказались под защитой корпуса, до вант вблизи талрепов не могли достать самые высокие волны.

Но было свое преимущество и у шлюпки. Пока барк медленно дрейфует по воле ветров и течений, на шлюпке, используя сильный попутный ветер, можно за сутки или двое достичь берега.

С другой стороны, если где-то рядом есть

скрывавший от лодки свое место и потому не ответивший на сигнал бедствия лесовоз, то он придет именно к почти неподвижному барку, тогда как быстро плывущую шлюпку ему потом не отыскать.

Хорошо понимая все это, никто не спорил, ничего не доказывал и никого не уговаривал. Не было ни речей, ни долгого прощания. Адресами товарищи обменялись до выхода в море, да и что в адресе, если теперь люди постоянно переводятся с места на место!

— Всем спасибо за службу! — прокричал остающимся Пал Палыч. — Никаких претензий ни к кому не имею... Буду рад плавать вместе... Если что было не так, прошу команду простить...

Старпом помахал рукой.

Кок, важнейшее лицо на всяком корабле, пошмыгал носом и высморкался в руку.

Все они, как и большая часть команды, выбрали шлюпку.

— Счастливого пути, товарищи! — от имени остающихся ответил штурман Седов. — Надемся на скорую встречу!

— Разобрать весла! — скомандовал старпом.

Горевских думал-думал и, видя, что Лапин остается, решил вернуться на барк.

— Стойте! — вскричал вдруг только теперь опомнившийся юрком. — А вы куда, товарищ Некрасов?!

Гребцы, разбиравшие весла, замерли на месте.

— Товарищ капитан, прошу посодействовать!

Пал Палыч отвернулся, притворяясь, что не слышит.

— Товарищ Некрасов, ко мне!

Один из гребцов, беспомощно поозирившись вокруг, опустил голову, еще немного помедлил, а потом отдал весло другому матросу и, в досаде махнув рукой, стал выбираться из шлюпки.

Юрком сказал окружающим:

— Ничего не поделаешь... Не зря профессор права у нас повторял все время: "Закон — дуря, но он — закон".

И пошел на четвереньках вдоль борта, превращенного теперь в длинную стальную дорогу, уводившую под воду. Отойдя так немного, юрком попробовал подняться по-человечески, но его пугало колыхание опоры под ногами.

— Товарищ Некрасов, сюда, пожалуйста, сюда!

Матрос, не поднимая головы, медленно побрел по ржавой стали корабельного корпуса.

— Дальше, пожалуйста, дальше! — указывал юрком, пропуская его мимо себя. — На край встаньте! На самый край! Еще ближе... Спасибо!

Он снова хотел подняться, но потом передумал и выстрелил с четверенек. После первого выстрела матрос-зенитчик схватился за грудь, после второго тут же упал в воду.

Юрком осторожно, по-обезьяньи, вернулся к тем, кто хотел остаться на барке.

Было такое негласное мнение, что там, где юркомы работают хорошо, юридические потери среди личного состава доходят до десяти процентов в год. А какими же стали бы они на "Волгалесе", если за несколько первых дней плавания эта норма была уже на две трети выполнена! Спешил, безумно спешил юрком вернуть себе утраченное расположение руководителей...

Шлюпка отвалила, еще какое-то время помаячила на гребнях волн, затем бесследно растворилась в тумане.

Совсем вверх дном барк перевернуться не мог, этому мешала плавучесть массивных деревянных мачт и рей. По его плоскому борту можно было перебираться в любое место от форштенья до талрепов второй грот-мачты, а дальше в корму борт плавно уходил под воду. Возвышаясь над средним уровнем воды максимум на три или четыре метра, этот мост вдобавок заметно поднимался при проходе крупных волн и был поэтому в передней, ближе к носу, части недосыгаем даже для самых высоких гребней. Так что утонуть пока было нельзя, реальную опасность представляли холод и сырость.

Когда улеглось волнение, связанное с гибелью барка и отходом шлюпки, когда каждый лично старательно обследовал крошечный

плавучий островок, выискивая на нем наилучшее укрытие, все в конце концов собрались на вантах фок-мачты, превратившихся теперь в подвесной мостик с редким настилом из березовых палок, заменявших прежние гибкие выбенки. На эти палки положили несколько досок, выловленных в путанице снастей, а сверху натянули палаткой снятый со штага кливер. И сели все вместе под полотняный кров, тесно прижались друг к другу, надеясь одолеть стихию привычным русским долготерпением.

Пал Палыч, покидая судно и тех, кто остался на нем, не назначил старшего. В этом был глубокий резон — когда каждый тянет на равных свой жребий, выбирая жизнь или смерть, не стоит усложнять борьбу с судьбой и без того всем осточертевшим противоборством с неудачно выбранным начальником. В новых условиях сам собою определится наиболее авторитетный лидер, а если такового не окажется — ну что ж, значит, он и не был нужен. Самым старшим по должности оказался штурман Седов. Принимая на себя роль такого лидера, он сказал:

— Давайте-ка мы для памяти запишем, кто у нас где... Товарищ юрком, возражений не будет?

— Возражать причины нет. Поступайте, как сочтете нужным, как вам диктуют ваши флотские порядки. Только чтобы не было явных от-

ступлений от буквы устава и духа нашей морали.

Штурман раскрыл записную книжку.

— Слева, значит, кто на шлюпке, справа — кто на барке.

— Вроде как за здоровье и за упокой.

— Нехорошо ты сказал, Горевских, очень нехорошо! А еще студент... Умные древние греки говаривали, что люди разделяются на живых, мертвых и плавающих по морям. Где ж тут здравие и упокой?! Просто мы все моряки, но в несколько разных обстоятельствах.

— А скажи-ка, штурман, что там радио напоследок сообщало? — поинтересовался боцман.

— Если конкретно про наш район, то речь шла об усилении ветра. Похоже на правду — чувствуете, как внутри корпуса немного постукивает? Смещение груза от нарастающих размахов качки. Но перелома я не жду, поскольку трюмы заполнены водой, а корпус лежит параллельно валам и, значит, напряжения в нем минимальные.

— К берегу нас не прибьет?

— На это лучше не настраиваться. Берег вообще-то недалеко, и ветер в ту сторону, однако работает течение, в итоге пронесет мимо Нордкина в Баренцево море. Лишь бы не замерзнуть! А как стихнет, свяжем плот... Я смотрю, тут у некоторых котомочки. Успели забегать на камбуз? Правильно. Кок и мне успел сунуть какой-то сверточек. Одним словом, учитывая усиление ветра, вариант с барком лично я все же считаю выигрышнее — в открытой, заливаемой шлюпке им далеко не уплыть.

— Однако Пал Палыч по-иному рассудил...

— Он, вероятнее всего, не решился оставить без своего руководства основную часть команды, а также... — тут штурман указал взглядом на юркома, — ...а также в силу некоторых иных обстоятельств.

— И мне это показалось, — подтвердил, верно истолковывая взгляд, Лапин.

— А еще чего радио не говорило?

— Товарищ юрком, сказать?.. Для поднятия духа?.. Да, говорило, из Лондона. В этот район будто бы идут три спасательных судна — Ватикана, княжества Монако и Швеции. Шведский спасатель какой-то особенный, немагнитный, для работы на самой Линии.

— Вот кому-то повезет!

— Им еще дойти надо...

— А я не про нас.

— Опять ты, Горевских, не по-морскому себя ведешь... Давайте, мореманы, лучше перекусим, теплее будет.

Выпили по глотку водки, поели, запивая пищу полупресной водой, сбегавшей с кровли. Но теплее не стало — усилился ветер, по ту сторону железного волнолома кипело как в котле, мглистый горизонт подступил еще ближе. Барк, вероятно, стал дрейфовать быстрее, из-за каких-то гидродинамических эффектов

обтекания его развернуло румба на два-три носом под ветер. После этого глухие удары внутри судна стали еще заметнее. Хотя бился, конечно, не весь груз, а только малая часть его, приглушенные эти стуки безжалостно ударяли по нервам, чем-то напоминая тиканье часов мины замедленного действия. Разговоры прекратились. Кто-то еще пытался шевелить ногами и руками, горяча кровь; другие сворачивались клубком, чтобы сберечь тепло; третьи откровенно стучали зубами, не пытаясь улучшить или скрыть свое положение.

Тяжелее всех пришлось тем, кто, спасая барк, работал на палубе и оказался теперь в мокрой одежде. Им дали еще по глотку водки, но это не помогало.

— Умру я, умру, — сказал несколько раз, лязгая зубами, Вася Курицын, тихий, услужливый парень, на котором не было сухой нитки.

Потом он замолк.

— Умер ты, что ли? — спросил вдруг сосед.

— Эй, кто в этом понимает?

— Пульс надо пощупать...

— Да какой там пульс! Телом-то почти совсем уж остыл.

— Как быть с Васей, а?

Штурман Седов протянул руку, издали пощупал Васю, сказал:

— Морю предайте.

— Как это?

— Ну, значит, бросьте вниз, — объяснили после долгого молчания из-под другого конца навеса.

— Да вы чего?!

— А чего?

Немного погода под вантами плеснуло, но из-за рева моря не все даже слышали этот плеск.

Штурман достал книжку, нацарапал в ней большими буквами:

"Василий... как его?.. Макарович Курицын, матрос родом... откуда он?.. колхозник из Калининской области, скончался от переохлаждения и погребен путем предания морю в точке предположительно в ста милях севернее мыса Нордкин".

По навесу теперь то и дело хлестали шрапнелью тяжелые брызги от разбившихся о днище барка волн. В подветренную сторону видно было едва далее топов мачт, а в противоположную никто и не пытался смотреть. Все море побелело, качка стала хорошо чувствоваться даже на таком тяжелом плоту из останков судна. Ветер давил теперь на палатку почти что с боковой, невыгодной стороны, и если бы он ее сорвал, общая гибель была бы делом нескольких минут.

В это время умер еще один человек.

"Лев Тишков, матрос барка "Волгалес", колхозник деревни Спас Калязинского района, скончался от переохлаждения и погребен в море сто миль севернее Нордкина".

Не успел штурман убрать книжку, как пришлось доставать ее снова:

"Павлов Василий Павлович, матрос "Волгалеса", колхозник, скончался и погребен в море".

Возможно, причиной смерти было не замерзание, и упал он в воду еще живым, сброшенный ударом бьющегося на ветру полотна, потому что не мог уже больше держаться заочеченными руками за толстый холодный трос. Некоторым, кто видел его в воде, показалось, что Павлов там еще двигался и как будто что-то кричал, задирая голову вверх. Но никто теперь не был в состоянии ему помочь.

8. "Валькирия"

Горевских, сидевший близ края навеса, приоткрыл — в последний раз, наверное, — глаза и взглянул на осатаневшее море...

По морю мимо барка не далее как в одном кабельтове проходило судно, да какое!

Оно было парусным, с вооружением двухмачтовой бермудской шхуны, не очень большое, но и не маленькое, а главное — ни с чем не сравнимое. Не лесовоз, не рыболовный бот, а скорее яхта, которые строятся в одном или двух экземплярах и выглядят столь элегантно, ни на что не похоже.

Вдоль черного корпуса этого странного корабля тянулся ряд чего-то вроде белых пушечных портов, но много крупнее обычных или действительно — под орудия колоссального калибра. Вместе с тем на топе грот-мачты быстро вращалась антенна радиолокатора. Между портами было накрашено огромными буквами: "Valkyria". Такие же буквы имелись и на парусах близ передних шкаторин, только столбиком, вроде иероглифов. На флагштоке бился на ветру неизвестный Горевских флаг. Его крупное изображение повторялось на каждом парусе.

Как филолог, пусть и начинающий, Горевских знал, что валькириями в скандинавской мифологии называли дев, которые, подобно ангелам у христиан, после битвы уносили души павших во дворец Валгаллу, в рай, где днем сражаются друг с другом, а ночами пируют воины. Представшую перед ним картину он в первое мгновение воспринял как бред умирающего. Особенно бредовым казалось название, в котором скользил упрек в атеизме: вот пришло время умирать, а кому нужна твоя ни во что не верившая душа?!

Нос у диковинного судна выглядел изящно и строго, примерно как у клипера, а приподнятая корма — как у старинных кораблей: балкончики, резьба, затейливый фонарь и прочие отошедшие детали корабельной архитектуры. что совсем уж удивительно — корабль имел носовую фигуру — изображение пышноволосой молоденькой девчонки.

Но стилизация под старину могла ввести в

заблуждение только профана: паруса корабля были узкими, высокими, совершенно без морщин и складок, будто штампованными из металла. Да и не было во времена фрегатов с пушечными портами таких бермудских парусов!

— Смотрите! Смотрите! — закричал, опомнившись, Горевских, выскочил из-под навеса и побежал по мостику вант в сторону спасателя.

Поднялась большая суматоха, все заметались по вантам и борту, начали махать шапками.

Спасатель не убавлял хода, не менял курса, никакого движения на его палубе не происходило.

— Здесь мы, здесь! — кричал, прыгая по перекладам, Горевских, пока не достиг того места, где ванты уже заливались водой. — Уходит он, что ли?!

Но вдруг перед тем, как судно вошло в туман, один из пушечных портов отпал на шарнире вниз, а мгновение спустя из него вместо пушки показался нос большой закрытой шлюпки. Ярко-красная, высокая, длинная — она стремительно выкатилась откуда-то из недр корабля и нырнула в море, вся целиком скрывшись ненадолго в области брызг. Потом пошла к барку. А сам спасатель растаял во мгле.

Чтобы не запутаться в оснастке барка, шлюпка остановилась не доходя немного до места погружения топа фок-мачты, в волновой тени за судном.

Добравшись до конца уходящей под воду вантовой дорожки, Горевских замахал рукой:

— Ближе давай, ближе!

Сзади его сильно толкнули:

— Вплавь надо! Нельзя ему ближе... дай-ка я!

До шлюпки было метров двадцать.

Горевских полез дальше, в воду, еще какое-то время цеплялся руками за перекладыны, а потом потерял их и поплыл. Плавать он умел неплохо, но продвигаться вперед в одежде было крайне трудно, так что оставалось больше надеяться на попутный ветер и волны.

Понемногу приближаясь к шлюпке, Горевских обратил внимание, что борта ее, сходясь к килю, уходят в воду наклонно, поскольку сама она в сечении клинообразная, и что на ней никого нет. А самостоятельно выбраться из воды на почти метровый борт нечего было и думать. Кроме того, палуба вдоль бортов как нарочно была сделана непомерно крутой, словно крыша дома. Однако затем, когда расстояние стало совсем небольшим, от стен длинной узкой рубки посреди палубы отошли на оба борта стрелы, подкрепленные укосинами, с этих стрел до самой воды свисали веревочные сетки. Горевских, однако, до сеток не добрался — ближе, чем они, к нему был отвесный нос шлюпки, на котором он заметил что-то вроде ступенек. Горевских полез по форштевню, опираясь ногами на эти ступеньки, и выбрался на горизонтальную площадку бака, ничем не

огороженную по краям, но с поручнями посредине. На поручнях висели какие-то ременные пояса, выброски, несколько спасательных кругов и жилетов.

Людей на палубе не было, но под стеклянно-металлическим куполом в средней части рубки Горевских увидел человека. Человек открыл люк над головой, высунулся по пояс наружу, показал в сторону вниз: "Помогай!"

К этому времени к шлюпке подплывал Варавин. Другие, совсем ослабшие, ползли еще по вантам или погружались в воду. Горевских заметил, что двое возвращаются к навесу на барке, но не успел разобрать, кто это. Внимание его было привлечено Варавиным, который, висая на сетке, перебирался ближе к борту, но не имел уже сил вылезти из воды. Горевских пополз помочь ему — и тут оказалось, что сделать это совсем нетрудно: с крышеобразной части палубы, как бы продолжая ее, спускались вниз, уходя под воду, особые решетки, так что тот, кто схватился за сетку, в конце концов оказывался на такой решетке и мог выбраться на палубу самостоятельно. Да и сама шлюпка не стояла на месте — время от времени мелкое дрожание ее корпуса показывало, что она дает ход, подставляя свои спасательные сетки тем, кого пронесит мимо.

Направляясь на помощь Варавину, Горевских оказался возле купола и спросил человека, который управлял шлюпкой:

— Уот из юр нэйшн? Вотр насыоналите?

— Чего? — сказал человек. — А! Вологодский я, вологодец. Помоги вашему-то, пока не скопытился.

Последними приплыли штурман и Лапин с юркомом. Оба вылезли по грудь на решетку и в изнеможении замерли там, а Горевских держал юркома за ворот, чтобы того не унесло. Вытянуть на палубу такую тяжесть он тоже не мог. И тут рядом упал какой-то шнур с карабином на конце.

— Обвяжи его, обвяжи! — крикнул человек в люке.

Горевских спустился по решетке пониже, просунул снасточку юркому под руки, застегнул карабин. Шнур натянулся, уползая в стену рубки, легко поволок юркома вверх по наклонной части палубы. Следом за ним карабкались штурман и Лапин.

Когда все оказались на палубе, человек вылез из люка, снял с юркома шнур и потащил его вдоль рубки на корму. Там он открыл полуюлок, полудверь, изогнутую в виде буквы "Г", показал внутрь:

— Давайте вниз. Где капитан?

— Я, второй помощник Седов.

— Все тут, живых никого не забыли?

— Никого.

Команда барка ползла в люк, из которого несло восхитительным теплом.

— Этой чей спасатель? — спросил Горевских.

— Шведский.

— А почему он ушел?

— А потому, что тут невдалеке еще какие-то славяне погибают.

Человек стал собирать снятые спасжилеты, складывая их в ящик на рубке, заваливать стрелы с сетями, поднимать из воды решетки. Горевских пытался помочь ему.

— Иди, иди... Сейчас-то по горячке тебе, может, и не очень холодно, а потом от переохлаждения как раз дуба врежешь.

Горевских спустился внутрь странной шлюпки, похожей больше на фантастический "Наутилус". Ее поперечное сечение в нижней части в самом деле было треугольным, прямо на воде шлюпка держалась благодаря, очевидно, балласту. С внутренней стороны борта во всю его длину шли в три яруса амфитеатром полки-койки. Посреди был узкий проход. Фор- и ахтерпик отделялись от центрального отсека сплошными водонепроницаемыми переборками. Палуба от привальных брусьев шла сперва очень круто, а ближе к середине судна делалась горизонтальной. Широкий металлический лист, из которого ее выполнили, затем переходил в стены узкой рубки высотой около метра, по длине такой же, как и центральный проход внутри. Иллюминаторов в бортах не имелось, они были только на рубке. Горел яркий электрический свет, было очень тепло, качало для такого шторма относительно слабо.

Закончив дела наверху, в шлюпку спустился ее хозяин.

— Раздевайтесь, раздевайтесь... Мокрое — в этот ящик, потом высушим и разберемся. Вот сухие рубахи, шаровары и халаты. Помогите переодеться тем, кто сам не может. Кто обессилел, того кладите сюда, закрывайте одеялами, одеяла эти с подогревом. Вот из этого крана идет холодная питьевая вода, из этого — горячий кофе, тут — бутерброды... Давай, давай, славяне, грейся, приходи в себя!..

9. Швед вологодский

Габариты удивительной шлюпки были примерно как у троллейбуса. Рули и двигатели, каждый со своим винтом, имелись, оказывается, в обоих ее концах. Посреди, под куполом, размещался центральный пост управления. На схеме рядом было нарисовано, где и что в шлюпке расположено и как ею управлять. Здесь в ящике лежали подробное техописание, лоции Норвежского и Баренцева море, географический атлас, медицинский справочник, том истории Швеции, Библия и — не иначе, как для поднятия духа — пара порнографических журналов. Еще тут висел портрет какой-то серьезной молоденькой девчонки. Ниже были ящички скорой медпомощи, а также сигареты разных сортов. Часть форпика занимал мини-камбуз, часть ахтерпика — гальюн.

Хозяин шлюпки укрепил на газовой плите ка-

стриюлю, и все едва успев переодеться, получили по большому куску разогретого мяса, после которого некоторые сразу уснули.

— Ну, если спят, — сказал хозяин, — освещение выключим, надо экономить энергию. Гребные двигатели здесь безотказные, электрические, но емкость аккумуляторов невелика. До возвращения корабля нам ее, конечно, хватит, однако мы все же в море, а запас карман не тянет.

Электричество погасло. Сверху из иллюминаторов, то и дело омываемых всплесками волн, лился сумеречный свет. Мощно шумело море. Шлюпка моталась во все стороны, однако в ней самой было тепло, сухо, уютно.

Покончив с делами, хозяин присоединился к маленькой группе людей, куривших под центральным постом, где качало меньше всего. Из отрывочных его пояснений суть происходящего была уже понятна, теперь пришел момент во всем разобраться как следует.

— Сам я действительно вологодский, — начал он. — У меня на фронте серьезных ранений не было, но из-за тяжелого морального состояния в связи с гибелью семьи во время боев под Великим Устюгом, когда коми взбунтовались и поперли через нашу область на соединение с карелой, начался туберкулез. Уже едва ходил, и дни мои были сочтены. Положили в госпиталь — не лечить, конечно, а дать спокойно помереть. Не прошло недели — комиссия по отбору на обмен. Рекомендуют тебя, говорят, как человека одинокого и далее служить Родине практически непригодного. Дал я согласие, поскольку за границей бывать приходилось, ничего особенно страшного там не ждал.

— Сам-то, выходит, из моряков?

— Механиком раньше на траулере плавал... Привезли нас в Швейцарию, в огромный госпиталь Объединенной Европы в горах, и за три месяца поставили на ноги. Они там еще во время лечения настраивают, куда кому потом ехать, чтобы и специальность не пропала, и климат соответствовал, и с учетом родственных связей. Вологодские, в основном, в Швецию попадают, так что и мне туда была дорога. Стал механиком на шведском танкере, землячку нашел, все вроде наладилось. Мне эта Россия уже и снится перестала...

В центральном посту раздался звонок.

— Корабль вызывает, — сказал вологодец.

Обменявшись с "Валькирией" несколькими фразами, он объяснил:

— Мы у нее на радиолокаторе уже теряемся, просили потом включить радиомаяк. Предупредили, что скоро за нами вернуться не смогут: дальше к северу еще одно судно переломилось. Тем более, что у нас-то все в порядке, в особо тяжелом состоянии нет никого. Похоже, придется нам здесь ночевать. Вот еще немного побудем в свободном дрейфе, чтобы от опасного места отнесло, а там отдадим плаву-

чий якорь и зальжем до утра. Все равно в такой шторм они нас принять в открытом море на судно не смогут. Но, поскольку мы все же в плавании, давайте выставим вахту. Ну, кто первым? Ты? Поднимись повыше, чтобы видеть из купола обстановку. Если будет звонок с корабля, сними трубку, меня позови.

— Дальше-то рассказывай, — напомнили ему.

— Я Россию почти и забыл, но сами-то шведы о ней помнили. Вот раз и доходит до меня такая новость: ее высочество наша принцесса Ингрид...

— Чья принцесса? — раздался слабый голос со стороны.

— Братцы, юрком очухался! Ну, слава богу! Теперь, выходит, все в добром здравии.

— Чья, спрашиваю, принцесса?

— Наша, то есть шведская, Ингрид... Так вот, эта самая наша Ингрид все свои сбережения отдает на постройку спецкорабля-спасателя, способного работать в районах торпедных заграждений.

— А лет ей сколько, принцессе?

— Тринадцать.

После долгой паузы Лапин спросил:

— Так что же это получается — она сэкономила на куклах да на свои девчоночьи сбережения нас теперь и спасла?

— Выходит, что так.

— Поверить невозможно!

— А почему? В школах в Швеции детей учат животным помогать, растениям. Люди, если подумать, хотя бы и русские, не хуже. Нет, я не спорю, что такого гада, как некоторые из людей, природе произвести не под силу, он каким-то неестественным образом и неведомо кем сотворен, однако в Швеции даже его принято сперва спасти, а там будет видно. Вот наша принцесса, как примерная ученица в своей школе...

— Но тут ведь не кошку накормить и не цветочки поливать — корабль снаряжается! Денег-то сколько надо!

— Но и страна-то не Россия, а Швеция! Приходилось мне видеть королевскую семью — не скажу, что уж очень богато живут, а принцесса и вовсе в смысле нарядов не лучше некоторых иных с улицы. Но вот как она себя ведет! Как разговаривать может!.. Народ сразу подхватил, и ее маленькая горсточка крон тут же выросла в огромный капитал.

— А это, выходит, на портрете-то принцесса и есть?

— Она самая.

— Вот шведы! Все не как у людей!

— Но хорошо. Позавидуешь!

— Послушайте, товарищ, — раздался голос юркома, — я не понял: себя-то вы кем считаете? Нашим или ихним?

— Вологодское мое происхождение, города Вытегры уроженец; русский, стало быть.

— Я не в том смысле. Национальная принад-

лежность какая теперь: вологодец шведский или швед вологодский?

— Как-то не думал даже... Работал, семью завел...

— Но и жена у вас, как я понял, тоже русская, так что и дети под сомнением. Наши вы все или шведские — вот в чем вопрос.

Вологодец задумался.

— Ну, а команде кто платит? — спросил у него Лапин. — Вольнонаемные они или по мобилизации?

— Платы нет, а содержание — от тюрьмы.

— Как от тюрьмы?!

— Да уж так: заключенные захотели принять участие в гуманном предприятии.

— А если разбегутся? Корабль угонят?

— Я же вам говорю: это Швеция, не Россия. У них в бумагах указано: "Я, уголовник его величества короля Швеции, обязуюсь отбывать срок заключения на спасательном корабле ее высочества принцессы Ингрид..." Бумага такая есть, а охраны нет. В Швеции слову доверяют, считается, что слова достаточно.

После еще нескольких недоуменных вопросов о странной команде "Валькирии" Вологодец рассказал, как он очутился на спасателе.

— В одном порту меня попросили быть переводчиком. Со стоявшего рядом русского барка матросы что-то кричали по-английски, но никто их не понимал. Оказывается, в открытом море близ Шпицбергена барк подвергся нападению летающей лодки. Но сбросить торпеду лодка не решилась, потому что как раз мимо барка с этой стороны проходила какая-то яхта. Самолет повертелся в стороне, выжидая, когда яхтсмены проплывут мимо, а так как они почему-то не торопились это делать, то он зашел для атаки с другого борта. Яхта была ходкой, увертливой; она обогнала барк и снова помешала атаке. После еще нескольких неудачных попыток лодке пришлось улететь ни с чем. Теперь эти чудом спасшиеся русские матросы, увидев у нас на корме тот же флаг, что и на яхте, просили передать свою благодарность нашим соотечественникам с яхты "Фламма".

— Как же они могли об этом просить и вообще разговаривать с иностранцами? А юрком?

— Юркома у них не было. Самолет напоследок зашел с кормы и со злости обстрелял барк. Одна из пуль пробила юркому голову.

— Все равно всех осудят в штрафники, раз юркома не уберегли... За борт ли его смыло, сам ли откуда упал и убился — один всем конец. А в штрафниках больше полугода живым никто не ходит.

— Какое название было у этого барка? — поинтересовался юрком слабым голосом.

— Не помню, — сказал хозяин шлюпки, уже знающий всех спасенных по должностям. — На меня этот случай особого впечатления сразу не произвел, но несколько месяцев спустя я о

нем вспомнил, когда наш капитан сказал: "Вологодец, видишь впереди это русское судно? Радиолокатор показывает, что прямо на него летит самолет. Мне это убийство как-то не нравится. Если ты сумеешь выжать из нашей старой машины еще пол-узла, мы поспеем раньше самолета и попытаемся спасти ваших соотечественников".

— Спасли?

— Нет. Танкер ведь не яхта, чтобы, как воробей, кружиться вокруг барка. Но после тех капитанских слов что-то во мне переменялось. Я позвонил в их спасательный комитет, предложил помощь. Мне говорят: нам желательно иметь на шлюпках коренных русских моряков, способных заодно агитировать спасенных остаться в Швеции ради активной помощи соотечественникам.

— Ну, и были уже такие случаи?

— Еще не было — этот рейс первый. Вот как на той неделе принцесса Ингрид проводила нас в Стокгольме, так мы сюда и мчались. Первыми, может, вы будете.

Наступило долгое, тягостное молчание.

10. Русский вопрос

— Вестей-то с родины давно не имел? — спросили Вологодца.

— Давно. А что?

— Нельзя нам рассчитывать на границу. Строго у нас теперь с этим делом. Узнают, что не захотел вернуться — тут же в расход всю семью. То есть не прямо в расход, а на передовую, если к войне способен, и в трудовой лагерь, если, допустим, жена или мать. Но это все равно: в лучшем случае они в лагере до ближайшей зимы только дотянут.

— А про вас-то кому знать? Пропали в море — и все. "Валькирия" почему не подтвердила прием вашего сигнала о бедствии? Чтобы не было следа.

— Но ты вот со своими разговаривал по радио; теперь и наши узнают.

— Я шифром пользовался.

Опять все долго молчали.

— Ну, а если, допустим, война закончится, тогда как? В покойниках для своей семьи оставаться?

— Сейчас я вам, ребята, главное изложу. Все западные ученые полагают, что конца войны не предвидится до тех пор, пока в живых остается хоть сколько-нибудь русского народа. Почему? Потому что, во-первых, не простят русским их притеснений бывшие нацмены, мятежные ныне республики, кольцо блокады будет сжиматься до падения Москвы. А с другой стороны, для самих русских нет возможности понять, что они теперь не великий народ, что у них амбиции давно не соответствуют амуниции. Сколько теперь народа в России? Не будет и половины прежнего. Обращаются же с

ним так, словно людские ресурсы все еще неисчерпаемы. Да вы это лучше меня знаете.

→ Знать-то мы знаем, — уныло подтвердил кто-то в сумерках.

— На Западе это дело так понимают: если помочь республикам, они вас всех перережут. Но и сами при этом развратятся убийствами, станут опасными всему миру. А если помочь России, она передавит мятежников. И, в общем, хрен редьки не слаще. Если что здесь и годится, считают в Объединенной Европе, так это камбоджийский метод в его шведском варианте.

— Стало быть, интервенция? — сказал боцман. — А что такое шведский вариант?

— Нет, вы сначала постарайтесь понять всю тонкость положения. Выхода как будто не видно. Без вмешательства извне нацмены вас в итоге победят уже хотя бы потому, что у них прирастает население. Победят — и уничтожат. А при интервенции вы развернете освободительную войну против интервента и будете в своем национальном безумии воевать до последнего человека. Против агрессоров русские всегда умели сплотиться. Но мир не может допустить гибели в войне целого народа, хотя бы и настолько обезумевшего. Поэтому давайте посмотрим на дело иначе: нет ли такой страны, вмешательство которой русские в своей массе могли бы принять без обиды и которая вывела бы их из бедственного положения?

— А разве такое возможно?

— Допустим, в Австралии — гражданская заваруха. Дошло до убийств, парламент бессилён. Помочь берутся Англия и Япония. У кого шансов больше?

— Конечно, у Англии.

— Так, согласен. Возьмем теперь времена княжеских междоусобиц в Киевской Руси. Кто бы тут мог иметь успех: чехи, поляки, венгры, византийцы, кто-нибудь из восточных народов?

— Византия. Потому что вроде как мать.

— Верно. А теперь давайте посмотрим на Смутное время. Поляки вмешивались? Литовцы тоже? Да, и были биты. А кого хотели просить о помощи сами русские?... Думайте, славяне, думайте.

— Не знаю, — честно сказал Седов за всех.

— А разве мы тогда хотели?

— Плохо знаем свою историю. Однако учиться никогда не поздно, так что завтра с утра давайте-ка мы почитаем вслух вот эту книгу, тем более, что время есть.

Вологодец достало том истории Швеции, напечатанный по-русски, со многими картинками, картами, начал его перелистывать.

— Шведов, кажется, — сказал Горевских. — Точно не помню, но видел я однажды старинное описание Соловецкого монастыря, и вот там, если не ошибаюсь, сказано, что...

— Верно, мужики! Шведов! И никого больше. Чувствуя свою родственную с ними связь.

Когда Петр I после Полтавы пил со шведскими генералами, он ведь не даром называл шведов своими учителями, а шведского короля — братом. А стал бы наш царь пировать, допустим, с турками?.. В Смутное время, не видя никакого иного способа покончить с гражданской войной, часть русских предлагала просить шведского короля принять всех нас под свою руку. И, похоже, этот вариант был бы разумнее, чем избрание на царство Романова, поскольку исключал петровские войны, лицемерие Екатерины II, ужасы крепостничества, Октябрьский переворот и вообще все то, что мы на данное время имеем. Россия довольно спокойно вошла бы в семью передовых европейских государств, не была бы мировым жандармом как при царе, так и позже.

— Наша самая старая летопись, — вспомнил Горевских, — с того и начинается, что мы призываем шведских вождей нами править. Вернее, они уже правили когда-то, да мы их прогнали, думая, что и сами сумеем. Но — не сумели, пришлось просить вернуться.

— Швеция по сравнению с Россией так мала, что видеть в ней агрессора никому из русских не придет в голову. Шведы в данное время достаточно авторитетны и на международной арене. Во всяком случае, все бывшие советские, а ныне мятежные республики Швецию сейчас уважают, готовы признать ее в роли международного судьи... Ну, что в море происходит?

— Не поймешь, — ответил Варавин, вглядываясь в иллюминаторы купола. — Все от пены бело, нигде ничего не видно. Барк такого бы все равно не выдержал. Едва ли наши с Пал Пальчем уцелеют...

— А вот я сейчас плавучий якорь отдам, — сказал Вологодец. — Ну, кто поможет? Работы на пару минут, однако требуется выйти наверх. Ты, боцман? Тогда оденься в спецкостюм.

Оба натянули комбинезоны, проверили страховочные пояса и осторожно выбрались через люк в торце рубки на палубу. Из купола хорошо было видно, как они отдали крепления чего-то похожего на большой скатанный ковер и столкнули это устройство за борт. Развернувшись в воде в ковровую дорожку, ковер стал отдаляться от шлюпки, но тут оказалось, что он связан с ней капроновым канатом. Через некоторое время шлюпка повернулась носом против волн, качка стала заметно меньше. Понаблюдав за работой якоря, исправляя кое-какой беспорядок на палубе, Вологодец и боцман благополучно вернулись в шлюпку.

— Черт возьми, — сказал Варавин, глядя за борт, — а ведь мы ход имеем! Пена теперь назад пошла. Небольшой ход, но есть. Якорь-то с мотором, что ли?

— Без мотора, но использует энергию орбитального движения частиц воды в волне. У якоря внизу есть подвижные лопатки, и когда лопасть оказывается между гребнями, она тянет

якорь вперед. Чем больше высота волны, тем лучше тяга. Вообще-то рассчитано так, чтобы в средних условиях шлюпка оставалась на месте, но при этом урагане якорь должен тянуть с некоторым перевесом.

— Выходит, на подветренный берег шлюпку сдрейфовать не может?

— Если в шторм, то нет.

— А если ураган затянется, то нас через все море поволочет?

— В принципе это возможно. На деле ураганы месяцами не бывают, а за день-два мы уползем совсем недалеко. Тут ведь, главное, отстояться спокойно, по возможности не теряя места, чтобы кораблю нас во всех случаях не искать. Ну вот куда мы теперь? Если в шхеры, то при такой видимости во фьорд не зайти. Кораблю не до нас, он других спасает. Самое правильное — выждать на якоре. Дай-ка я с кораблем свяжусь, о постановке на якорь сообщу.

После короткого разговора по радио Вологодец сказал:

— Тот барк у них уже давно на экране. В ближайшие полчаса они ему сбросят такую же вот шлюпку. Задерживаться не будут — есть еще один сигнал бедствия по ту сторону Линии. По прогнозу ветер должен усиливаться до полуночи, затем — постепенное ослабление. Похоже, им ранее завтрашнего вечера нас не подобрать.

— Ну и техника у шведов! А мы-то маемся на старых баржах...

— Между прочим, эту шлюпку придумали в России, — сказал Вологодец.

11. Баренцево море, сумерки

То, что уже рассказал Вологодец, не укладывалось ни в какие рамки. Если бы не чувство признательности за спасение да общая отупелость ума после пережитого — едва ли команда барка воспринимала бы такие рассказы без самых бурных протестов. Лишь один Горевских проявлял глубокий интерес и даже иногда поддерживал Вологодца, но, как человек на барке новый, увлечь по-настоящему никого не мог.

— Но тут — это я снова про Швецию — встает большой вопрос, — начал боцман. — Что будет, если, допустим, после конца нынешнего смутного времени, когда Россия окрепнет, она захочет снова оказаться самостоятельным государством? Едва ли шведский король отпустит ее на свободу.

— Чем гадать вслепую, обратимся лучше к истории. Когда-то Швеция и Норвегия были вместе, в союзе вроде Советского. Но затем Норвегия захотела свободы. Швеция сначала ее не отпускала. Норвежцы стали записываться в свою армию. Но никакой войны не получилось — шведы пошли на уступки, в 1905 году Норвегия стала самостоятельной. И, главное, в какое время все это было? В начале на-

шего века, в период усиления борьбы за колонию, когда Энгельс уже предсказывал мировую войну.

— Я это знаю тоже, — подтвердил Горевских. — Однако и Норвегия поступила удивительно. В те времена Россия боролась против монархии, за республику, а норвежцы, ставши свободными, проголосовали за монархию. И пригласили королем из-за границы какого-то хотя и не норвежца, но зато человека с королевской кровью, чтобы все было как в Швеции, где ныне правящую династию основал француз. У нас тут в республиках то войны, то репрессии, то голод, а у них в королевствах — мир, благополучие.

— Удивительный народ, — продолжал Вологодец, — но все это вам надо посмотреть самим. В госпитале выздоравливающих учили языку, так что когда нас доставили в Швецию, сходить, например, в магазин я мог без переводчика. По приезде, пока найдут работу, — занятия: шведский язык, история, право; для практики поощрялись одиночные вечерние выходы в город. Одели хоть и скромно, тем не менее прилично, дали немного денег на мелкие расходы. Я сразу в тот бар отправился, где, как слышал, вытегорцы часто бывают. Нашел земляка, сидим, он меня пивом угощает. Вошли две разодетые женщины, — мужчины встали, сняли шляпы, почтительно с ними разговаривают. Я по разговорам знал, что здесь даже члены-королевской семьи вот так свободно по улицам ходят, поэтому спрашиваю: "Это шведские принцессы, что ли?" — "Нет, — говорит земляк, — это, если по-нашему, как бы проститутки". Я ничего понять не могу. "Но они, — говорю, — все равно, судя по обращению, королевские?" Представление у меня такое было, что тут все лучшее — королевское. "Ну, — смеется земляк, — до этого даже в Швеции не дошли... Хотя, похоже, скоро придут; здесь всякий труд ценится".

— Однако вот без преступлений тоже не живут.

— Бывает и это. А почему не быть? Революция, например, — куда от нее денешься? Убийство по неосторожности; молодежь иногда нахулиганит... На корабле убийцы в основном.

— Долго они с кораблем-то собирались, за эти годы на Линии тысячи наших погибли.

— Да и сейчас корабль идет не от государства, а от частных лиц, от шведских детей, которых представляет принцесса Ингрид. Это чтобы не портить международных отношений. Уж больно много мы, русские, нашим нацменам зла сделали, вот они и заявляют протесты всем, кто хоть как-нибудь русским помогает. А детям протест заявить — несolidно. К тому же и момент назрел — гражданская война затянулась, это на мировой экономике отражается. Опять же эпидемии, загрязнения природы, беженцы. Словом, надо как-то закругляться.

Объединенной Европе советскую свару терпеть надоело.

— Идея хорошая, — заметил Горевских, — только не пойдут наши руководители на допуск интервентов, хотя бы и шведских. Уж если кто на власти помешался, тому про бедствия народа говорить смешно.

— Согласен. Когда разгромили Гитлера и возникла идея суда над фашизмом, некоторые предлагали, чтобы судьями были нейтральные страны — Швеция, например. Суд победителей справедливым быть не может, а суд несправедливый порождает стремление немецкого народа к мести, что угрожало нам третьей мировой войной. Тем не менее судили победители.

— Но войны-то все же с тех пор не было...

— Да, а почему? Только благодаря новому оружию — атомным бомбам. Наступили такие времена, когда новых правителей можно стало достать через голову действующей на передовой армии. Вот как раз этого все тираны совершенно не переносят.

— Получается, Объединенной Европе без атомной войны с нами никак не обойтись? Ведь никаких больше аргументов наши начальники не признают.

— Пока Европа ищет иные пути. С каждым из них поговорят по-человечески, попробуют сторговаться. Кто не согласен — тех перессорят, используя то обстоятельство, что каждая область хотела бы отложиться от Москвы. А главное — никаких иностранцев среди экспедиционных войск не окажется, составят эту армию из русских эмигрантов. Еще до начала великой гражданской войны за границей жило двадцать процентов русских, причем лучших среди русского народа. Дело теперь дошло до того, что речь-то, собственно, не об интервенции, а о нашем возвращении на нашу Родину. Но когда мы вернемся, первыми поколениями новых русских пусть руководят шведы. Поняли теперь, зачем Объединенная Европа выменивает у России ее полумертвецов и для чего тут "Валькирия"?

— Хорошо бы так-то, мужики, да не верится, — вздохнули в темном углу.

— А тебе утром верилось, что к вечеру война для тебя кончится?

— Я и сам эти мысли воспринял не без труда, — сказал Вологодец. — Мне то помогло, что находился в тот момент при смерти, когда поверить чему угодно проще простого. У вас положение аналогичное. Вот стихнет завтра ветер, выйдет солнце — и мы с утра возьмемся за дело, за шведскую историю и язык, чтобы, когда корабль нас подберет, "спасибо" сказать по-шведски. Дайте-ка я поговорю с кораблем, как там у них...

После короткого разговора Вологодец сообщил, что шлюпка перевернушемуся барку сброшена удачно, что пришлось применить для сглаживания волн масло и что команда спасе-

на почти вся. "Валькирия" не задерживаясь идет к третьему судну.

Радостная весть вызвала большое оживление — многие с "Волгалеса" имели в только что спасенной команде знакомых. Поэтому когда в след за разговором по радио Вологодец предложил перекусить, раздались голоса:

— По стопочке бы теперь... за спасение товарищей...

— Отметим на берегу, — сказал Вологодец, — поскольку мы в море и полного спасения пока нет.

— Эх, друг, не плавал ты на наших барках, по краю пропасти не ходил! Ну, давай за шлюпку хоть выпьем! Вино-то еще осталось?

— Немного имеется...

— За Швецию бы... За дружбу народов! — неслось со всех сторон.

— Хорошие, смотрю, вы ребята, — мялся Вологодец, — но, как моряки моряка должны понять, что выпивка в море — непорядок.

— Да ты уж совсем как не русский человек!.. Может, за короля?

— А, ладно!.. Много не будем, но по паре глотков за здоровье и хорошие отметки принцессы Ингрид себе позволим.

Разливать поручили боцману. Чтобы из-за качки не дрогнула рука, он прежде надежно расклинил меж двух товарищей, подпиравших его с боков, а уже потом открыл бутылку и отметил ногтем нужную часть объема. К этому времени вокруг него сгрудились решительно все, даже самые, казалось бы, изнуренные, до сих пор не встававшие с коек.

— А где юрком? — спросил боцман, только что наливший в первую кружку.

— Здесь я, — послышалось из-за пределов тесного круга.

— Примите, товарищ юрком.

— Спасибо, пейте без меня... Что-то нездоровится. Я вот лучше отлежусь да под утро на вахте побуду.

— Хороший у нас юрком, — сказал боцман. — Я когда на "Вишералесе" ходил, так там после налета лодки зенитчик целых два дня мучился, никак помереть не мог: тому юркому второго патрона жалко было. А наш трех не пожалел... Ну, тогда по старшинству примите вы, товарищ штурман...

Выпили по первой во здравие принцессы и всего королевского семейства, заели бутербродами с мясом.

— Что там у Пал Пальча делается... Живы ли? — вспомнилось вдруг некоторым.

Выпили по второй — за отсутствующих соплавателей.

И хотя обстановка к тому не очень располагала, разговоры стали громче, а потом все хором затянули народную, на мотив старого "Колнога", известную каждому песню флота лесовозных барков:

Вот реи волнами омыты,
И мачты на воде лежат...

Прошу товарищам обиды,
И мне товарищи простят...

12. Баренцево море, утро

- А где Вологодец?
 - Чего?
 - Вологодец где, спрашиваю?
 - Спать должен. Меня на вахту юрком поставил, я Вологодца не видел.
 - Ты, Малыгин, как правишь?
 - Как сказано: чистый ост.
 - Почему?
 - Не знаю. Спросите у юркома.
- Штурман еще раз посмотрел на светлое пятно среди слоистых облаков, означавшее место солнца, затем на свои часы, показывающие восемь утра, обвел взглядом горизонт.
- Ничего не понимаю... Когда тебя юрком на вахту ставил, шлюпка уже была под парусом?
 - Под парусом.
 - И шла на ост? Со скольких часов ты на вахте?
 - Час, наверное. Он мне время не сказал. Но уже было светло. А чего? Курс менять?
 - Погоди, надо сперва разобраться.

Штурман осмотрел палубу, мачту, парус, потом сел перекурить. Малыгин через открытый люк в куполе наблюдал за ним. Было холодно, ветрено, по морю перекатывались огромные волны, однако уже почти без пенных гребней. Шторм, как и следовало по прогнозу, приметно стихал. Над шлюпкой возвышалась А-образная мачта, шарнирно прикрепленная ногами к корпусу в районе переборки ахтерпика. На штаге этой мачты был поставлен стаксель, благодаря которому шлюпка имела шесть или семь узлов хода. Вологодец вчера говорил, что хотя механических двигателей на шлюпке для безотказности ее работы установлено целых два, двигатели эти — обычные электромоторы, питаемые аккумуляторами, рассчитанными на максимум стомильное плавание по тихой воде. Такого запаса энергии достаточно для снятия людей с гибнущего судна и для доставки их к близкой суше, для маневрирования при подъеме шлюпки на спасатель. А для дальних переходов необходимо пользоваться складным парусным вооружением. Есть и весла, позволяющие в штиль двигаться к недалекой суше со скоростью до двух узлов. Можно было бы, конечно, поставить на шлюпку обычный двигатель внутреннего сгорания, тем самым значительно увеличить запас хода, но это сделало бы ее уязвимой для акустических торпед. Вчера мачта еще не стояла, и поставить ее, кроме самого Вологодца, было некому...

- Малыгин, а якорь где?
- Не знаю.

Перейдя на нос шлюпки, штурман увидел на палубе метровый кусок якорного каната и поднял его конец. Канат был перерезан.

— Во время вахты ничего интересного не заметил?

— Земли, судов, самолетов, птиц не замечено. Ветер слабеет.

Штурман спустился вниз, посмотрел на койках. Вологодца среди спящих не было.

- Товарищ юрком, на борту происшествие.
- Ну, что у вас?

Невозмутимо выслушав краткий доклад, юрком сказал:

— Во-первых, сохраняйте спокойствие, не придавая значения отсутствию хозяина шлюпки. Да, мы не смогли доставить этого агента капитализма на Родину живьем, но он выболтал вполне достаточно, чтобы наше правительство могло принять своевременные и эффективные меры. Наша задача — доставить эту информацию до органов разведки.

— Где Вологодец?

— Там, товарищ штурман, куда можете отправиться и вы, если не прекратите этой истерики, — тихо сказал юрком, замечая поднимающихся на койках людей.

— Да я ничего... Думал, вы знаете, — стал оправдываться штурман.

— Данной мне властью приказываю вам, товарищ Седов, командование этим судном взять на себя. Задача — возможно скорее прибыть на русскую территорию. Дайте рулевому точный курс, людей займите работой.

— Товарищ юрком, спасатель находится где-то недалеко и может нас перехватить.

— В таком-то широком море? Вологодец вчера сам говорил, что со спасателя шлюпку не видят. А поскольку мы сменили курс в неожиданном для него направлении, то, значит, тем более им нас не найти.

— Найдет не сам спасатель, а воздушная разведка. Спасателю достаточно слушать радиодонесения разведки, что он, конечно, и делает. Погода улучшается, летать сегодня будет непременно.

— А хотя бы и так! Мы не воюем со Швецией, она не имеет права брать нас в плен.

— Захват шлюпки в данной ситуации по международным морским законам считается пиратством.

— Не пугайте, товарищ Седов.

— Точно вам говорю: нас будут судить за пиратство и убийство.

— Но имели мы право попытаться достичь своей территории?

— Имели, если бы шлюпка была с нашего барка. Но если команду подобрали шведы, они обязаны всех нас интернировать, то есть задержать у себя по крайней мере до конца войны.

— Странно слышать от вас, товарищ Седов, подобные рассуждения.

— Я не рассуждаю, а информирую о законах. Если шведы будут спасать команды барков и тут же возвращать их в Россию, наши мятеж-

ники обвинят их в пособничестве русским, на что Швеция не пойдет.

— Мы их не просили о спасении.

— Шлюпка вплотную к барку не подходила, все приплыли на нее добровольно. Похоже, что Вологодца этот момент на всякий случай зафотографировал.

— Но мы нужны в России?

— Были бы нужны, Россия снабдила бы все барки такими же шлюпками, — вмешался Горевских. — А то выбросили в море на ржавом корыте — да еще и претензии! Правильно штурман сказал про пиратство и интернирование. Мы против международного закона поперли, которого придерживается сама Россия.

— Но, учитывая колоссальную ценность сведений...

— Все так, да только прокурор-то будет не наш, — непочтительно перебил юркома Горевских. — Может, и закон здесь найдется? Интересно, сколько нам отвесят.

Он стал рыться на полке с книгами.

— Как хоть все было-то? — спросил штурман. — И когда? Мне без этого трудно ориентироваться.

Юрком, заметно сбитый с толку и сообщением о неизвестном ему международном аспекте совершенного, и настороженным молчанием команды, сказал:

— Корабль в половине седьмого, как стало потише, опять нас вызвал. Я разбудил Вологодца, тот после разговора сообщает: "Они говорят, что ветер днем будет меняться на южный и ослабевать до штиля. Кораблю пока не до нас — там что-то неладно с третьей шлюпкой. Мы должны самостоятельно следовать в... как его? Гамбург?"

— Хаммерфест?

— Вот именно... следовать сколько можно под парусом, пока позволяет ветер, а там — на моторе. Вологодца сразу же установил мачту, поднял парус. Мы поговорили о том, о сем, Родину вспоминали, выяснили, в какой она стороне и что в ту сторону плыть при таком ветре было бы даже сподручнее. На мою агитацию он, однако, не поддавался, отзвыв о наших вождях — самые плохие, лично меня оскорбил. Пришлось применить силу. А что я еще мог?

— Якорь почему не поднять?

— Он, когда упал за борт, за него держался.

— Вы стреляли?

— Естественно.

— А как смогли управлять шлюпкой?

— Он меня кое-чему научил. Но я сам почти не управлял, немного погодя разбудил Малыгина.

Седов посмотрел в центральном посту на счетчик лага, на часы, сделал пометки у себя в книжке, затем убрал книжку в карман и погрузился в глубокую, мрачную задумчивость.

— Штурман, какой курс держать? — спросил Малыгин.

— Погоди ты с курсом... Как был одет Вологодца при выходе на палубу?

— В тот же комбинезон, в котором встречал нас: ведь еще брызги летели.

— В его комбинезоне имеются воздушные емкости и, мне показалось, радиомаячок. Если он его успел включить, труп найдут очень быстро. Но, вероятно, он сам включается при падении в воду. Так что вот, товарищ юрком: надо готовиться к самому худшему. Сообщения о терпящих бедствие разведка передает открытым текстом, фактически наводит на них ближайшие суда. Погода улучшается, а мы недалеко от береговых рыболовных баз. Не знаю, как вы будете оправдываться пред рыбаками, но лично я желал бы остаться в стороне. Это, в конце концов, шведская территория, ваши полномочия недействительны.

— Вы что же, отказываетесь командовать судном? — спросил юрком после общего долгого молчания.

— Просто ни в коей мере не собираюсь быть соучастником ваших преступных действий... Убить своего спасателя! Да они, Европа, нас просто повесят! Хорошо, что норвежцы выдержанные, до берега, может, довезут... Русские, конечно, в последнее время порядком озверели, но все равно — если я вам помогу скрыться, мне в море больше не ходить: своих заботаюсь.

— А вот Малыгин свои служебные обязанности выполняет исправно.

— Да чего исправно-то! И я не хуже других — просто надо кому-то на руле находиться. Пожалуйста, могу его и не держать...

С отпущенным рулем шлюпка тотчас уклонилась влево, парус потерял ветер, стал сильно трепаться на штаге.

— Шкот-то хоть подбери, пока все не разнесло! — прикрикнул штурман.

Малыгин под куполом покачал рычагом шкотовой лебедки — и неуправляемая шлюпка, повернувшись к ветру боком, сама собой пошла куда-то на северо-восток.

13. "Колымалес"

Последующие часа два на шлюпке царила тишина. Те, кто чувствовал себя переутомленным или больным, спали, другие молча думали про свое. Ветер за это время ослаб еще заметнее, море стало разглаживаться и светлеть. Солнце пока оставалось за облачной пеленой, просвечивая сквозь нее все более и более ясно, властно.

— Вещи, что ли, посушить, — сказал боцман, поднимаясь с койки.

— Да и завтракать время, — поддержал его Малыгин. — Эй, кто в механике силен: как тут печка растапливается?

Хозяйственные дела отвлекали от тягостных раздумий, но когда сели за стол, вдруг, отшибая аппетит, загремел сигнал радиовызова. К

аппарату никто не подошел. Через несколько минут сигнал повторился, после чего гремел почти непрерывно. Он сильно мешал разговаривать, бил и по без того натянутым нервам.

— Выключите, — сказал наконец юрком, — думать не дает.

Бывшие электрики осмотрели аппаратуру, и хотя не могли разобраться в надписях, нашли провод, подающий питание. Звон прекратился. Без радиста, оставшегося при Пал Палыче, было неясно, позволяет ли такое отключение радио узнать спасателя, что на шлюпке не хотят разговаривать с кораблем, однако на душе стало еще тяжелее.

Вскоре после полудня выглянуло солнце.

И за все это время — ни кораблей, ни самолетов...

Повсюду на рубке, на поручнях, на бортовых решетках висела и лежала мокрая одежда. Мирный вид шлюпки и моря стал понемногу менять настроение людей. Вспоминались им родные деревни, рыбалка, сенокос, жатва, разные забавные сельские происшествия. В большинстве команда барка состояла из недавних колхозников центральных и северных областей России, отобранных в парусный флот потому, что более городских привычны к работе под открытым небом. А то, что вчера говорил Вологодец, теперь казалось умозаблуждением, навеянным коварными духами-совратителями бурных полярных морей. Про самого Вологодца разговор как-то не заходил.

Ближе к вечеру на горизонте было обнаружено большое парусное судно, по всей видимости, лесовозный барк, идущий из-за границы.

— А точно, что это наше? — беспокоился юрком. — Не спасатель и не рыбаки?

— Точно, точно — те все шхуны. Этот барк отстоялся вчера где-нибудь за норвежскими островами, а как стало потише, так и тронулся домой.

— Правьте на него. Как бы нашим сигнал подать?

— Сигнала они не увидят, им солнце глаза слепит.

Действительно, солнце в это время относительно шлюпки было на юго-западе, а барк — на северо-востоке. Оставалось только надеяться на то, что шлюпка догонит судно. До самого почти заката правили прямо на барк, но расстояние не сокращалось.

— Он же из-за границы пустым идет, налегке, да и держит заметно полнее галфвинда, чтобы в начале ночи Линию миновать, — решила команда. — Не догонишь его. Тут бы мотор надо пустить.

— А на моторе догоним?

— Догоним. Ветер стихает, к ночи барк может вообще заштилеть.

— Товарищи бывшие электрики, разберитесь, как включается мотор.

Осматривая заодно всю шлюпку, матросы

нашли емкость со спиртом. Пользоваться им команды не было, о находке даже не сообщили юркому, но потихоньку-полегоньку напился почти каждый. Не пили только сам юрком и штурман, всеми забытый. Юрком в позе капитана Немо безотрывно смотрел на барк с носа шлюпки и как бы не видел, что творится внизу. А штурман, забравшись на верхнюю койку, в узкую щель под палубой, один лишь не пытался улучшить свое положение, как-то оправдаться в утренней горячности, загладить вину. Остальные, пользуясь моментом, задабривали юркома. Тот вел себя спокойно, дружелюбно и сам говорил, что не помнит зла:

— Все мы, если по правде, натерпелись одинаково. Лично я уже потерял было всякую надежду, и если бы не ваша помощь, непременно погиб бы. Да мало ли что случается на войне! Только взаимно помогая друг другу, мы имеем шанс уцелеть и, в конечном итоге, победить в этом противостоянии народов, какого еще не знала Россия.

Даже Лапин, не уважавший тех, кто вечно болтается на глазах командиров и кланчит милости, посчитал возможным рассказать о своей домашней задаче, а в конце добавил:

— Теперь вот нам как потерпевшим бедствие положен двухнедельный срок для поправки здоровья. Нельзя ли мне его дома провести? Как вы, товарищ юрком, полагаете?

— Вообще-то полагается за эти две недели пройти медосмотр и лечение, поскольку неизвестно, к какого рода службе спасенные пригодны. Однако, если вы, товарищ Лапин, сразу объявите о своем желании продолжить службу на флоте, то, вероятно, вас могут в госпитале зря и не держать. Хорошо, что своевременно обратили внимание на этот вопрос.

Таким образом, дело не решилось, но приятно было сочувствие и намек на обещание при случае посодействовать.

Юрком то ли не сразу догадался насчет емкости, то ли потворствовал сознательно, так что когда боцман получил приказ взять емкость под свой личный контроль, была без малого полночь. Внизу не раз уже вполголоса пели про Ермака, про Стеньку Разина, про целину — "На первой свадьбе первых новоселов стаканов не хватало для гостей", про кубанских казаков — "Каким ты был, таким остался" и, конечно, самую любимую "Лодку черную" — все, что пелось, когда команда пребывала в хорошем настроении. Затем одни легли спать, других потянуло на свежий воздух.

Над тихим морем горели россыпи звезд, тихо журчала вода под штевнем, внутри шлюпки мерно жужжал мотор. Несмотря на холодную погоду, юрком все еще оставался на палубе, тревожился за исход дела.

— А не потеряем в темноте судно? — постоянно спрашивал он.

— Не должны: рулевой правит по вечерней засечке.

— Может, прожектором посигналить?

— Барк все равно не остановится, потому что Линию переходит, а энергии зря много растратим, — снова и снова объясняли ему. — Вот кабы это днем происходило, так давно бы увидели его поблизости. При таком ветре он даже и без груза более двух узлов не делает, а мы имеем около четырех. За все это время мы к нему, выходит, изрядно приблизились...

Впереди справа небо у горизонта вдруг на мгновение слабо вспыхнуло.

— Пожар, а? — спросил юрком.

— Торпеда, — ответили ему не сразу.

Немного погодя донесся гул отдаленного взрыва.

— Двадцать три секунды, — сказал Горевских, заканчивая свой отсчет. — Принимая по пять секунд на милю...

— Заметили направление? — вдруг раздался в темноте голос штурмана.

— Как раз под этими вот звездами, товарищ штурман. В пяти-шести милях.

— Становись, Горевских, на руль, поворачивай на свои звезды, заметь направление по компасу и дальше правь по нему, не по звездам. Остальным смотреть и слушать.

Слабый ветер, до этого попутный, стал после поворота почти встречным и в какой-то мере снижал ход. Кроме того, аккумуляторы шлюпки к этому времени успели частично разрядиться. В результате пять-шесть миль шлюпка должна была идти часа полтора-два. К моменту, когда она достигла предполагаемого места взрыва, небо за кормой начало светлеть, но впереди еще по-прежнему оставалось совершенно темным. Нигде ничего...

Прошли немного дальше, и тут кто-то воскликнул:

— Предмет слева!

На чуть посветлевшей поверхности моря с восточной стороны шлюпки действительно что-то темнело. Предмет оказался бочкой.

— Поднимать не будем, — сказал штурман, — время дорого.

Затем нашли несколько досок, другие бочки, спасательный круг с надписью "Колымалес-Архангельск" и, наконец, первого покойника.

Понемногу светало, находки встречались одна за другой. Удалось выловить одного еще живого человека, но он тут же умер от переохлаждения, так и не сказав ни слова.

— Чего же они близко к берегу-то держались? — говорили на шлюпке. — Ведь всем известно, что на этом конце Линия почти непроходима.

И тут же объясняли себе:

— А и в море при южном-то слабом ветре отходить опасно: будешь тут целый день на глазах летчиков болтаться. Торопились к началу полетов попасть под закрытие мурманчан, да вот, на беду, совсем застлело.

Другие жалели погибших:

— Пустой-то барк на дно топором идет. Нам

повезло, что с грузом были да прямо-то в воде не плавали. Раньше баржи из леса строили — вот бы из них барки-то делать!

Взошло солнце, но тягостного впечатления от гибели "Колымалес" не рассеяло. Разговоры, только нагнетавшие чувство безысходности, прекратились. Как ни кинь — везде, выходило, клин...

14. В туманах прошлого

С началом дня южный ветер усилился. Плавающие предметы с места гибели судна разносило по морю, находить их становилось все труднее. Долго пытались отыскать шлюпки, пусть и залитые, на которых должна была спастись основная часть команды, но не нашли ни одной. Исчезновение шлюпок никого, впрочем, не удивило: их спусковые устройства исправно действовали только при минимальном крене и дифференте, были громоздкими, ненадежными, поэтому парусные лесовозы нередко шли на дно вместе со шлюпками. Отыскав еще двух застывших в ледяной воде моряков, дальнейшие поиски решили прекратить как явно бесполезные.

К этому времени фактическим руководителем команды снова стал штурман.

— Трупы, — сказал он, — положите пока на корму и там принаутите. Энергию будем беречь на крайний случай, к берегу пойдем под парусом. Шлюпка способна идти бейдевинд, хотя не очень круто к ветру, так что до суши мы доберемся и без мотора. Кроме того, ветер может стать более благоприятным, или встретится судно. Идти пока правым галсом. Распределим вахты. Первым стоит Варавин.

Шлюпка медленно пошла на восток, поднимаясь против ветра, и все, кроме рулевого, легли спать. Но полчаса спустя рулевой попросил назначить на вахту еще кого-нибудь:

— Не могу один с покойниками.

— Горевских, — сказал штурман, — побудь с ним. Будешь наблюдателем.

Южный ветер принес относительное тепло. Взяв бинокль и книгу про Швецию, Горевских уселся на свежем воздухе близ купола рулевого, стал читать, после каждой страницы осматривая по кругу весь горизонт. Варавин, чтобы меньше дремалось после бессонной ночи, а в голову не лезли мысли о покойниках за спиной, сказал:

— Читай вслух.

Горевских просьбу исполнил.

Сдавая вахту плохо выспавшейся смене, они посоветовали для бодрости тоже читать вслух. Ближе к вечеру, когда все встали, послушать историю Швеции захотели уже многие. После обеда чтение продолжалось до сумерек. Ветер к этому времени усилился, вечернее бушующее море казалось полным опасностей, покойники на борту наводили на тягостные раздумья. Хотя шлюпка находилась теперь сравнительно

недалеко от мурманского берега, горы вдоль него не просматривались, горизонт в той стороне весь день был затянут серой дымкой военных, должно быть, пожаров, а также газов и копоти из множества труб Кольского промышленного района. Отсутствие кораблей у своих берегов наводило на размышления о гибели почти всего прежнего флота, а с ним — и многих товарищей, на мысли о скором своем конце...

"И зачем только мы снова лезем в эту мясорубку! — думал в смятении каждый. — Вот устроились некоторые, вроде Вологодца, в надежном, тихом месте — и правильно сделали... Хоть плавай на этих лесовозах, хоть не плавай — война идет своим чередом, и от нас, по отчетам уже выбывших из строя, списанных в потери, все равно ничего не зависит..."

А Горевских читал:

"Основным социальным слоем в древнем скандинавском обществе были бонды — свободные домохозяева, главы семей. Бонд имел усадьбу, скот, землю, на которой работал вместе с членами семьи и рабами. В среднем хозяйство было примерно 12 коров, 2 лошади, 3 раба".

— Сколько, сколько коров? — живо переспрашивали недавние колхозники, весь личный скот у которых обычно состоял из одной козы.

— Двенадцать. Посягательство на личность свободного человека, на его имущество, вторжение в усадьбу, даже если виновником был король, каралось высоким штрафом, влекло необходимость компенсировать ущерб. Однако наиболее достойным считалось отомстить обидчику, поэтому обычай родовой мести существовал очень долго".

— Это как же — убивали за обиду? Могли короля убить? Сродники убивали?.. А мы только поносим друг друга!

"Семья бонда была очень большой, так как включала семьи его сыновей, и проживала в одном дворе. Земельный участок, одал, был наследственным неотчуждаемым владением одалманов, т. е. членов большой семьи. Другое значение слова "одадь" — "родина", "отчизна". Земля и свободный человек на ней составляли одно целое".

— Во как: "Земля и свободный человек на ней!" А нас послали из колхоза на барке в море ходить — мы и ходим.

— Так это что же получается? Без своей земли и свободы, стало быть, нет и родины? Мы что же, безродные? Хуже собак, потому что те живут все-таки дома!

— Я жить где угодно согласен, только чтобы жена, дети рядом...

"Умершие предки тоже как бы входили в состав большой семьи. Предкам поклонялись, предания о них составляли тот педагогический материал, на котором воспитывалось новое поколение".

— А мы, получается, на рыбий корм только

пригодны? Самих — на дно морское, сыновей — в окопы, жену в колхозе закопают, когда на лошадиной работе надорвется...

"Среди бондов своим богатством и влиянием выделялись хольды, "могучие бонды", нередко выступавшие предводителями основной массы населения наряду с родовой знатью, от которой они отличались происхождением. Знать и хольды покровительствовали свободным, но бедным людям, например, вольноотпущенникам и их потомкам. Покровительство часто выражалось в предоставлении земельного надела, за что бедный человек рассчитывался выплатой оброка. Он тоже мог принять участие в колонизации вновь открытых земель, например, в Северной Атлантике".

— Эх, вот бы нам в эти бедняки! Поселились бы мы хоть на какой, но на твердой земле, пусть на голых скалах, семьи бы забрали из России...

"Некоторые основные черты социального строя скандинавов на рассмотренной нами стадии развития от середины XI века до XII—XIII веков, когда происходило формирование крестьянства, в поэтической идеализированной форме нашли отражение в одной из эддических песней — в "Песни о Риге". Время возникновения этой песни неизвестно, так же и других песней "Старшей Эдды"; сохранилась "Песнь о Риге" в исландской рукописи XIV века. В этом произведении воплотилась "мифологическая социология" скандинавского общества. В "Песни о Риге" рассказывается о том, как бог Хеймдаль, принявший имя Рига, последовательно посещает жилища Прадеда и Прабабки, Деда и Бабки и, наконец, Отца и Матери. От сожителства Рига с Прабабкой родился Трэль и от него пошел род рабов, с Бабкой он породил Карла, то есть крестьянина, а Мать родила благородного и воинственного Ярла, сыном коего в свою очередь был Кон (отсюда конунг, король). Перед нами — предание, которое должно было объяснить генезис трех социальных слоев, составляющих общество Северной Европы в раннее средневековье. Божество переходило от менее совершенных творений (сперва рабы, затем простолюдины-крестьяне) к более совершенным (знать и король). В изображении автора песни Трэль обладает отталкивающей внешностью, занят тяжелым и грязным трудом (пасет и кормит скот, выгребает навоз, добывает торф); Карл благообразен, это землепашец. Занятие же Ярла — война и охота, он обладает большими сокровищами и многими усадьбами. Таков и его младший отпрыск Кон, к тому же владеющий тайнами магии".¹

Отрывок вызвал большое оживление:

— Ну и бог! Прабабку не пощадил!

Посмеявшись вместе со всеми над старой сказкой, Лапин сказал:

¹ Использована "История крестьянства в Европе", т. 1. М., 1985, стр. 299—300.

— Говорят, сейчас по деревням бабы этим делом с мальчишками заниматься стали... Малодетники сыновьями обмениваются.

Замечание сразу же было дополнено рассказами о еще более странных случаях.

— До какого варварства докатился христианский народ!

— Все бы отдал, чтобы этим Трэлем стать и скотину у себя в деревне пасти! — заявил боцман.

В книге то и дело встречались незнакомые морякам слова. Разъясняя непонятное все более подробно и с большими отступлениями от темы, Горевских рассказал такую историю:

— Однажды, еще в университете, товарищи дали мне шведский порнографический журнал. Язык — абсолютно незнакомый, но там были, судя по картинкам, такие захватывающие истории, что взял я шведский словарь и начал в этих историях разбираться. Тексты оказались несложными, с повторением одних и тех же слов и оборотов. Разра три наткнувшись на слово "скимра", я твердо запомнил его значение: "блестеть", "сверкать" или "светиться". Употреблялось это слово в оборотах типа, если буквально, "желудь засверкал"...

— При чем тут желудь? — не понял вдумчивый Ефремов.

— При том, что шведам и, кстати, немцам наружный конец мужского члена больше всего напоминает желудь. Как, впрочем, и древним

римлянам, от которых это слово перешло в медицинскую науку — глянс. Отсюда — глянец, блеск по-нашему, сверкание.

— Выходит, в Европе, — изумился Ефремов, — даже девушки могут об этом предмете не ругаясь разговаривать! Вот это культура!

— И вдруг я сообразил, что название города Кимры на верхней Волге — от "скимра"! Понимаєте. На языке древнего местного финно-угорского народа слово "Волга" означало "Светлая"; когда же тут обосновались варяги, предки шведов, они это место называли тоже "Светлая", но — на своем языке — "Кимры".

— Ну и что отсюда следует? — не оценили открытия слушатели.

— Я стал смотреть, нет ли в районе верхней Волги других слов, которые ничего не значат по-русски, но имеют смысл по-шведски. Оказалось, их там великое множество! Например, название поселка Скнятино переводится "Кра-савино", а название деревни Алферово — "Речкино". Я сперва думал, что есть такое имя — Алфер, и подобно тому, как от Ивана появляется "Иваново", появилась деревня и от Алфера. При случае спросил в церкви — оказалось, такого христианского имени нет. Но есть шведское слово "элв", которое пишется с буквы "а", хотя и с двумя точками наверху...

— Отдельные названия на местности ничего не доказывают, — сделал попытку образумить студента боцман.

— Да их там как горох рассыпано! Если шведы оставили в России столько следов, значит чем-то они русичам действительно близки. Вот при них-то, наверное, и был на Руси золотой век.

— Тебя из университета не за эти рассуждения на флот послали? — еще раз намекнул боцман.

— А хотя бы и так!.. Ну и пусть: мне теперь зато бояться нечего — дальше барачков посылать некуда.

К ночи на шлюпке образовалось два лагеря: молодежь и холостяки в лице Малыгина и Варавина объединилась вокруг Горевских, продолжающего читать и разъяснять прочитанное, а семейные и те, кто постарше, молча лежали по койкам, сохраняя выдержку.

Никаких особых выпадов против русской нации в книге не было — поражало больше то, что у маленькой Швеции, выходит, не менее богатая событиями история, чем у России! А вклад ее во всякого рода полезные для мира дела несомненно сравним с российским.

О практических выводах пока еще никто не заговаривал, и шлюпка по-прежнему лежала на курсе, уводящем в район исконно русского острова Колгуев, на котором, правда, уже началось какое-то шевеление ненецких сепаратистов.

— Полночь, — сказал штурман. — Меняйте вахту. И вообще — пора спать. Утро вечера мудренее... Этими водами сам Ломоносов, наверное, хаживал; вот бы его к нам, а? Поговорить бы с умным человеком...

— Нет, — ответил Горевских, — лучше бы нам к нему на судно. Тогда ведь было время роста России после петровских реформ, время расширения границ, на что-то надеялись, кое в чем, как теперь ясно, обманывая себя... Лихие люди! А теперь нам предложили помощь — но мы не в состоянии решиться спасти даже свои собственные шкуры!

15. "Хибины"

На исходе ночи море стало успокаиваться. Утром не поднимались долго — не жились в сладкой дремоте под усыпляющие колебания шлюпки на зыби, монотонное журчание воды, сменившие ночной штормовой кавардак. Вставать не хотелось еще и потому, что днем предстояло как-то разбираться в поднятых накануне вопросах.

Смущало особенно вчерашнее поведение юрком: он весь вечер не произнес ни слова, неизвестно что думая в такой напряженный момент.

В девятом часу раздался громкий голос штурмана:

— Рулевой! Как правишь? Почему у тебя солнце будто пьяное болтается?

Только что пробудившись, он сразу обратил

внимание на тени внутри шлюпки, на странную их неустойчивость.

— Эй, кто там на руле? — крикнул он громче.

Ответа снова не последовало, и штурман, ругаясь, поднялся с койки.

— Вы, товарищ юрком?!.. А что случилось? Эй, кто-нибудь смените юркома!

— Ничего особенного не произошло, — сказал юрком, осторожно спускаясь по отвесному трапику.

— А почему тогда мы идем на норд-ост?

— Как шли, так, по-моему, и продолжаем идти.

— Да, это по отношению к ветру. Но ветер сменился, соответственно было надо сменить и галс, а не переться к Новой Земле. Чья это вахта?

— Горевских был должен с четырех...

— Где Горевских?.. Куда он делся?

— Не кричите, товарищ Седов, — сказал юрком, укладываясь на свою койку. — Все равно это был не наш человек.

В шлюпке наступило жуткое молчание.

Юрком заложил руки за голову, с приятностью вытянулся, устало прикрыл глаза:

— Паршивую, как говорят, овцу не жалко...

Штурман выскочил на палубу, и все последовало за ним.

— Ты, Малыгин, самый легкий... Возьми бинокль на шею. Ефремов, Лапин — уберите стаксель! Малыгин, мы сейчас тебя на стаксель-фале на мачту поднимем, посмотри оттуда получше. А ты, боцман, сооруди ему что-то типа беседки. Живее, ребята, живее!.. Он тут с курсом так наколбасил, что неизвестно точно, с какой стороны мы сюда пришли, так что, Малыгин, захвати сектор пошире.

Но самое тщательное наблюдение за морем в юго-западной четверти горизонта ничего не дало.

На мачту поднялся Варавин, тоже опытный наблюдатель, уступивший потом свое место Лапину.

— Если и ты ничего не увидишь, — сказал ему штурман, — пойдем галсами на юго-запад. Постараемся найти и похоронить по-человечески.

Пока Лапин был на мачте, послышался гул самолета.

Летел он прямо на шлюпку, заметив ее, должно быть, благодаря высокой металлической мачте, за многие десятки миль. Это был разведчик, обычная летающая лодка, вместо торпед несущая, однако, дополнительный запас горючего. Вот так, следуя зигзагами от одной засветки на экране до другой, разведчик обходил все прибрежные зоны Баренцева моря, выискивая скопление судов для немедленного удара и собирая материал для прогноза этих скоплений на последующие дни.

— Смотрите, смотрите: на спуск идет!

— Неужели собираются обстрелять? — ска-

зал штурман в беспокойстве. — Всем вниз, лечь на дно!

А сам занял место у фаловой лебедки, чтобы спустить наблюдателя. Но лодка стрелять не стала. Вместе с тем она и не улетела, а, снизившись еще больше, начала делать второй заход, скользя уже совсем над самыми волнами.

Вдруг от нее отделилось что-то вроде ярко-красной змейки.

Когда этот предмет упал на воду рядом со шлюпкой, над местом падения возникло облачко дыма, но никакого взрыва не последовало.

— Похоже на вымпел, — сказал штурман только что спущенному с мачты Лапину. — Сколь это ни маловероятно... Если бы мина, то зачем такие хлопоты? Могли бы просто пробить обшивку очередью. Полагаю, надо поднять.

В развинченном пенале с грузом на одном конце и с чем-то вроде яркого картонного цветка на другом, с легкой красной лентой, которая хорошо видна в воздухе и за которую пенал можно без труда извлечь из воды, была записка: "Следуйте ИК 20"

— Предлагают истинный курс двадцать градусов. Штурман обвел взглядом собравшихся вокруг. — Всем понятно?

— А что именно тут следует понимать? — спросил юрком, протягивая руку к записке.

— Ну, теперь начнется... — сказал штурман вместо ответа.

— И понимать нечего, товарищ Седов. Мне, собственно, неясно другое: почему мы стоим? Смените ваш галс или как его там, двигайтесь к ближайшей русской земле, которая, насколько я теперь представляю, где-то на юге; людей занять работой.

— Выполняйте, — сказал штурман и, ломая спички, стал закуривать.

Матросы молча поставили стаксель, молча занял свое место рулевой.

— Какого курса держаться, товарищ штурман?

— Бейдевинд левый галс, — ответил Седов и перешел на подветренный борт, чтобы спокойно покурить в затишье за рубкой.

Юрком наблюдал немного за ходом шлюпки, затем сошел вниз отдыхать после вахты.

— Все равно догонят, — сказал штурман команде, которая пристроилась на корточках возле него. — У "Валькирии", Вологодец говорил, обводы и парусное вооружение гоночной яхты плюс механическая установка на маховичном аккумуляторе на случай шторма. И если она сейчас даже у кромки льдов, до нас все равно доберется скорее, чем мы до берега. Уж раз обнаружили, то остальное — не проблема. Нацмены, как и следовало ждать, на стороне спасателя, помогают ему. Хорошо, что ни те, ни другие ни о чем еще не догадываются, полагая, что просто отказало радио...

После долгого общего молчания поднялся некурящий Ефремов:

— Чай хоть пока поставьте...

До самого вечера на шлюпке никто не разговаривал. И нельзя было догадаться, что зреет в этом безмолвии: то ли некая зловещая решимость, то ли полная примиренность с судьбой. Люди больше лежали, время от времени выходя по двое, по трое покурить, но и на перекуре никаких особых разговоров не было. Юрком дремал с правой рукой в кармане кителя.

— Ты чего там, Лапин? — поднял вдруг голову штурман.

— Да вот, туманится что-то... Похоже, судно. Все кинулись на палубу.

— Это наш барк, — сразу опустил бинокль Малыгин. — Нет, не спасатель; да и не с того направления виден, не с норд-норд-оста... В нашу сторону идет.

— Доложите там юркому, — сказал штурман, отворачиваясь. Спокойно, с достоинством, на палубу вскарабкался юрком, взял не спеша бинокль. Он, конечно, не мог не уловить снизу разговоры и восклицания, уже знал, что судно — русское, но своего торжества никак не обозначил.

— Ну вот, дорогие товарищи, мы и спасены. Очень рад, что все так хорошо кончается. Товарищ Седов, командуйте, сигнал подайте или как там на флоте принято.

— Идти на сближение, — сказал штурман.

— А хорошо бы, знаете, чаю, — предложил юрком после долгого наблюдения за растущим прямо на глазах парусником отлично ему известного типа. — Чтобы в тесном своем кругу в последний раз по-товарищески посидеть всем вместе...

— Боцман, займись камбузом!

Как раз на закате и после кратковременного ослабления ветра, когда он стал более южным и после чего начал усиливаться, шлюпка подошла к барку вплотную, легла на параллельный курс. Барк — а это были "Хибины" из Мурманска — взял брамсели и гротмарсели из гитовы, позволяя более тихоходной шлюпке не отставать от себя. На крыле его мостика появился человек с красными дисками в руках, заменявшими традиционные семафорные флажки. Расстояние между судами было невелико, но к этому времени шум на море уже исключал возможность прямых переговоров. Малыгин, профессиональный сигнальщик-наблюдатель, пристегнул себя ремнями к поручням на корме и взял в руки две шапки.

— Передавай: "Команда погибшего барка "Волгалес" из Архангельска просит принять на борт".

Ответ последовал немедленно:

— "Согласен. На чьей яхте находитесь?"

— Товарищ юрком, — сказал штурман, — как отвечать?

— Отвечайте по уставу.

— По уставу положено ответить в соответствии с фактическим состоянием.

— Вот и действуйте.

— Передай: "Находимся на шлюпке шведского спасательного судна "Валькирия".

Барк ответил не сразу:

— "Обстоятельства вашего спасения?"

— Там же свой юрком, — добавил от себя Малыгин. — Теперь он устроит нам следствие! Ну, чего писать?

— Товарищ юрком, сигнальщик спрашивает текст.

— Я ведь вам сказал.

— "Шлюпка спущена "Валькирией" команде тонущей "Волги".

Опять наступила долгая пауза.

— "От чьего лица ведете переговоры?"

— Передай: "От лица юркома третьего ранга Попова", — тут же сказал штурман.

Новое молчание барка длилось так долго, что стало смеркаться.

— Они там ишут по секретным документам, есть ли такой юрком, — посетовал Малыгин, — а ты мерзни на ветру. Зуб на зуб не попадает... Как же: раз имели контакты с иностранцами, то веры вам нет. Хуже мы теперь чумных! Тут надо за стол садиться и разговаривать нормально.

— Передай: "Прошу разрешения прибыть на барк для личных переговоров. Штурман "Волги" Седов".

Ответ пришел много времени спустя, как видно, после напряженной дискуссии, в которой победили моряки:

— "Спускаем трап с кормы".

Будь шлюпка обычной — барк, лежа в дрейфе, попытался бы поднять ее на борт. А эту, раза в два длиннее нормальной и гораздо тяжелее, опасную на волнении для самого барка с его тонкой обшивкой, нужно было или взять на буксир или уж сразу оставить в море, поскольку на буксире в случае шторма она бы все равно продержалась недолго. Вот ради необходимости решить эту проблему и позволил капитан "Хибин" представителю подозрительных юркому барка людей прибыть на переговоры за столом, поскольку торопили наступающая ночь и крепнувший ветер.

Штурман надел спасательный жилет, занял место на носу шлюпки. Она стала понемногу отставать от барка, спускаясь под его корму.

— За меня — боцман. Держитесь пока на безопасном расстоянии, учитывайте ночные условия, постарайтесь не нервировать вахтенных на барке возможностью столкновения или пиратского нападения. Малыгину постоянно следить за сигналами с барка. Кто знает, сколько мы там проговорим, так что имейте выдержку.

После нескольких попыток, используя временное затишье, штурман прыгнул на штормтрап и хотя, промахнувшись, угодил в воду, все же сумел вцепиться в последние дощечки сту-

пенек, волокущиеся в полосе пены. Было видно, как ему помогают выбраться на палубу и как он, перевалившись через фальшборт, машет рукой, приказывая поскорее отойти подальше.

Стало темнеть, барк уже казался не судном, а мрачной, бесформенной громадой, чем-то вроде одинокого утеса в холодном бурном море. Шлюпка все это время находилась в его кильватере, на расстоянии двух-трех кабельтовых. Ради экономии энергии на ней горел один круговой белый огонь. Так прошел час, два...

— Товарищ юрком, — сказал боцман, — затягивается дело. Если они нас брать не хотят, то, может, мы бы сами до берега дошли? Суда у нас по качествам разные: у "Хибин" преимущество в скорости с попутными ветрами, а мы ходим круче. Если этот ветер не сменит направления, есть даже возможность добраться до берега раньше барка.

— Ничего, ничего, товарищ боцман. Значит, имеются у них какие-то весомые основания не спешить и разобратся в данном вопросе обосновательно. Проявим терпение. Там опытные товарищи, а наша ситуация им хорошо известна.

В томительном ожидании миновал еще час.

— Товарищ юрком! "Хибины", кажется, прибыли хода. Не потерять бы нам их. Разрешите связь.

— А что, положение действительно тревожное?

— Если мы их потеряем, останемся без штурмана.

Однако на световые сигналы вызова "Хибины" не отвечали. Барк действительно быстро уходил вперед, продолжая еще какое-то время слабо светить белым огнем на корме.

— Смотрите, передают!

Малыгин, только что спустившийся вниз погреться чаем, выскочил на палубу.

Медлительные мигания огонька продолжались недолго.

— Ну, что они сообщили? — спросил юрком почему-то молчащего Малыгина.

— Это, наверное, работал не сигнальщик; это, похоже, кто-то баловался, заслоняя гакобортный фонарь.

— Но это были буквы?

— Буквы. Начала я не видел, разобрал только "...ранцы".

— А что они могут значить?

— Не знаю.

— Шифровка не исключена.

— Не исключена, только мне такой шифр неизвестен.

— Ранцы... кранцы? — пытался угадать боцман.

— Есть на Белом море, — сказал Варавин, — селение Кашкаранцы; может, барк туда идет?

— Есть иные предложения? — спросил юрком.

— Зас... — разжал губы Лапин. — Зас... мать вашу так!

16. "В открытом Баренцевом море..."

Было уже около полуночи.

— Как только представится возможность, я немедленно сообщу по инстанции об этом хулиганстве, — сказал юрком, строго оглядывая всех собравшихся погреться внутри шлюпки. — И о дезертирстве штурмана Седова, и об оставлении нас в беде...

— Штурман-то, может, не дезертировал, а не имел возможности вернуться, — осторожно заметил на это Лапин.

— Да и "Хибины" понять можно, — вставил свое слово боцман. — А вдруг там подумали, "Валькирия" где-то рядом и уже видит и барк, и шлюпку? Она ведь, когда все выяснится, навряд ли станет в дальнейшем спасать команду "Хибин", которая оказала помощь убийцам спасателя. Вот завтра лодка прилетит — и всем на барке, принявшем людей со шлюпки, будет бесповоротный конец, хотя бы "Валькирия" и находилась рядом.

— Как вы не поймете, товарищ юрком, — сказал Малыгин, непочтительно выпуская дым прямо под нос юркому, — что нас теперь ни одно судно подобрать не захочет! Не нужны мы и порту Архангельску или всякому другому.

— Почему?

— Потому что люди без всякой их вины не желают обратиться в пыль.

— Я вас не понял, товарищ Малыгин.

— Нацмены топят барки, надо прямо сказать, аккуратно, чтобы только поддержать блокаду. Порты почти совсем не трогают, семейным беспокоиться нечего. Нацменские летчики все еще верят, что сами-то по себе русские — люди приличные. Но теперь, после истории со шлюпкой, ясно, какое мы все дерьмо. Короче говоря, завтра надо ждать чего-то особенного.

— Какие у вас основания делать такой прогноз?

— А вот сами все увидите, товарищ юрком.

— Ну, ладно, — сказал боцман, — до завтра еще дожить надо. Порядок вахт поддерживаем старый, так что становись, Варавин, к рулю. Может, они, на "Хибинах", передумают и сбавят ход, так что следи за морем как следует.

— Это чтобы их утром разведчик застукал в нашей компании? Держи карман шире.

— Как ты со старшим разговариваешь? — прикрикнул боцман.

— Так ведь сами знаете, что барк — мурманский, рассчитывать за архангельские дела ему не резон.

— Пошел на вахту, молокосос!.. Гасите свет!

Никакого курса боцман не назвал, поэтому выходило, что надо держаться старого — бейдевинд в направлении берега. Варавин сперва именно так и правил. Но, посидев некоторое время во мраке перед светящейся картушкой

компаса и ничего не видя на горизонте, он стал понемногу склоняться под ветер. Все уже крепко спали на своих качающихся вдоль продольной оси койках, при любом крене сохраняющих горизонтальное положение. Коек этих, рассчитанных лишь на раненых, на шлюпке было всего несколько, но их сейчас хватало всем. Малыгин осторожно сделал поворот и лег на компасный курс 20 градусов. Поправок для перехода к истинному курсу он не знал, поэтому был вынужден считать их несущественными. Сильный ветер, оказавшись теперь почти что попутным, помчал шлюпку с такой скоростью, что за несколько ночных часов можно было вернуться туда, где они находились утром.

"Корабль, наверное, уже ищет нас в том районе, — думал молодой моряк. — Им ведь и в голову не могло придти, что мы оттуда уйдем совсем в другую сторону..." "Хибины" поступили справедливо: убийство спасателя и захват шлюпки нам никто не простит — ни свои на барках, ни шведы, ни летчики... Похоже, с барка сигнализировал кто-то из рядовых; значит, дело известно уже всей команде "Хибин", а скоро будет известным всему флоту. Вот они, на "Хибинах", и решили все вместе нас бросить. Видно, только нам с таким клеймом веки вечные существовать! А если начнется расследование, на барке скажут, будто мы сами потерялись во время ночного шторма... Мурманчане и прежде архангельских недолюбливали, а сейчас у них все козыри. Теперь нацмены с торпедоносцев сразу скажут: "Хватит с ними валандаться — пора жечь само гнездо!". И будет налет на Архангельск... Тут одно выручить может: пусть Вологодец и убит, но если за него на спасателе буду работать хотя бы я один, то, наверное, они это дело замнут. А скорее, будет нас двое — Малыгин и я. Малыгин — тоже коренной архангелогородец, меня поймет..."

Казалось, что стоит изменить курс — и немедленно появятся огни спасателя, идущего навстречу. Но проходило время, а никаких огней не обнаруживалось, мрак впереди и вокруг был абсолютно непроницаем. Смутно белели только полосы пены у подветренного борта стремительно идущей шлюпки да гребни заваливающихся по сторонам волн.

Стрелка встроенных в приборную доску часов подходила к четырем. Наступал момент будить смену. Варавин его пропустил, не очень заботясь о последствиях — кто же станет обижаться, что ему дали поспать подольше!

Понемногу светало. Открылся горизонт, безнадёжно пустынный повсюду. В шлюпке закашлялись, завозились... Варавин осторожно прилежался до бейдевинда, как шли вечером. И как раз вовремя: по трапу к нему поднимался Лапин.

— Кашель мучает; теперь пока не покуришь — не пройдет... Слабы только ихние сигареты

— мне бы нашим горлодером затянуться. У тебя не осталось?

— Я свой табак сразу выбросил еще мокрым, когда увидел, что тут хороших сигарет полно.

— Вот и зря... Что-то мне спресонок почудилось, будто мы не так идем. С чего бы это?

— А я тут уклонялся проверить одно неясное наблюдение — вроде как огонек... Да нет, опять пустая карта.

— Тебя почему не сменили-то?

— Я сам не захотел. Дай, думаю, еще посижу. Все равно бы не уснул: наш дом все что-то в мыслях, а когда сам к нему правишь — не так, вроде, на душе муторно.

— Это верно, это я тоже замечал. Однако меняться следует, а то от переутомления на вахте одного человека всему судну беда может быть. В морском порядке вековая мудрость заложена.

— Лучше бы поскорее покойников схоронили, — сказал Варавин, переводя разговор на другое. — Не к добру мы их возим. Есть говорят, примета...

— Не к добру. Помню, был сходный случай...

После разговора Лапин ушел курить на палубу, а Варавин отметил на всякий случай в журнале фиктивное уклонение от курса и скорый возврат на него, затем сдал вахту и со спокойной душой лег спать.

"Все равно корабль где-то рядом! Наверное, уже видит нас приборами, так что главное-то дело сделано!"

Некоторое время спустя его разбудили.

— Вставай!

Будил суровый боцман.

Варавин подумал, что обман раскрылся — и не встал, притворяясь, будто все еще спит.

— Вставай, — повторил боцман. — Почтим усопших товарищей.

Шлюпка лежала на старом курсе бейдевинд левого галса, но ветер заметно ослаб, так что ход был небольшой.

"Топчемся на месте, — удовлетворенно подумал Варавин, оглядывая горизонт. — Рано или поздно корабль нас отыщет".

На юте, кормовой палубе, лежали мешки, сшитые из снятых с коек занавесок, под полотном угадывались очертания человеческих тел. С той стороны, где ноги, к мешкам был прикреплен кусок якорной цепи шлюпки, один на всех погребаемых.

— Умные люди шведы, — сказал Варавину Ефремов, стоящий рядом с ножовкой по металлу в руках, — а тоже вот не подумали, с чем же покойников-то хоронить: никакого груза не нашлось к ногам привязать. Отпилил от цепи, да маловато, не скоро морячкам с этим грузом тверди земной достигнуть. А больше отпилишь — якорь худо держать станет.

— Глубины тут невелики, — отозвался боцман, — поскольку берег рядом, да и спешить им на дно особых причин тоже как будто нет.

Я другого боюсь: не будет людям на грунте покоя, течением не стало бы их таскать с таким-то легким грузом. Вот разве еще ломик с рубки снять да хоть топор...

— Инструменты не трогайте! — воспротивился Лапин. — Их не зря тут под рукой развесили. Если что случится — куда мы без инструмента?

— Убрать стаксель! — скомандовал боцман. — Становись для отдания последнего долга!.. Эх, некому хорошую речь сказать... Может, вы, товарищ юрком, чего скажете?

— Да что скажу... Товарищи! Сегодня мы провожаем в последний путь безвременно павших от руки презренного врага... Поклянемся же над их открытой могилой еще крепче держать победоносное знамя героического русского народа... Будем же свято верить, что их кровь пролита не даром... Поклянемся еще непоколебимее стоять на охране священных рубежей Великой России... У меня все, товарищи.

— Хорошо-то сказано, хорошо, — заметил боцман после долгого общего молчания, — да не про моряков. И могилы тут нет, и кровь они не проливали, и рубежей мы не имеем, поскольку море — общее. Вот это пехоте в самый раз подошло...

— Ну, не знаю, — сказал юрком. — Нас как в университете учили, так я и говорил.

— Это понятно, что выше головы не прыгнешь, а все же чего-то вроде бы не хватает. В любом деле трудно без специалиста.

— Может, святое писание прочесть? — предложил вдруг Лапин. — Уж коли священника взять негде, то хоть самим по той же книге...

— А чего? Идея! Как, товарищ юрком?

— Это прямо нигде не запрещается, хотя, конечно, мое присутствие нежелательно.

— Давай, Григорий, неси Библию.

Лапин принес.

— Ну сам и читай. Тем более, что борода, как у попа, и голос тоже выразительный.

— А какое место?

— Разверни наугад.

— "Разве вы не знаете, братия, — ибо говорю знающим закон, — что закон имеет власть над человеком, пока он жив. Замужняя жена привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества. Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона и не будет прелюбодейцею, вышедши за другого мужа. Так и вы, братия мои, умерли для закона Телом Христовым, чтобы принадлежать другому. Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу. Ибо, когда мы жили во плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти; но ныне, умерши для закона, которыми были связаны, мы освободились от не-

го, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве. Что же скажем...".¹

— Все? — спросил боцман. — Пронзительные слова. Главное, точно про нас, уже списанных в потери... Товарищ юрком, поднимайтесь на палубу, религиозная часть кончена! Теперь предадим наших товарищей морю, где суждено им покоиться вместо твердой земли. Берись, ребята, все вместе, и по моей команде...

— А вы бы, товарищ юрком, — сказал, наклоняясь, Варавин, — салют бы произвели.

Юрком ничего не ответил.

— Не надо лучше, — возразил Малыгин, — у него пистолет бесшумный, все равно никакого эффекта.

— Почему же никакого? — не согласился Варавин. — Публика исполнения приговора не так пугается и возмущения не делает. Наука!

— Для гражданских лиц салюты на похоронах не предусмотрены, — объяснил юрком.

— Ну тогда ладно, — сказал боцман. — Взались? Двигаем равномерно к борту... Пошел!.. Все, предали... Теперь только в журнале отметить. А как?

В открытом Баренцевом море,
В районе мурманской земли,
Средь волн, бегущих на просторе,
Крестьян российских погребли.

— Ты что, боцман? — сказал тихо Лапин. — Юрком ведь слышит.

— А?.. Или мы уже в море Белое вошли? Как отметить-то, Гриша?.. Стаксель ставьте!

17. Юрком

Ничего больше в этот день не произошло.

Вечером все долго рассматривали горизонт на юге, чувствовали неподалеку берег, удивлялись, что он до сих пор не открылся.

— Но уж завтра-то мы непременно к ней подойдем!

В остальное время Лапин запоем читал Библию, Малыгин — историю Швеции, Варавин спал, готовясь к ночной вахте. Юрком то лежал на койке, то сидел на носу шлюпки, терпеливо дожидаясь, когда покажется земля. Разговаривали мало и только о самом необходимом.

Ветер во второй половине дня стал заходить с юга и к ночи усилился, сделавшись юго-западным. Галс поэтому поменяли на правый, надеясь за ночь войти в Белое море и к рассвету оказаться если не в районе острова Моржовец, то, во всяком случае, в сфере действия береговой обороны. К такому выводу пришел боцман, сделавший прокладку на основании записей в судовом журнале. При этом он, понятное дело, не учитывал поправок на течение, дрейф, склонение и девиацию, которые непременно берут в расчет настоящие

штурманы, однако был убежден в ориентировочной ценности своих трудов и уверенно предсказывал на завтрашнее утро или, в крайнем случае, полдень конец плавания.

Как только все уснули, Варавин опять повернул на север и целую ночь вел шлюпку в ту сторону, где должен был, по его мнению, находиться спасатель. Он понимал, что идти точно старым курсом 20С теперь смысла нет, поскольку и корабль, и сама шлюпка изменили свое положение, но тут важно было хотя бы подольше оставаться в море, надеясь на счастливый случай.

Утром, когда уже рассвело, вновь закашляли, завозились старики, Варавин сменил курс на южный, сдал вахту и лег спать.

А боцман до самого полудня то сидел над картой внизу, то рассматривал через бинокль пустынный горизонт, время от времени прося кого-нибудь подтвердить, что он в само деле заметил берег.

— Да облако это, облако, — неизменно отвечали ему.

— Беда, коль пироги начнет печь сапожник, — посмеивался над ним Лапин.

— Хоть убей, Григорий, ничего не пойму! По всем данным вот-вот покажется Вологда, поскольку Архангельск мы уже миновали.

Юрком проследил по карте ход карандашной линии, действительно выползающей на берег, сказать ничего не сказал и до вечера погрузился в глубокую задумчивость.

Ни кораблей, ни самолетов, ни клочка земли — и так весь день...

Приближалась ночь, в меру холодная и ветреная, как и многие другие ночи в северных морях, но теперь еще и непостижимо таинственная, пугающая абсурдным исчезновением не просто берега, а вместе с ним уже и всякого смысла. Юрком стал заметно нервничать. Пока было светло, он упорно всматривался в дали на юге; с наступлением сумерек, в отличие от прошлых дней, велел включить полностью освещение, все бродил по шлюпке, повсюду заглядывал, будто что-то разыскивал. Остальные потерю ориентировки восприняли как дело хотя и неприятное, но не очень опасное, ибо судно доказало свою живучесть, хорошо управлялось, погода не была слишком бурной, а припасы еще имелись. Даже на лесовозе порой целыми днями не знали своего точного места, дрейфуя неизвестно куда в плотном тумане, который в конце концов непременно расходился. Но совсем не так воспринимал возникшую ситуацию человек сухопутный и, более того, целиком несамостоятельный, ждущий точных указаний. Возможно, юрком и сам понял, что им совершенно нечто выходящее за рамки его полномочий, следствием превышения которых и стали какие-то непонятные козни команды барка. Чем ближе к ночи, тем больше спокойствие моряков дол-

¹ "Послание к римлянам св. апостола Павла", гл. 7.

жно было казаться юркому общим разговором против него лично.

— Товарищ боцман, как вы все-таки объясните создавшееся положение?

— А черт его знает!

— Я вас серьезно спрашиваю.

Боцман обиделся;

— Объяснять пусть штурманы объясняют. Мое дело вира-майна, подать конец — отдать конец. Без штурмана и вообще одни в море мы остались, между прочим, из-за вас.

— Вы мне угрожаете?

— А пошел ты ко всем чертям! — сказал боцман, и без того расстроенный, не в глаза, естественно, и чуть позже.

Но было заметно, что юрком это слышал.

Некоторое время спустя он придрался к Малыгину:

— Товарищ Малыгин, почему вы занимаетесь антирусской пропагандой?

— Я не пропагандирую, а просто читаю историю Швеции.

— Читать ее, может, и не возбраняется, но зачем это делать вслух? Вы мешааете другим.

— Они сами просили, — Малыгин кивнул на Варавина и Ефремова.

— Но вы понимаете, к чему привело это чтение вашего товарища Горевских? Отдайте-ка лучше книгу мне.

И юрком выбросил "Историю" в море.

Малыгин сказал:

— Ну и пусть... Мы тогда будем травить анекдоты. Можно?

— Если про мятежников, капиталистов, инопланетян, Гитлера и женщин, то можно.

— А про попов?

— Тоже можно.

— Значит, так... Вот приходит в застойное время к священнику брежневский пропагандист и говорит: "Послушай-ка, поп! У тебя церковь маленькая, старая и даже без электричества, а у меня дом политпросвещения большой, новый, весь в огненной рекламе. Только вот народу что-то мало, а к тебе так и ломятся. Не пойму причин разницы, тем более, что ты за обслуживание деньги берешь, а у меня все даром. Если и в нынешнем году план по охвату завалю, турнуть могут. Поучил бы, а, поп?" Священник подумал — и согласился: "Поучить можно. Вот завтра у нас богослужение — ты его и проведи. Все, что надо сказать, — в этой книге".

Юрком, ничего не говоря, отошел и лег на койку.

— Назавтра пропагандист пожаловался: "Непривычен я выступать при такой-то большой массе, выпить бы чего..." — "Иди в алтарь, там стоит кагора бутылка, остограмься". Короче, провел пропагандист богослужение. Провел и спрашивает: "Ну, как, поп? Хорошо?" — "Хорошо-то оно хорошо, сын мой, но допустил ты три ошибки. Я сказал — остограмься, а ты ополлитрился. После этого там, где мы гово-

рим "Богомать", ты говорил "Е... на мать". И в конце мы произносим "Аминь", а ты сказал "П...дец!" А так хорошо, сын мой, хорошо..."

Когда все отсмеялись, юрком вдруг сказал:

— Вот это другое дело, вот это по-нашенски.

Все так и попадали с коек, а он, переждав буйный приступ смеха, продолжал:

— Раньше, действительно, было у нас в пропаганде и агитации множество недостатков, работали порой в этой сфере культуры недостойные люди с пробелами в образовании. Но те времена давно и бесповоротно прошли, допущенные ошибки исправлены всесторонне подготовленными юрист-комиссарами, которые действуют не на основе эмоций, как прежние комиссары гражданской войны, а на базе последнего слова науки, высшего политико-юридического образования... Лично я архангелогородский — помните, спрашивали? — с Кегострова, наша семья Поповых там издавна обитала. Все эти нынешние благотворные перемены происходили у меня на глазах. На участие в политическом руководстве массами я поставил очень рано, в первых классах школы, и, как видите, выиграл... Линия руководства, конечно, в разные периоды слегка колебалась, но если чутко реагировать на эти перемены от строгости к либерализму и наоборот, нареканий со стороны вышестоящих руководителей никогда не будет и продвижение по службе обеспечено. Престижное образование, хорошую квартиру в городе, заметный служебный пост — все дала эта первоначальная верная ставка.

В шлюпке царил безмолвие — все были поражены такой разговорчивостью всегда экономого на слова юркома.

Убедившись, что его внимательно слушают, юрком продолжал:

— Например, мальчишкой помню, как нашему архангельскому драмтеатру, который прежде по фамилии Ломоносова прозывался, хотя этот Ломоносов ни одной пьесы не сочинил и не поставил, присвоили название "Драмтеатр имени актера Казакова". Народу-то, народу! И все горячо одобряли решение органов по увековечению. Был там еще, помнится, сбор народных денег на памятник, речи говорились очень даже высокостоящими и в разных сферах знаменитыми товарищами. А ведь когда Казаков, с работы выгнанный за смелые выступления против тогдашних олигархий, сказал: "Меня от театра отставить нельзя. Можно только из него вынести", после чего повесился на своем рабочем месте, — его эти самые олигархии даже в гробу мертвого из театральных дверей выносить не позволяли, пока народ не возмутился... Так что, товарищи, правда себе дорогу пробьет, и если мы все за нее выступим — успех обеспечен, победа будет за нами... А у нас на Когострове тоже интересный анекдот был. Женщина доктора спрашивает:

"Я слышала, что для предохранения надо пить кефир, но не знаю, до того или после того". Ей доктор и говорит: "Вместо того".

Неожиданное участие в разговоре юркома, хотя ничего особенного им сказано не было, все же смягчило обстановку. После разговора почти что по душам сообща приготовили хороший ужин, с удовольствием поели горячего, спокойно легли спать, вновь оставя на вахте Варавина.

— Не знаю, — сказал боцман, — как у вас, а у меня твердое предчувствие, что завтра всем нашим приключениям придет конец.

Ветер к тому времени сменился на северный. Варавин, не представляя, где теперь может находиться "Валькирия", решил править на запад, к Линии, основному месту работы спасателя. Шлюпка ходко шла вполветра, на этом устойчивом курсе почти не требуя управления, и на восходе солнца утомленный Варавин нечаянно заснул.

Разбудил его легкий удар по голове.

Верхний люк центрального поста был открыт, на палубе рядом с куполом стоял юрком с пистолетом в руке.

— Встать! — сказал он тихо. — Выходи сюда.

Варавин встал, но не выходил.

— Тебе был дан приказ править на юг. А куда правишь ты? Солнце утром на востоке — почему оно сзади? На Запад решил удрать, сволочь?

— Извините, товарищ юрком, заснул, шлюпка сама повернула...

— Ты за кого меня принимаешь, товарищ Варавин? Если я вам вчера спорил какую-то дичь, так можно, по-твоему, считать меня в самом деле дураком? Это я твою бдительность усыплял, кретин! И уснуть ты мог, и шлюпка повернуть могла, но вот эти веревки, — юрком указал на проведенный через блоки стаксельшкот, — эти веревки сами собой так натянуться не могли. Вчера вечером они были выпущены далеко вперед, а ветер не менялся. Правя? Отвечай.

— Мне что-то показалось... какой-то огонек... решил проверить...

— Ты это уже Лапину говорил, не притворяйся. Ну, свернул на час, допустим, но от этого мы бы и землю увидели только на час позже. Боцман с тобой в сговоре? С кем вы еще заодно? Самостоятельно действуете или по чьему заданию? Выходи из будки! Быстро!

Варавин начал выбираться из купола. Юрком, внимательно следя за ним, отступал вдоль борта к носу.

И как раз в этот момент люк в торце рубки за его спиной откинулся, над люком возникла голова боцмана. Боцман, услышав смутно разговор на палубе, решил выйти, совершенно не догадываясь, поскольку разговаривали тихо, о чем речь.

А юрком увидел себя в окружении, тем более опасном, что Варавин и боцман оба в от-

дельности были значительно сильнее, проворнее его, с трудом ковыляющего и по твердой земле. Он выстрелил в боцмана, затем в Варавина и снова в боцмана — все в одно мгновение. Боцман остался на палубе, а Варавин, извиваясь в агонии, скатился по наклонному борту в воду. Прежде чем захлебнуться, он ужасно кричал — и на этот крик стали выскакивать все остальные, спавшие в шлюпке. Юрком к тому времени убежал на самую корму, занял там, согнувшись за выносным пультом управления, позицию для стрельбы. Из кормового люка в торце рубки прямо на него выскочил Ефремов. Юрком выстрелил — и моряк, отпрыгнув назад, стал оседать в проем выхода. Лапин и Малыгин, выскакивая на бак, оказались невредимы — до них было сравнительно далеко, реальной угрозы для себя юрком в этих людях не видел.

18. Паруса "Валькирии"

Северный ветер сгладил зыбь с юга и сам стал стихать. Море слабо колыхалось, над ним поплыл редкий туман, несло сырым холодом. Неуправляемая шлюпка медленно двигалась на запад — и никто не представлял, где она сейчас, далеко ли до берега.

— За что вы их? — сурово спросил Лапин, когда юрком вышел из-за своего укрытия и убрал пистолет.

— Они на меня напали... хотели бежать за границу. Оружие я применил в соответствии с правилами.

Боцман был убит наповал.

Варавина, возможно, удалось бы спасти, за бортом он оказался еще живым, однако на нем были тяжелые резиновые сапоги, которые он не мог быстро снять, утянувшие его под воду.

Ефремов получил тяжелое ранение в левую сторону груди, но, должно быть, все же не в сердце. Его сразу перенесли на койку, раздели, туго перебинтовали. Руководствуясь инструкцией в аптечке, Малыгин взял на себя смелость сделать первый в жизни укол. Введенный препарат должен был на некоторое время избавить раненого от мучений.

Боцмана пока оставили на палубе, прикрыв занавеской.

Позавтракали сами.

— Что вы на меня так смотрите, товарищ Лапин? — нервничал юрком. — Я имел все доказательства, что между боцманом и Варавиным существовал заговор с целью побега за границу. В данном случае мне следовало арестовать этих товарищей и допросить для выявления прежде всего сообщников. Ликвидация предусмотрена только при невозможности ареста, в ходе уже начатого побега. Но они оба на меня напали. Я тут совершенно ни в чем не виноват, поскольку лишь выполнял свои обязанности.

— Что же это за доказательства?

Юрком заговорил о плутовстве боцмана с картой, о смене курса Варавиным, но Лапин его оборвал:

— Ну и чего такого? Как будто сложно было догадаться, что по ночам мы идем не туда... И я это знал, после первой ночи хотел с Варавиным поговорить, да он не открылся. Ясно, что Варавин думал попасть на спасатель.

— Вы так спокойно это заявляете, товарищ Лапин...

— А почему не заявить? Всем известно, что многие из наших команд после спасения не возвращаются: если судно погребло, плывут на шлюпках не в Россию, а в Норвегию. Особенно те, кто помоложе. Для того, считается, и шлюпок на барках две: одна для начальства и стариков, которым надо в Россию вернуться, другая для молодежи. Отдали свой долг Родине — пора и о себе подумать. На уже как бы мертвых, сказано в Библии, закон не распространяется.

— Вы, товарищ Лапин, сами разве не видите, на какой опасный путь...

— Я еще и то вижу, скольких ребят вы погубили своей рукой... Ну, а Ефремова-то за что, псих? Тишайший мужик, работяга, на таких вся Россия держится... По нашим трупам наверх лезешь, кегостровская гнида? За бдительность повышения ждешь? Дали вам, тупицам, власть... Да не тянись ты по-воровски за пушкой-то в кармане, в открытую действуй, раз таким уродился... если, конечно, надеешься в одиночку до русской суши добраться.

— Успокойтесь, товарищ Лапин, просто у вас нервный срыв, что и понятно. Вы скорее сами расскажетесь в этой вашей несдержанности.

Лапин, направлявшийся к выходу на палубу, резко обернулся — но юрком еще быстрее выхватил пистолет.

— Вот и поговори с таким по образу божию созданным... Уж до того натренирован в политических-то науках, что наган сам в руку ему прыгает. Я тебе хотел сообщить, что мы с боцманом знаешь сколько на барке вместе?

Юрком смутился, стал поправлять галстук, значки на груди.

— Папуас с острова Кего, — махнул рукой Лапин. — Пойду лучше сослужу товарищу последнюю службу, сошью ему морской саван. Ибо сказано: блажен муж, не ведущий беседу с нечестивым.

И он сшил мешок из двух занавесок, потом ворочал по палубе якорь, отсоединяя цепь, распиливал ее звено, ни разу не спустившись погреться вниз, где, по обыкновению лежа на койке, сосредоточенно обдумывал что-то юрком.

Погода снова стала меняться, туман рассеивался, подул юго-западный ветерок. Чувствовалось, что рядом соседствуют, соперничая, невероятно мощные стихийные силы природы, от легких, взаимных движений которых все вокруг то озаряется ярким солнцем, то скрыто

в полярном тумане. Сейчас эти исполины только примериваются друг к другу, но пройдет небольшое время — и титанические вихри морских ветров схватятся насмерть, унося легкое суденышко в благословенные теплые воды или, может, засыпая его хлопьями снега.

— Самолет!

Лапин замер с ножовкой в руках, а Малыгин, высунувшись из купола, водил биноклем вдоль горизонта, определял направление.

— Вот он! Летит прямо сюда...

Самолет оказался обычной лодкой, идущей, наверное, на свою плавбазу в каком-нибудь фьорде после утренней "работы" — почти все гнезда для торпед были у него пустыми. Сначала он пролетел прямо над шлюпкой, потом, теряя высоту, сделал круг и неожиданно коснулся тихой воды, направляясь одновременно к шлюпке. Сверху у него сильно сверкнуло, как при выстреле, но это был не выстрел. Замедляя ход и одновременно погружаясь в воду, лодка подплыла совсем близко, продолжая сверкать ослепительно-белым, как маленькое солнце, огнем. Рев двигателей сменился мягким урчанием.

— Они знак вызова передают, — сказал Малыгин. — Ответить?

— Ответь, — посоветовал ему Лапин.

Малыгин положил руку на выключатель проектора — и на куполе шлюпки тоже замигал огонь.

— Они спрашивают: "Нужна ли помощь?".

— Нужна, — сказал, не думая, Лапин.

— Не нужна, — решил чуть позже юрком.

Малыгин подумал — и просигналил неизвестно что.

— Они спрашивают: "Вас все время вызывает "Валькирия". Почему не отвечаете?"

— Ответь: "Сломалось радио", — сказал юрком.

Лапин промолчал.

Некоторое время вспышек на самолете не было.

Он стоял на воде немного впереди шлюпки, с наветренной стороны, и его слегка сносило ей наперерез, так что она должна была пройти мимо на расстоянии не более полукабельтова от конца его крыла. Все три пропеллера слабо кружились, сверху на корпусе поблескивала стеклянная башенка с длинным, повернутым назад, тонким стволом. Но вся лодка была такой цветастой, яркой, похожей на раскрашенную игрушку, хотя и чрезмерно большую, что казалась несколько не страшной. Ее крыло ближе к концу опиралось через обтекаемые стойки на трехгранный поплавок размером с поморский карбас, то притапливая его до половины высоты, то почти поднимая в воздух. Торпед с этой стороны у лодки была только одна. Похожая на заостренное бревно, приятного светло-зеленого цвета, какой бывает у весенней листвы берез, не очень большая по размеру, — она тоже имела в своем облике

что-то игрушечное. Между главным корпусом и боковым мотором из крыла выдвигался черный ствол; ничего другого черного, с которым связаны представления о войне и смерти, на лодке не было.

В спине самолета, за гондолой среднего мотора, открылся люк, из него поднялся по поясу человек, помахал рукой.

— Нас, что ли, зовет? — удивился Лапин и помахал тоже.

— Не отвечать врагу, — сказал юрком.

После этого лодка вдруг стала быстро приближаться и одновременно поворачиваться носом к ним, как бы нацеливаясь оружием. Юрком опустил руку в карман и начал заходить за рубку. А Лапин удивленно спросил у Малыгина:

— Ты это зачем привелся?

Малыгин ему не ответил, усиленно работая рычагом шкотовой лебедки, направляя шлюпку ближе к самолету.

Лодка снова замигала огнем.

— Что они говорят?

— О спасателе. До него девяносто миль на норд-вест. Идет сюда.

Человек в люке вылез наружу, и помахивая руками, спокойно пошел по крылу. Это был рослый, откормленный молодой мужчина, явно ничего и никого не боящийся, подлинный хозяин здешних вод и неба. На нем была одежда ярко-красного цвета, что-то среднее между комбинезоном и скафандром, со множеством карманов и блестящих застежек. Слегка балансируя, он дошел до моторной гондолы, остановился здесь, опираясь о ее верх коленом, спокойно стал смотреть на подходящую шлюпку.

— Ты чего делаешь-то? — продолжал удивляться Малыгину Лапин.

Шлюпка, поставленная круто бейдевинд, едва ползла и проходила теперь не далее как в десяти метрах от самолета, уже поравнявшись с его крылом. Вдруг Малыгин бросил руль, выскочил на рубку, скинул ватник и прямо с рубки прыгнул за борт, норовя вцепиться в крыло. Но до него было еще слишком далеко. Малыгин упал в море и поплыл, медленно продвигаясь к поплаву. Летчик заволновался, стал что-то кричать, указывая то на Малыгина, то на кабину лодки, откуда через стекло смотрел на все происходящее его напарник.

Не ожидавший ничего подобного, Лапин застыл от изумления. Неуправляемая шлюпка продолжала слегка двигаться, понемногу приводясь, теряя ветер и ход.

В этот момент не растерялся один юрком. С пистолетом в руке он спокойно перешел на наветренный борт, аккуратно прицелился и выстрелил.

После нескольких секунд растерянности летчик стремительно бросился к люку, исчез в нем, прихлопнутый крышкой. Еще через несколько мгновений лодка яростно взревела и быстро поплыла хвостом вперед, удаляясь от

того места, где на воде расплывалось красное пятно. Лапин изумленно глядел на нее — он и не предполагал, что эти лодки могут так плавать! Разворачиваясь на заднем ходу, лодка отошла на кабельтов, заревела еще громче и стала взлетать. Вскоре она исчезла из воды.

Только тут Лапин вырвал из зажимов на стенке рубки отпорный крюк и бросился на корму. Но спасать было уже некого — на воде осталось одно только мутное облачко, постепенно тающее на безбрежной сине-зеленой равнине, чуть колеблемой остатками зыби.

И тогда он посмотрел на юркома.

— Не смей! — сказал юрком, пятась вдоль борта к носу, где лежал прикрытый погребальным мешком труп боцмана.

Он пятился по правому борту, на который переходил стаксель делающей самопроизвольный поворот шлюпки, и не замечал, как на него наваливается сбоку наполняемый порывом ветра парус. Надо было тут же присесть, чтобы пропустить над собой низкую шкаторину, но юрком, человек сугубо сухопутный, начал отталкивать парус локтем — и тот, конечно, оттеснил его на край борта.

Тогда юрком хотел дотянуться до поручня на рубке, но стаксель мешал и этому. А хватать наполненный ветром парус, чтобы удержаться на нем, — бесполезно. Юрком, теряя равновесие, все же хватал, бессмысленно царапая растянутую ткань ногтями. Булькнул выроненный пистолет, но было уже поздно — заваливаясь под давлением паруса на спину, юрком упал на скошенную часть борта, начал соскальзывать вниз. Ухватиться ему было не за что, спасательные решетки имелись только в средней части шлюпки...

И вот он уже по грудь в воде, хотя еще держится руками, приклеившись ладонями к металлу... Но шлюпка, поворачивая, наваливалась на него, ладони постепенно сползали. Когда не стало и самой последней опоры для рук, юрком оттолкнулся от шлюпки, поплыл, выходя из-под нависающего над ним борта.

Лапин перехватил отпорный крюк поудобнее, на манер копья.

— Молись, юрком, — сказал он. — Минута сроку тебе... Нет, полминуты!

Юрком подумал и положил правую руку на левую сторону груди, пlying в это время на спине.

— Зря каешься... Бог тебя за весь погубленный народ все равно не простит. Одно хорошо, что никого уже не убьешь.

Много чего знал старый моряк, но не дано было ему знать главного — что слева под мышкой у всех юркомов есть еще один, запасной пистолет. Заклеенный в прозрачный мешочек, он может выстрелить прямо в этой упаковке даже после долгого пребывания под водой.

...Лапин сразу понял, что рана его смертельна.

Поэтому, несколько не медля, он вполз на

рубку и уже с нее дотянулся руками до рычага шкотовой лебедки.

Выждав немного, чтобы шлюпка уверенно легла на левый галс, он отвел собачку храпового механизма и держал ее так, пока перешедший на правый борт стаксель не смотает с барабана то количество снасти, которое необходимо для хода вполветра.

Затем он вынул чеку на оси самотормозящего штурвала, разобрал его с приводом на кормовой руль. Что касается носового руля, тот и без этого находился во флюгерном положении, сам собою устанавливаясь по течению воды.

Сколь ни кратковременно плавал на этой шлюпке Лапин, он уже не сомневался, что теперь она, никем не управляемая, будет идти вполветра левым галсом до тех пор, пока, если ее не перехватит спасатель, не упрется в какой-нибудь берег, а может — и льды.

Он лежал на спине, видеть мог только небо.

Половину этого неба закрывал подрагивающий на юго-западном ветре стаксель. В другойплыли облака.

Сознание стало меркнуть, мысли путались. Вдруг возникло ощущение, что одно из облаков — это паруса "Валькирии", подошедшей вплотную.

"Не может быть, — сказал себе Лапин, пристотревшись. — Облако вытянуто вдоль горизонта, а не вверх... Оно серое, с грязными разводами, похоже, скорее, на брамсель какого-нибудь лесовоза... Да и не приходят спасатели дважды..."

Он точно знал, что не приходят, однако надеялся на чудо, поскольку внизу лежал во временной болеутоляющей дремоте Ефремов, земляк, также пришедший на "Волгу" еще в те годы, когда она не была барком и ходила вовсе не в Арктике.

Под ним все громче и громче плескалась вода. Нарастал и крен.

"Крепчает ветер, крепчает... А вдруг придет? Вдруг застанет его в живых? Что ей, "Валькирии", гоночной яхте, при хорошем-то ветре какие-то девяносто миль? Да и мы не стоим, движемся навстречу..."

С этими мыслями он и умер.

И с этой сладкой верой ушел на дно Баренцева моря несколько минут спустя, когда труп его сбросил за борт сумевший подняться по ступенькам на ахтерштевне юрком, политраблотник новейшей формации, профессионально подготовленный оставаться живым и у власти при всех обстоятельствах.

1990

В схватках Света и Тьмы

Когда темное воинство подступило к стенам Серебристой Гавани, там уже собрались все оставшиеся светлые силы — эльфы Линдона, остатки Остраны и Лихолесья, бежавшие от темного нашествия, да две нуменорские когорты, посланные императором Ар-Фаразоном на помощь осажденным.

Объединенное войско Ангмара и Мордора — тролли и орки, люди и назгулы — ринулось на штурм, и величайшая из битв Средиземья закипела. Воздух над прибрежным холмом, где возвышалась последняя светлая твердыня, наполнился стуком мечей, воинственными криками, свистом стрел, арбалетных болтов и снарядов из катапульт. Тролли, размахивая дубинами, шли напролом. От свиаста назгула вылетели ворота, и атакующие ворвались в крепость. Сражение продолжалось внутри, среди палаток, зажатых на маленьком пятнышке между четырьмя деревянными стенами, в путанице колышков и растяжек.

Трудно было уже разобрать, где свой, а где чужой. Король Гил-Гэлад пал на пороге донжона, однако битва не прекратилась — остатки гарнизона заперлись в башне и продолжали сверху осыпать атакующих смертоносным градом стрел. Наконец владыка Элронд взмахнул рукой со сверкнувшим на пальце кольцом Воздуха — и магия перенесла оставшихся в живых защитников башни на последний катарман, покачивавшийся на мелкой волне у пристани. В одно мгновение чудом спасшиеся расхватили весла, и корабль, развернувшись, направился по голубой водной глади в сторону Нуменора.

Вслед ему неслась песня — силы тьмы, выстроившись на пирсе, провожали эльфов в эмиграцию, на Запад...

Когда сведения о падении Серебристой достигли нуменорской эскадры, спешившей ей на помощь, корабли повернули к югу. Войска высадились на плоский пустынный берег, тянувшийся от устья Андуина до того места, где горы выходят к морю, образуя живописные скалы.

Одна из когорт десанта напоролась на засаду урук-хайев и была полностью уничтожена. Но подоспели две другие — и урук-хайев постигла та же участь. А отборные нуменорские силы двинулись вглубь материка — к Ангмару, основное войско которого в этот момент праздновало победу на развалинах Серебристой Гавани.

Впрочем, не копью и мечу, а лишь обману и коварству суждено было захватить неприступную дотоле черную крепость, о которую уже один раз обломал себе зубы король Гил-Гэлад. Без боя ворвались нуменорцы в Ангмар, пленив малочисленный гарнизон и объявив твердыню, высившуюся на вершине холма посреди величественного елового леса, княжеством Арнор. Недолго, правда, удалось просуществовать княжеству дунаданов, поскольку

вскоре появилось и темное войско, возвращавшееся от Серебристой. Битва закипела вновь. Снова звенели мечи, трещали копыя, и воздух стыл от леденящих назгульских криков...

К сумеркам сражение утихло, и то немногое, что осталось еще живым в Средиземье, постепенно погрузилось в сон. Уснули далекий Мордор и отвоеванный Ангмар, чутко спали эльфы в Лихолесье и орки в Лоризне. Дремал оставшийся в стороне от сражений Умбар, не ведая еще, что утром и в его ворота постучит дубина мордорского тролля. Спали тени мертвых в переполненных залах Мандоса. И лишь в Нуменоре всю ночь горел костер и не сомкнули глаз часовые на стенах, напряженно вглядываясь в чуть отблескивающую водную гладь и неясный силуэт материка на горизонте. Ждали десанта темных, не зная, что он уже невозможен — на том берегу к этому времени не осталось ни одной лодки...

— Что это? — спросите вы. — Очередная пародия на Толкина? Или продолжение — в духе, скажем, Н. Перумова с его "Нисхождением Тьмы"? Но тогда почему темные побеждают и откуда такое, мягко говоря, доброжелательное к ним отношение? Не говоря уже о вопиющих анахронизмах — Ангмар и Нуменор в одну эпоху!

Нет, это не продолжение, не пародия, не ночной кошмар правоверного толкиниста. Это всего лишь краткий пересказ событий четвертого дня "Хоббитских Игрищ"-93, состоявшихся в начале августа прошлого года неподалеку от Екатеринбурга.

Кажется, почти каждый любитель фантастики о Хоббитских Игрях что-нибудь да слышал, либо читал, либо даже видел по телевизору. Но все в маловразумительных отрывках диапазоном от удивленного интереса (есть, дескать, такие ненормальные, одеваются в кольчуги и бегают друг за другом с мечами по лесу) до подозрительно-настороженного: а что это такое, мечи всякие, доспехи, "Сильмариллион" наизусть зубрить заставляют, да и темных у них слишком много, популярны они, даже фольклор свой есть. Непорядок, как бы не вышло чего!

Ну, что касается милых назгулов, добрых троллей и орков в веночках из цветов, то тут все достаточно просто. На первых Хоббитских Игрищах, организованных в 1990 году красноярским КЛФ "Вечные Паруса", в темные силы шли по спецнабору самые лучшие и сознательные — ведь тогда всем еще хотелось поиграть светлых и хороших. В результате за два-три года сложился определенный имидж: подвыпивший, увя, эльф с мечом и перекошенной физиономией — и орк в цветах и с гитарой. И фольклор сменился: если раньше, собираясь вместе, толкинисты пели дивные эльфийские песни и разбойничьи орочки (в основном, переделки на известный мотив), то сейчас вовсю звучат героические баллады об отважных и благородных темных бойцах, сопротивляющихся натиску Света, стремящегося подстричь мир под одну гребенку и выкорче-

вать с корнем ересь и инакомыслие. К слову сказать, внимательное и критическое чтение "Сильмариллиона" дает кое-какие основания для такой точки зрения. Вообще же, внимание к альтернативной точке зрения, отыскивание "иной" правды, очеловечивание врага и попытка взглянуть с его стороны — похоже, исключительно наша, русская (или "советская") традиция. На Западе, насколько мне известно, ничего подобного нет, сюжеты всех игр "по Толкину" заранее запрограммированы, "добро" и "зло" расставлены по своим местам. Выходит, чему-то нас наша история все-таки научила?..

Можно было бы здесь еще долго рассуждать о Толкине, о том, почему именно ему удалось создать мир, не просто простирающийся за пределы книги, но и побуждающий продолжать, дорисовать его, погрузиться в него глубже, чем это позволяет книга. Отсюда — и все это "вторичное творчество" (термин Толкина), эти бесчисленные пародии, переделки, продолжения и переименования, "Бесконечная дорога", "Звирьмариллион" и "Черные хроники Арды". Отсюда — уже шесть вышедших в разных городах сборничков толкинистской поэзии. И не только переделок широкоизвестных текстов, но и своих собственных стихов, поющих на свою музыку.

Можно было бы проследить и фэновские корни толкин-движения (или движения ролевых игр — если хотите более широкого определения). В конце концов, именно отсюда и "смещение эпох" — перенос Ангмара в нуменорские времена, отсюда и вообще стремление "отыграть" события, выходящие за рамки "Властелина Колец", "восстановить" историю, альтернативную не только нашей реальности, но и миру самого Толкина. Тем более, что многократно тиражировать известную всем в Средиземье историю похода Хранителей стало скучно еще в девяносто первом году. Но ведь все это — от священного для каждого любителя фантастики вопроса: "что было бы, если...?"

Естественно, фэнам, пусть и "перекрасившимся" в толкинистов, тесно в рамках одного мира, даже великолепно нарисованного. Поэтому Игры — и большие, и малые — идут не только по Толкину, благо — выбор велик: и исторические события, и фантастика, от Конана до Эмбера и Арканара. Но Большие Игры все равно именуются Хоббитскими (хотя хоббиты на них давно уже куда-то исчезли — затерялся маленький народец в больших политических разборках) и даже "союзными". И приезжает на них народ, невзирая на дикие железнодорожные цены, со всех концов нашей когда-то необъятной страны. В Екатеринбурге их было около четырехсот человек, в 1992-м — под Уфой — до полутысячи, а на очередных Игрях — в Иваново — планируется до 600-700 участников.

Что будет дальше — пока никто не знает. Но что-то обязательно будет!

Владислав ГОНЧАРОВ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Раздраконивает Вас. Кириллов

Для наших новых друзей (хочется верить, таковые непременно появятся теперь, когда журнал — с трудом, но все же! — начал выбираться из той бездны, куда ухнул-таки в прошлом году вслед за всей отечественной периодикой) поясним: с январского номера известный переводчик и литературный критик Василий Кириллов делится с читателями "Уральского следопыта" своими впечатлениями от прочитанного.

Рубрика эта сугубо авторская — отсюда и вольный выбор книг. Ну, а захочется какому издателю, чтобы именно его книги покритиковал либо похвалил в очередном обзоре наш Василий Кириллов, что ж, — пусть пришлет эти свои книги и заплатит за рекламу журналу, а журнал приплатит критику — дабы был еще субъективнее и нелицеприятней!

Отечественную фантастику Василий Кириллов не читает — уж не взыщите. А шкала оценок у него такова.

Один дракон — книга, не лишенная привлекательности, но только для слабоумных, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда прочитывается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и завещать своим детям.

Жаба — откровенная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Роберт Говард, Стив Перри.
Конан и Четыре Стихии. — СПб:
Северо-Запад, 1992. — 638 с.

В уютных интерьерах и на фоне тревожных ландшафтов Хайборийской эры, в неравных сражениях и кажущихся безвыходными переделках действует непотопляемый герой великого бульварного эпоса второй половины XX столетия, синеглазый гигант родом из суровой Киммерии по имени Конан.

Вор, наемник, легкомысленный любовник, искатель наживы и приключений — таким предстает он читателю первой книги многотомного издания "Северо-Запада", лучшего из всех появившихся изданий эпопеи на русском языке. И нелегко сразу ответить на вопрос: "В чем секрет привлекательности Конана? Какой магнит притягивает к нему не только любителей fantasy, но и профессионалов-писателей, причем зачастую высокого класса?"

Между тем, ответ достаточно прост. Черты, из которых складывается обаяние этого характера, извечны. Прямодушие, не исключающее ловкости и хитроумия. Телесная и душевная сила. Неисчерпаемая выносливость в борьбе за выживание, с какими бы невероятными испытаниями ни была связана эта борьба. И наконец, то, быть может, самое важное обстоятельство, что время от времени, вольно или невольно, этот вор, наемник, искатель наживы и т.п. играет роль защитника слабых.

Все это позволяет с уверенностью утверждать: Конан — народный герой нашего времени и отличается от Ильи Муромца, короля Артура или Дон Кихота, пожалуй, только одним: он не принадлежит какой-либо из живых наций, его родина расположена в просторах воображения, а значит, Конан — дитя всего человечества.

Пускай литературный снобизм, погружаясь в очередной "пир духа" и соорив презрительную мину, бормочет свое: о том, что дитя это от рождения слабоумно, убого, безвкусно и плохо воспитано. Конану и это не повредит.

Он долго, Бог знает, как еще долго, будет жить в миллионах детских и оставшихся детскими сердцем.

Остается лишь привести пару цитат из блистательного Г.К.Честертона.

Во-первых: "У заурядного читателя, быть может, весьма неприятные вкусы, зато он на всю жизнь уяснил себе, что отвага — это высшая добродетель, что верность — удел благородных и сильных духом, что спасти женщину — долг каждого мужчины и что поверженного врага не убивают".

Во-вторых: "Грошовой читатель всегда проникнуто жизненным оптимизмом. Бедняки, даже рабы, сгибающиеся под непосильным бременем жизни, бывали легкомысленными, сумасшедшими, жестокими, но никогда не теряли надежды. Их несуразная, с нашей точки зрения, литература всегда будет литературой "крови и грома", столь же естественной, как гром небесный и человеческая кровь".

И заключительный вердикт: пять драконов "северо-западному" Конану со всей многогранной перспективой, конца которой не видно. Лично мне удалось собрать уже шесть томов, и я с нетерпением ожидаю седьмого: "Конан и небесная секира" — от одного названия по коже мороз пробегает!

Джон Уиндем. День триффидов: Отклонение от нормы. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1993. — 368 с.

Тот, кто уже знаком с Джоном Уиндемом, скорее всего читал именно эти два романа и не нуждается ни в похвалах, им адресованных, ни в намеках по поводу основных мотивов их содержания.

Ну, а тому, кто еще не читал "Дня триффидов" и "Отклонения от нормы", тем более не хочется говорить ничего, кроме: "Прочтите немедленно!"

Классические образцы историй грядущих катастроф, захватывающие дух приключения в невыносимо трудных условиях, придуманные

настоящим мастером. Больше, кажется, и нечего добавить.

Разве что несколько личных соображений. В "Дне трифидов" меня особенно поражает самое начало романа. Я и прежде понимал, насколько хрупки основания нашей цивилизации, в какой ничтожной параметральной полосе ютится человечество со всеми своими достижениями. Но только Уиндем впервые заставил меня почувствовать этот факт не в качестве умозрительной стоической аксиомы, но как непреложную истину, подобную приговору или сообщению о смерти близкого человека, т.е. тому, что сначала ощущаешь кожей, потом принимаешь как удар в самое сердце, и о чем, наконец, пытаешься забыть, поскольку с таким знанием жить попросту невозможно.

Напротив, в "Отклонении от нормы" меня до слез растрогал финал — настоящий эталон возвышенного счастливого исхода.

Уиндем обладает редкой способностью не только рассказать нечто необыкновенное, но и внушить переживание этого в ранге чего-то вполне возможного, почти заурядного. Для фантаста, мне кажется, эта способность является главной. Во всяком случае, без нее самая головокружительная работа воображения выглядит ничуть не лучше лихорадочного бреда.

Средне-Уральское издательство сделало на сей раз хороший выбор. Тем более жаль, что он не столь уж хорош с чисто коммерческой точки зрения: два романа Джона Уиндема за последние несколько лет публиковались неоднократно, и новая книга может не найти достаточного сбыта. Разве что мои пять драконов помогут ей в этом...

Флетчер Прэтт. Колодец Единорога. — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 477 с. (Серия "Fantasy").

Этот роман очевидно представляет собой один из полипов воображения на реальной европейской истории. Написан талантливо и даже отчасти оправдывает обещание, выданное в ан-

нотации — что-то насчет "терпкого аромата старого вина".

И все же моих ожиданий он не оправдал и вполнину. Несколько раз я порывался бросить книжку, не дочитав до конца. Но в отличие от обычного счастливого читателя, рецензент лишен этой благой возможности. Дочитал-таки с трудом...

Так в чем же дело? А вот: скучно, братцы! Раздумий в книжке хватает, но — заметьте — не шибко умных раздумий. Зато недостает действия, неожиданных поворотов сюжета, волнующих загадок и разгадок, короче говоря, всего того, чем дышит приключенческий жанр, и в особенности такая его разновидность, как fantasy. Еще можно одним словом сказать: недостает скорости.

Тем не менее, отдавая посильную дань объективности, хочу добавить: может быть, я и не прав, и уж, во всяком случае, кому-нибудь мое мнение обязательно покажется несправедливым, а роман Флетчера Прэтта — очаровательным шедевром. Что-то в нем все-таки есть... Цельное пространство, чувствование меры, некоторые характеры — вполне живые... Сойдемся на четырех драконах?

А что — на нашей полке?

Открыв в январском номере рубрики "Книжные новинки", мы, честно признаемся, испытывали до сих пор некоторую неловкость: издавна и явно предпочитая фантастику отечественную — вроде бы мы отрекались от нее, забывали о ней! Обозреватель-то наш, как уведомлялось, из разнообразных соображений ее не читает.

В душе мы надеялись — и продолжаем надеяться — на помощь читателей: должны же найтись среди них такие, кто, сохранив интерес к отечественной НФ, не удержится от соблазна высказать мнение о новинке последних двух-трех лет, чем-либо его задевшей!

В ожидании таких писем публикуем две мини-рецензии нашего автора — молодого писателя-фантаста, выступившего на этот раз в роли критика.

Сергей Павлов. Избранные произведения. Нижний Новгород: Флокс, 1993. — 458 с. (Серия "Золотая полка фантастики").

Книгу эту условно можно разделить на две части — "старую" и "новую". "Старую" часть составили произведения, давно "обкатанные" на читателя. Из них некоторые, действительно, достойны занять место на "золотой полке фантастики". Это, в первую очередь, блестящая повесть "Чердак Вселенной" с тонко разработанной научно-технической и философско-этической идеей "проникновения за край" — за край науки, за край Солнечной системы, за край собственного бессилия. Роман "Акванавты", несмотря на некоторую натянутость основной сюжетной коллизии — встреча бывалого подводника со своей погибшей возлюбленной, которая в результате опыта восстала из мертвых в образе кальмара, — давно завоевал популярность впечатляющей убедительностью антуража и легким, но импонирующим превосходством здорового русско-советского духа над слегка подгнившим американско-капиталистическим. Впрочем, этот отголосок былых идеологических битв бросается в глаза искушенному читателю меньше, чем, например, название Ленинграда, старательно исправленное в тексте романа на Санкт-Петербург. Повесть "Корона Солнца" — раннее произведение Павлова, еще не оборвавшее пуповину, связывающую ее с материнским чревом современной ей советской фантастики. Рассказ "Амазония, ярданг Восточный" — изящный штрих, дополняющий грандиозную панораму "Лунной Радуги". В целом, все эти произведения составляют практически единую "луннорадужную" эпопею в тематическом и хронологическом плане, и в представленной читателю галерее мучительно зияет дыра на месте отсутствующей повести "Неуловимый прайд" — но оставим эту претензию на вкусе и совести издателей.

"Луннорадужная" эпопея, безусловно, достойна "золотой полки" — это очень сильная, яркая, мужественная проза, наполненная глубоким содержанием, отшлифованная стилистически, романтическая и поэтичная, с глубоким чувством собственного достоинства, исключительно индивидуальная по эстетическим канонам, интеллигентная и интеллектуальная.

И вдруг Павлов, вместо того, чтобы почивать на заслуженных лаврах, совершает "бросок за край" — пишет роман "Волшебный локон Ампары". В данной книге представлена первая его часть. (Опять же оставим издателям мучиться над вопросом, каким образом первопубликация может выходить в серии "Золотая полка"?). Роман повествует о следующей эпохе в жизни человечества — эпохе, когда Галактику кончают "обживать потихоньку" (выражение самого С. Павлова).

Некий грагал — гражданин Галактики, видимо, дальний потомок экзотов — прибывает на Землю XX? века. Описаны три дня его жизни: побег, встреча с бывшей возлюбленной (и, видимо, с будущей), грандиозный фестиваль, погоня, нападение гангстеров и т.д. Непонятно ничего: кто он? откуда? зачем? что вообще происходит? Роман, во всяком случае, эта его часть, производит впечатление стопки страниц, вырванной из неизвестной книги. Автор загадывает столько загадок, что весь роман должен быть вдесятеро больше этой его части, чтобы ответить на все вопросы читателя.

Но вспомним: "Возьмите пять страниц... и вы сразу увидите, что перед вами писатель". Пожалуй, даже в таком фрагментарном виде "Волшебный локон" — самое сильное и убедительное представление будущего. Дело не в технике, не в терминах и не в коллизии — все это на обычной для Павлова высоте. Автор, как ребенка, не понимающего и четверти того, что видит, вводит читателя в мир будущего, намечая — еще пока только на уровне ощущения — его структуру: социальную, психосоциальную, философски-мировоззренческую, этическую. Создается парадоксальная ситуация, практически до сих пор не реализованная никем из фантастов: человек нашего времени начинает уважать будущее своей цивилизации. Ничего не поняв и ни в чем не разобравшись по одному отрывку, ограничившись пока впечатлением без его осмысления, читатель тем не менее получает мощный позитивный заряд.

Нет сомнения, что в полном виде роман "Волшебный локон Ампары" станет заметной вехой на тернистом пути отечественной фантастики, и века эта простоят долго.

Виктор Пелевин. Синий фонарь. М.: Текст, 1991. — 317 с. (Серия "Альфа-фантастика").

В издательском предисловии Виктора Пелевина сравнивают с Борхесом. Вряд ли такое сравнение правомочно. Борхес оперирует условным литературным пространством, внутренняя же сущность произведений Пелевина страшно далека от литературы. Если подыскивать аналогии, то ему ближе, пожалуй, поздний Лем, а еще точнее — как ни странно, Л. Кэрролл. Произведения Пелевина — такая же литература и такая же фантастика, как "Алиса в Стране Чудес" — сказка. Соблюдая законы жанра, Пелевин тем не менее полностью опрокидывает устоявшиеся литературные условности. С этой точки зрения книга его представляется попросту литературной какофонией, кентавромахией — под одной обложкой собраны притча, аллегория, фантазмагория, фарс, сатира, философский трактат, реалистическая проза, стилизация под документ, а иногда даже и пасквиль. Но если и читателю отрешиться от канонов, то станет ясен принцип, положенный в основу всех произведений. И принцип этот не литературный, а математический.

По существу, Пелевин описывает сложные, зачастую абстрактные процессы, причем в уравнении, их описывающем, в качестве одного из неизвестных участвует другое уравнение. Они переплетаются, взаимовлияют и никогда не приводят к результату, а уходят в бесконечность, как тройки после запятой в примере, где 10 делят на 3, как пространство внутри двух зеркал, глядящих друг на друга. Пелевин сам описывает этот принцип: "Как известно, наша вселенная находится в чайнике некоего Люй Дун-Биня, продающего всякую мелочь на базаре в Чаньани. Но вот что интересно: Чаньани уже несколько столетий как нет, Люй Дун-Бинь уже давно не сидит на тамошнем базаре, и его чайник давным-давно переплавлен или сплюснулся в лепешку под землей.

Этому странному несоответствию — тому, что вселенная еще существует, а ее вместительнице уже погребено — можно, на мой взгляд, предложить только одно разумное объяснение: еще когда Люй Дун-Бинь дремал за своим прилавком на базаре, в его чайнике шли раскопки бывшей Чаньани..." Этот математический принцип — уравнение в уравнении — сам Пелевин нарекает "ухряб". С такой позиции он и анализирует мир, выявляя в процессе бытия скрытые "ухрябы" его информационной структуры.

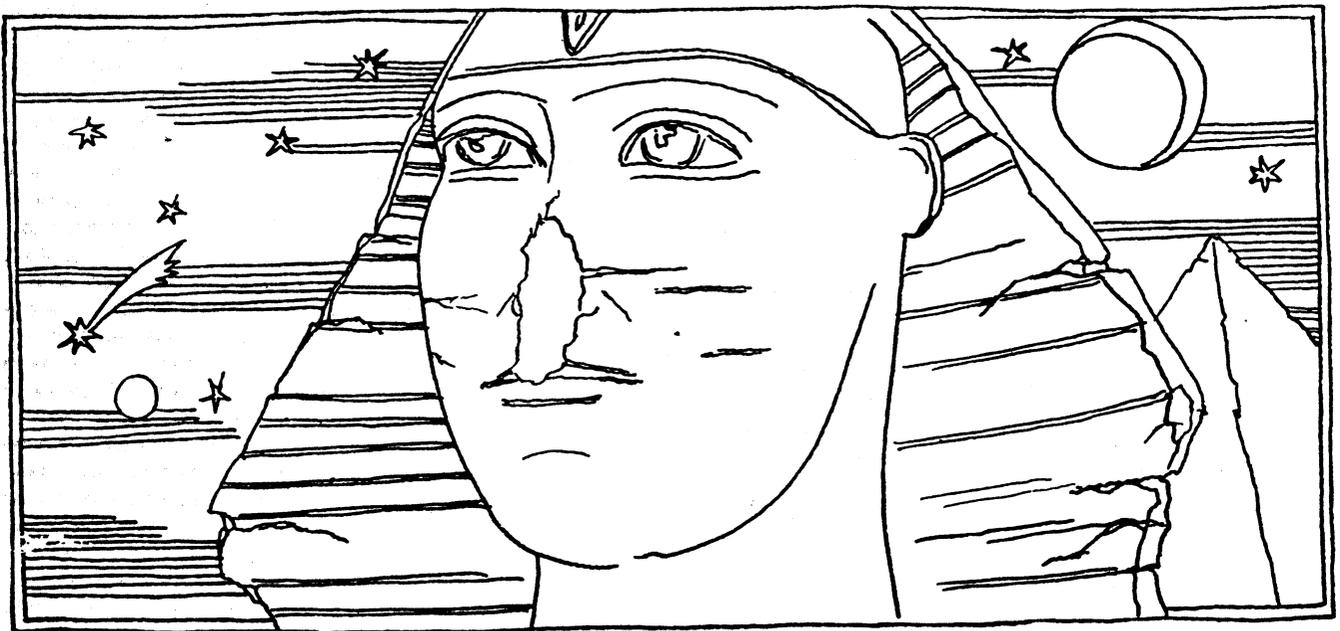
Мир берется наш, "совковый", а "ухрябы" вылетают в нем разные, в зависимости от ключевой позиции автора: компьютерная "вторая реальность" — великолепная повесть "Принц Госплана"; физиология — "Спи"; политика — "СССР Тайшоу Чжуань"; восточная философия — "Мардонги"; детские страшилки — "Синий фонарь"; идеология — "День бульдозериста"; сексуальные комплексы — "Миттельшпиль"; история — "Память огненных лет" и т.д. Книга Пелевина — это книга прозы математика; а не литератора, хотя ее литературные достоинства бесспорны, а дарование автора незаурядно — чего стоят только его блестящие стилизации или чудесный рассказ-притча "Затворник и Шестипалый", стоящий, однако, особняком.

Пелевин расшатывает структурную основу литературы — ее повествовательность, описательность, сюжетность, ибо в его новеллах нет ни начала, ни конца: взят либо полный кольцевой цикл описываемого процесса, либо его часть. Пелевин покушается на святая святых — литературный язык, смешивая в один коктейль жуткое сквернословие, компьютерные термины, газетные штампы, цитаты и собственную лексику. Пелевин отрекается от главной духовной сущности литературы — от ее этического заряда, ибо он, как математик, аморален, а его анализ действительности не имеет оценки, так как в замкнутом кругу циклических процессов нет точки опоры, критерия: все зависит от фазы, все может быть всем. Но, как ни странно, книга, получившая такую характеристику, тем не менее заметное произведение искусства. Это не фантастика — так же, как это не сатира, не абсурд и не пособие для поступающих на матмех. Возможно, что это современный вариант синтеза искусства древнего человека, так сказать, неосинкретическое искусство, в котором вербальной основой остается литература.

*Алексей ИВАНОВ,
г. Пермь*

Евгений ИЩЕНКО

НЛО: Свидетельства древних славян

Нередко меня, профессионального криминалиста, спрашивают, почему я занялся проблемой НЛО и много внимания уделяю так называемым палеоконтактам — визитам инопланетян, происходившим в глубокой древности. Во-первых, потому, что меня это очень интересует. Мне, как, думаю, и многим, не безразлично — одиноки ли мы во Вселенной. А если нет, то кто они, наши собратья по разуму, где живут, чем занимаются, похожи ли на нас, далеко ли обогнали землян в своем развитии. Во-вторых, методы "палеоисследований" имеют много общего с криминалистикой. Криминалисты тоже имеют дело с событиями прошлого, правда, не столь отдаленного и, как правило, связанного с

раскрытием и расследованием того или иного преступления.

Но ведь и исследователю космических палеоконтактов необходимо досконально обследовать "место происшествия", осмотреть окружающую обстановку, собрать оставшиеся там "улики", опросить очевидцев, увы, давно умерших. Все это вместе взятое после соответствующего анализа позволит выработать ту единственную, внутренне непротиворечивую версию, которая окажется верной и приведет к искомой цели. Причем диапазон "улик" чем шире, тем лучше, поскольку облегчит детальную реконструкцию всей картины происшедшего некогда контакта с представителями иных цивилизаций.

Для начала бывает достаточно одной-единственной "улики" — та-

кого феномена, который действительно связан с внесемной цивилизацией. Как это определить? Ну, хотя бы по тому, что такая "улика" должна быть не свойственна деятельности землян, их производственному потенциалу, уровню жизни и знаний, наконец, их тогдашним потребностям. Здесь помогут несколько критериев. Технологический критерий позволяет отобрать среди памятников древней культуры произведения очень высокоразвитой техники и технологии, причем лишь такие, которые совершенно несвойственны конкретной исторической эпохе. Подобные исторически неправомерные техницизмы могут лечь в фактическую основу гипотезы о палеоконтактах наших далеких предков с представителями

инных миров, посетивших Землю с какими-то своими целями.

Важно подчеркнуть, что в техниках породившие их прообразы менее искажены нежели, например, в легендах, преданиях или мифах. К доисторическим техникам применимы многие методы современного научного анализа и реконструкции. Если пропустить факты древности через своеобразный фильтр, способный улавливать феномены, отличающиеся необычностью и сложностью аккумулярованных сведений, то в "улове" окажутся древние рисунки, непонятные лабиринты, гигантские фигуры планеты Наска, египетские пирамиды, мегалиты, загадочные статуэтки и многое, многое другое.

Очень полезен и географический критерий. С его помощью из огромного разнообразия фактов, выявленных в различных регионах планеты, удастся отобрать тождественные, похожие, парные объекты, художественные образы, предания. Такие феномены, обнаруженные один от другого за тысячи километров у народов, разделенных морями и океанами и совершенно не взаимодействовавших между собой, поневоле заставляют задуматься о первопричине подобных совпадений. Причем на "подозрении" — десятки, сотни совпадений. Возможно ли это с позиций теории вероятности? Допустимы ли вообще, так сказать, случайные, многокомпонентные аналогии в общих очертаниях предметов, их относительных размерах, функциональном назначении и деталях устройства? Научного обоснования такой возможности нет.

Строгий отбор позволяет отсеять целый ряд легковесных догадок и предположений, дает возможность перевести решение сложной проблемы палеоконтактов людей с инопланетянами в сферу обстоятельного, строго научного исследования. Причем криминалистические методы предоставляют исследователю возможность воссоздания внешнего облика представителей иных миров, устройства экземпляров космической техники, которые, вероятно, сыграли роль реальных прототипов при создании нашими предками "странных" фигурок, фресок, построек, легенд, ритуальных танцев,

костюмов, масок... Они явились отражением непонятной, но вполне реальной действительности. Причем гипотеза протоцивилизации, некогда существовавшей на нашей планете и погибшей в результате катастрофы, не объясняет многих феноменов древности, которые значительно лучше укладываются в гипотезу палеоконтактов. Но перейдем к анализу тех свидетельств, которые фигурируют в заглавии материала.

ДЕЧАНСКОЕ ДИВО

На юге бывшей Югославии, в Косовской Метохии, между городками Печ и Джаковицы, есть монастырь Дечаны, основанный еще в XIV веке. Возведение монастыря длилось 8 лет, с 1327 по 1335 годы. На одном из его порталов все еще различима надпись, извещающая потомков, что строителями были известные мастера-монахи, соорудившие к тому времени несколько сербских храмов. В 1350 году интерьер монастырской церкви украсили многочисленные фрески. Специалисты считают, что по богатству настенной росписи (фресок здесь свыше тысячи) Дечаны — один из уникальнейших европейских монастырей.

Фрески весьма разнообразны по тематике. Ими иллюстрировано около двадцати различных циклов, включающих сцены из Ветхого и Нового заветов, деяний апостольских, из жизни Иоанна Крестителя и святого Георгия. Здесь изображены также многие исторические персонажи, в частности, почти полностью представлено генеалогическое древо первых властителей сербского царства Неманичей. Имеется и портрет основателя монастыря короля Стефана III Дечанского.

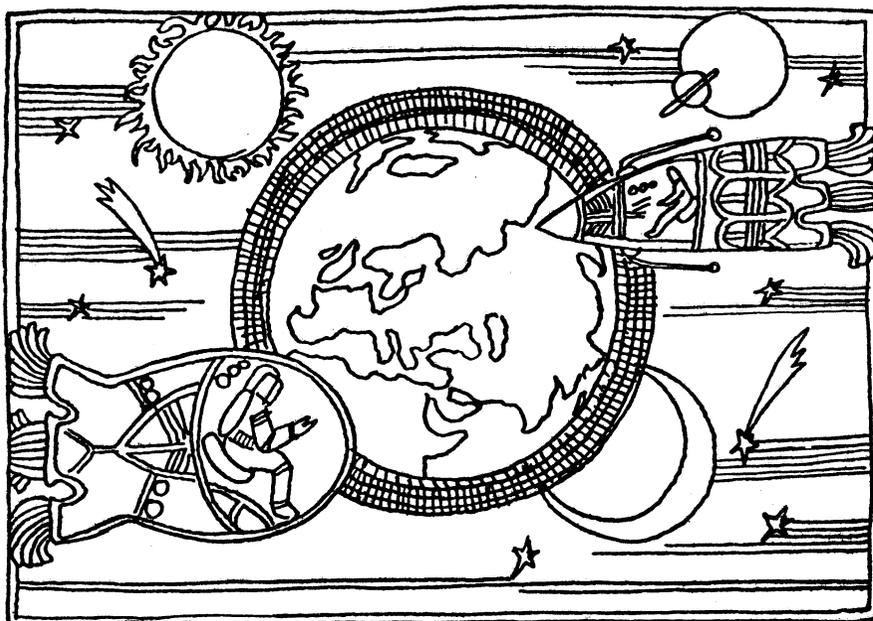
Бесчисленное множество верующих молилось в этой церкви за прошедшие шесть с половиной веков, многие из них любовались фресками, но только в 1964 году среди разнообразных богословских сюжетов студент югославской Академии живописи Александр Паунович увидел невиданное. И помог ему в этом фотоаппарат. Фотографируя с помощью телеобъектива фрески "Распятие" и "Воскресение Христа", расположенные на высоте 15 мет-

ров, он различал на снимках то, чего раньше рассмотреть не удавалось. На фотографиях детали изображений стали доступны даже невооруженному глазу, и тогда открылось то, что выглядело по меньшей мере удивительным.

На старинных фресках были изображены два космических аппарата, летящих друг за другом слева направо. Левый представляет собой яйцевидный предмет, заостряющийся сзади, с несколькими отростками или лучами. На правом изображено остроносое тело, плавно закругленное сзади и имеющее три прямых отростка. Объекты показаны как бы в разрезе. Внутри левого сидит человек, который одной рукой держится за невидимый "рычаг управления" и оглядывается назад. Создается впечатление, что "космонавт" следит за полетом следующего за ним товарища. В заднем аппарате виден аналогичный персонаж, тоже отнюдь не похожий на традиционного ангела. Четкие, динамичные, почти лишённые стилизации фигуры не вызывают сомнений, что на фресках запечатлены управляемые летательные аппараты. "Настоящие" же ангелы, наблюдающие за их полетом, закрыли глаза и уши руками и в ужасе отшатнулись. Создается впечатление, что они боятся, как бы зрелище их не ослепило, а звук, издаваемый неведомыми летящими телами, не оглушил их.

Ниже с большим реализмом и выразительностью выписаны стоящие на земле фигуры людей. Их лица отражают недоумение, страх, растерянность. Центр композиции панно — фигура распятого Христа. Размеры дечанских летательных аппаратов невелики: высота порядка 1,5 метров, а длина не более 5.

Столь характерных пилотируемых объектов, как в Дечанах, исполненных с такой тщательной графикой и проработкой деталей, с фигурами людей внутри, известно очень мало. Так и напрашивается предположение, что местные богмазы-живописцы оказались очевидцами непонятного явления, связанного с визитом космических пришельцев. Это настолько их потрясло, что они решили увековечить увиденное на церковных фресках.

Такая гипотеза обретает тем большее право на жизнь, что тщательный анализ геометрии дечанских НЛО привел исследователей к неожиданным результатам. Два, на первый взгляд, разных объекта — левый и правый — оказались изображениями двух модификаций одного и того же космического аппарата. В его конструкции видны даже основные агрегаты: яйцевидный фюзеляж и носовой конус с углом около 15 градусов (характерный для самолетов типа ТУ-144 и "Конкорд"). Различимы также штырьевые стабилизаторы, функции одновременно выполнять функции опор при вертикальном взлете и посадке "на хвост", и даже сопла реактивных двигателей: маршевого в хвостовой части и рулевого в носовом конусе.

На левой стороне фрески запечатлена типичная картина вхождения космического корабля в плотные слои атмосферы. Стабилизаторы прижаты к конусу. Видны срывающиеся языки пламени, образующиеся при разогреве обшивки. Лобовая часть фюзеляжа усилена — ее толщина примерно в два раза превышает толщину стенок. На правой стороне мы видим тот же аппарат, но уже в иной трансформации, приспособленной для полета в крейсерском режиме.

Эти соображения базируются на анализе фресок, в которых не заметно стилизации, отсутствуют фантастические детали. Изображение НЛО точно моделирует оригинал. Более того. В современном авиастроении четко прослеживается тенденция к созданию бескрылых летательных аппаратов. Подобные стремительные обтекаемые формы очевидны и на дечанских фресках. Конструктивные аналоги дечанских кораблей имеются и в современной космической технике. В английском специализированном журнале "Спейсфлайт" был представлен проект космического челночного аппарата с радиусом действия Земля-низкая орбита. Этот проект космического челнока существенно отличается от широко известного американского "Шаттла". Корабль с навесными двигательными установками "Синерджет" выходит на околоземную орбиту самостоятельно, без выводящей ракеты. Он имеет такую же каплевидную, с одной стороны, и заостренную с другой форму корпуса, как и его дечанский "собрат". Профили "Синерджет-Шаттла" и дечанских НЛО удивительно точно повторяют друг друга, чуток отличаясь лишь относительным удлинением корпуса.

Вот исследователи и пришли к выводу, с которым согласились тех-

нические эксперты, что гипотеза о дечанских фигурах как изображениях внеземных космических кораблей достаточно убедительна. На фресках, вероятно всего, запечатлен одноместный маневренный космический челнок для полетов по схеме орбита-Земля-орбита. Таких персональных "челноков" земная техника пока еще не создала.

Конечно, столь поразительные параллели между инопланетными летательными аппаратами и образцами земной космической техники вызывают ряд вопросов. Почему технические достижения внеземного разума, разившегося в неведомой нам дали времен и пространств, так сильно похожи на нынешние земные устройства? Не "одушевляем" ли мы фантазию наших пращуров предметом своего сегодняшнего поиска?

Оставим эти вопросы пока без ответов и продолжим анализ фресок дечанского монастыря, тем более что на них есть и еще кое-что интересное. На крупномасштабных фотоснимках фрески "Воскресение Христа", находящейся под настенной росписью "Распятие", видно, что Мессия в момент вознесения пребывает в некоем вместилище, контуры которого весьма напоминают ракетный корабль. Сходство тут достаточно полное, если добавить,

что в верхней части "вместилища" хорошо просматриваются два стабилизатора. Высота ракеты, соотношенная с ростом Христа, находящегося внутри нее, равна примерно 2—3 м.

Гораздо более внушительные размеры имеет межконтинентальная ракета, изображенная на датируемой XVI веком иконе московской школы "Апокалипсис". Странная, совершенно не характерная для иконографии остроконечная башня, очень напоминающая многоступенчатый космический корабль, прорисована на иконе с удивительной точностью. Виднеются иллюминаторы, круглый "жилой" отсек и даже три газовые струи, вылетающие из сопел, расположенных в ее основании. Летит аппарат под углом около 40 градусов справа налево иконы, направленный остроконечным носом в одного из персонажей.

Все эти изображения внеземной космической техники можно было бы как-то оспорить, если бы они убедительно не подтверждались текстами и рисунками на глиняных табличках, найденных при раскопках на острове Крит и на материковой Греции. Датируются таблички XIV—XIII в-ми. до нашей эры, то есть временами незапамятными, но запечатленные на них сведения поколеблют, думаю, и самых закоренелых скептиков.

ОНО ЕЗДИТ МАГОЮ

На одной из глиняных табличек, найденных в Кноссе, имеется рисунок "колесницы", совершенно не похожий на колесницы того времени. Характерным военным экипажем в царстве Миноса на Крите была легкая двухместная колесница, запряженная парой лошадей. Она не имеет ничего общего с "колесницами", изображенными и на других глиняных табличках из Кносса, за которыми закрепилось определение "боевые". И это не удивительно, поскольку последние имеют форму... современных вертолетов.

В передней части "боевых колесниц" четко обозначена кабина, в средней части одна или две пары коротких стабилизирующих крыльев треугольной формы. Хвостовая часть аппарата резко сужена и со-

провождена двумя характерными завитками. По мнению специалистов по реактивной технике, именно так истекают газы из дюз ракетного двигателя. Чтобы было однозначно понятно, как движется столь необычная "колесница", рядом выцарапана голова коня, повернутая в сторону, противоположную ее движению. Очевидно, что конь намеренно противопоставлен аппарату.

Интересно, что на глиняных табличках изображены "колесницы" двух типов: вообще без колес и на высоких колесах. Тексты под рисунками гласят, что "подобно солнцу они ездят магою" (вместо коней). Поясним, что в древнерусском языке слово "мага" означает зной, мгу (состояние воздуха над раскаленной землей), просто раскаленный воздух. Вот и выходит что мага, обеспечивавшая движение боевой колесницы, в современном понимании есть ни что иное, как поток раскаленных газов, вырывающийся из сопла ракетного двигателя. Характер их истечения отражен на рисунках в виде завитков. Непостижимо, и тем не менее получается, что боевые колесницы древних критян — аппараты с реактивным двигателем. Из пояснительных надписей к этим аппаратам, не имеющим колес, следует, что они — "крылья Бога", другими словами, летательные аппараты его представителей — космических пришельцев.

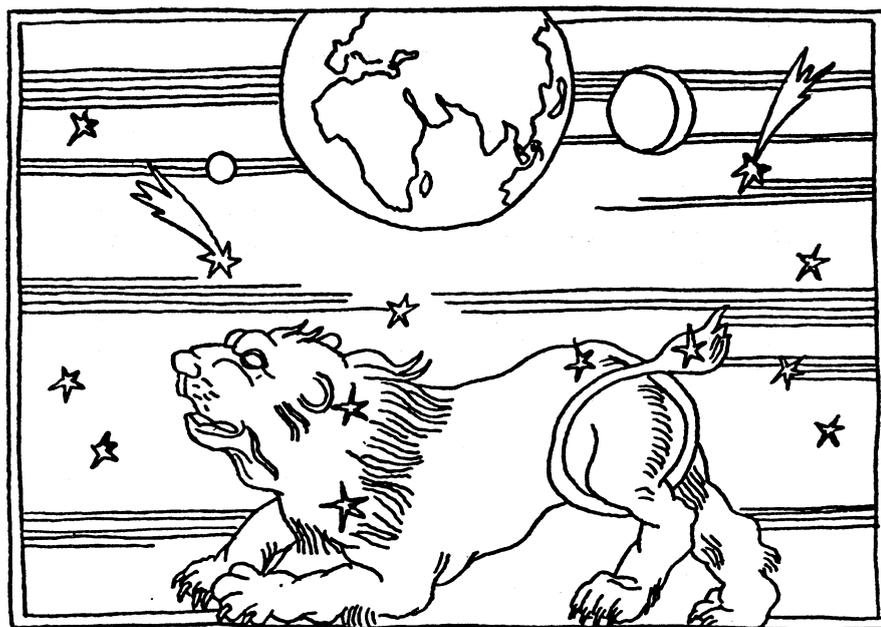
По своей конструкции эти аппараты абсолютно идентичны "колеснице", изображенной на глиняной табличке, найденной в Пилосе. И тут показано истечение раскаленных газов из дюз ракетного двигателя. Отсутствие колес утверждает в мнении, что это летательное устройство, тем более, что сопроводительный текст гласит: "Явились они. Ясным пламенем Оно горело, как Ио; Оно есть Ие. Баят: то — Его подобия ясные, то — искусные же подобия, то — крылья Его". Даже и теперь этот текст на древнем языке понятен русскому человеку без дополнительных комментариев. Поясню лишь, что Ие — имя Бога...

Если попросить современного человека, не обладающего художественными способностями, нарисовать ракету, устремленную в небо, он

изобразит ее так же, как и его прапрадед из Кносса. Древний рисунок на глиняной табличке сопровождает лишь одно слово "Захватчики". На другой табличке, запечатлевшей похожую "ракету", сопроводительная надпись сохранилась не полностью, но уверенно читается "...то крыло священное". Надпись позволяет предположить, что по аналогии с летательными аппаратами без колес — "боевыми колесницами", которые также определялись как "крыло Его", на этих табличках из Кносса изображены летающие устройства, в конструктивном отношении идентичные современным ракетам. То обстоятельство, что ракета, уходящая в небо, сопровождается пояснением "Захватчики", позволяет предположить, что в ней, помимо захваченных в плен землян, находится целый экипаж энлонавтов. В конечном итоге это определяет и размеры ракет, которые, по всей вероятности, были близки к размерам ее современных аналогов.

Как уже упоминалось, таблички с такими рисунками и надписями, датируемые XIII—XIV веками до н. э., найдены при раскопках в Кноссе (остров Крит) и в Пилосе (материковая Греция). Есть на глиняных табличках и другие типы летательных аппаратов, такие как "сосуды" и "треножники". В каждом треножнике по три "сосуда". Из пояснительных надписей явствует, что все сосуды одинакового устройства. В одном из них — отходы, другой — "бывший в употреблении", и еще один той же емкости — пустой. Примечательно то, что в конструктивном отношении дечанский "ракетный корабль" очень близок к пилосским "сосудам". Что же касается треножников, то о них сказано вполне определенно: "ездят за счет ясного зноя". Таким образом, перед нами действительно летательные аппараты, а "ясный зной", обеспечивающий их движение, — та самая "мага", о которой вы уже знаете.

Остается лишь снять последние сомнения, могли ли в глубокой древности фигурировать летательные устройства подобных типов. Для этого, думается, уместно привести несколько эпизодов из книги профессора Л. М. Мухина "В нашей

галактике", выпущенной издательством "Молодая гвардия" в 1983 году. Автор полагает разумным считать, что "внеземная" гипотеза появления НЛО в земной атмосфере имеет право на жизнь. В доказательство он приводит исторические сведения о том, что тысячелетия назад в долине реки Хуанхе появились мудрые и гуманные существа — "сыны неба". О них повествуют дошедшие до нас отрывки из давно утраченной книги "Записи о поколениях владык и царей". Анализ этих отрывков позволил отечественному китаеведу И. Лисевичу высказать весьма любопытные предположения.

Появлению в Древнем Китае "сынов неба" всегда сопутствовало падение звезд, причем "звезда словно радуга пролетала вниз"... "Сынов неба" в китайских преданиях несколько. Больше всего сведений сохранилось о Хуанди, появившемся около 4,5 тысячелетий назад. Он практически всемогущ, совершает путешествия к солнцу, окружен послушными ему чудесными существами. Часть его помощников занималась астрономическими наблюдениями, другая составляла географические карты. "Имеются в виду рисованные образы Земли и разных предметов (на ней), которые позволяют пришельцам с ними сверяться", — поясняет один из тогдашних комментаторов "Записей о поколениях".

Не менее впечатляет и описание "чудесных треножников", которыми пользовались пришельцы. Высотой треножки 3—4 м, а объем их сосудов составлял около ста литров. Когда треножник функционировал, то издавал шум, "клокотал". Располагался треножник таким образом, что постоянно "видел" звезды Сюань-Юань (район созвездия Льва). Не служил ли треножник средством дальней космической связи?

Древние китайские авторы отмечают, что треножник являлся "подобием Великого единого" — Дао, сердца Вселенной. Треножник "знал существующее и исчезнувшее, он мог покоиться и идти, мог становиться легким", то есть летать...

Если, приняв во внимание приведенные сведения, подытожить предпринятый лингвистом Г. С. Гриневичем анализ надписей и сопровождающих их рисунков на глиняных табличках из Кносса и Пилоса, то напрашивается совершенно однозначный вывод: около 35 столетий назад предстатели микенской культуры, обитавшие на острове Крит и на территории материковой Греции, знали такие средства передвижения с реактивным двигателем.

1. Наземные "колесницы", фор-

мой напоминающие современные вертолеты высотой 1,5 и длиной 5—6 м.

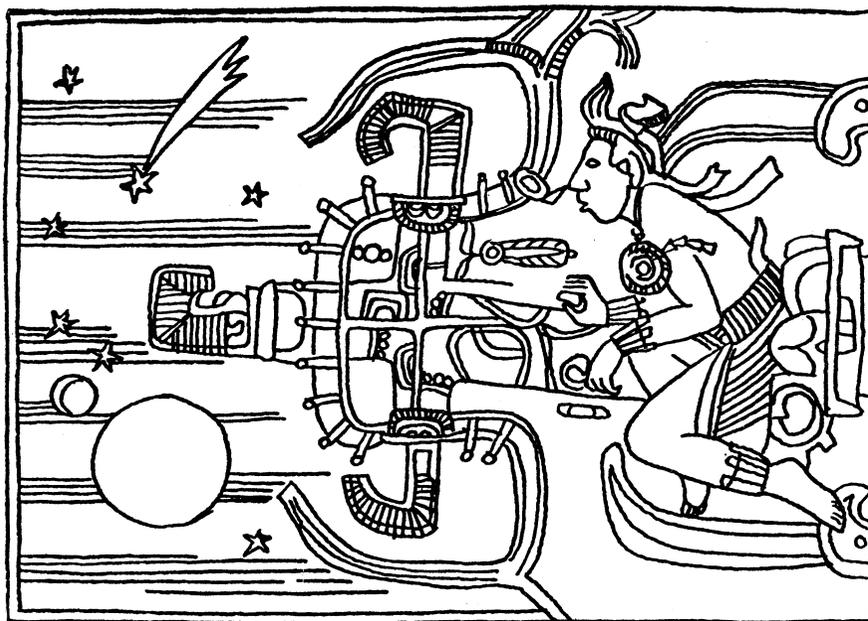
2. Летательные аппараты — треножки, имеющие аналоги в древнекитайских хрониках, диаметром 1,5—2 м и высотой 3—4 м.

3. Летательные аппараты, похожие на современные вертолеты, запечатленные также на Дечанских фресках.

4. Летательные аппараты — "сосуды" высотой 2—3 м, аналогичные "ракетному" кораблю Дечанских фресок.

5. Летательные аппараты, по форме и размерам аналогичные современным ракетам.

Разнообразие типов и форм реактивных летательных средств впечатляет. Невольно возникает вопрос: владели ими крито-микенцы или же аппараты принадлежали "сынам неба" — инопланетянам? Последнее предположение более обоснованно, поскольку летательные устройства авторы пояснительных текстов на глиняных табличках обычно отождествляют с "крылом Его". И треножки, будучи аналогами треножников древних китайских хроник, если верить их авторам, принадлежали пришельцам из Космоса. А вот о наземных аппаратах с реактивным двигателем, имеющим высокие колеса, соображения иные.

Не исключено, что по крайней мере жители острова Крит, едва ли будучи причастными к их созданию, тем не менее пользовались одним из них. Мифы, отношение к которым в последнее время существенно меняется, повествуют, что в царствование Миноса ни один чужеземный корабль не мог беспрепятственно приблизиться к побережью Крита. Медный гигант Талос (похожее имя встречается на древних глиняных табличках) каждый день трижды обегал вокруг острова. Заметив приближающийся к берегу корабль, он бросал в непрошенных гостей огромные камни, а если кто осмеливался высадиться на сушу, Талос сначала раскалялся на огне, а потом заключал прибывших в свои губительные объятия.

Длина острова Крит с запада на восток около 250 км, а его периметр, соответственно, порядка 600 км. Чтобы трижды обождать остров, Талосу приходилось проделывать путь протяженностью почти в две тысячи километров. И все это за один день! Если предположить, что медный гигант совершал свой пробег в течение суток, постоянно находясь в движении, то и тогда его скорость составит не менее 80 км/час. Если же буквально следовать за мифом, утверждающим, что Талос "каждый день трижды обегал

остров", то получается — бегал он утром, в полдень и вечером. Каждый раз за 2—3 часа он пробегал по 600 километров, тогда скорость его движения будет куда более значительной: 200—300 км/час. Это вполне согласуется со скоростными возможностями наземного аппарата с реактивным двигателем. Жаль, что время не пощадило медного гиганта Талоса. О нем остались лишь предания да рисунки, исполненные неизвестным жителем Крита, говорившим на языке, совсем не похожем на греческий.

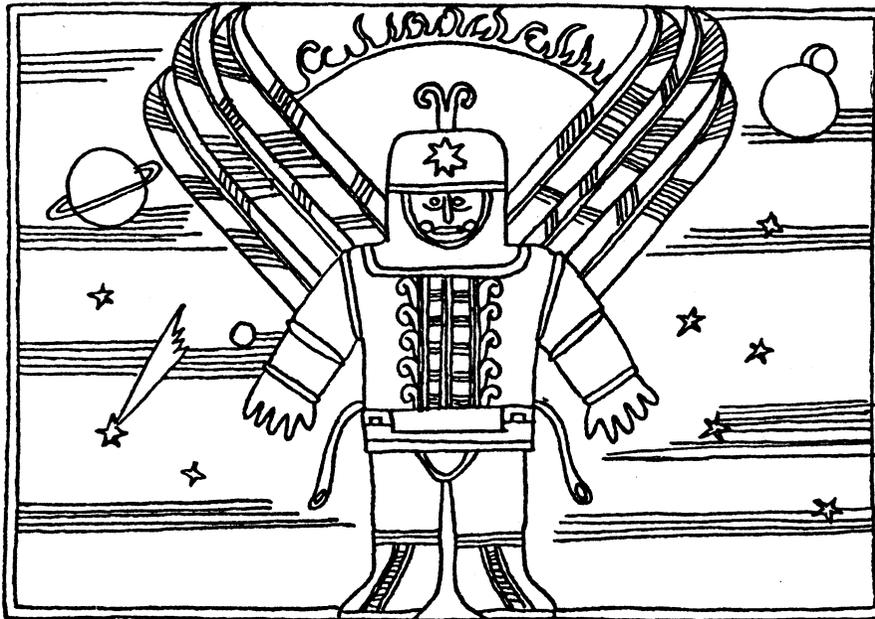
ИСТОКИ МИФОВ И СКАЗАНИЙ

Однако, как известно, вымысел никогда не базируется на пустом месте, не может возникнуть из ничего. Отправным моментом обычно служит какая-то реальность, чаще всего непонятная. Противники гипотезы палеоконтактов землян с пришельцами из Космоса зачастую выдвигают такой контрдовод: доисторические наскальные и другие изображения гуманоидов в одеяниях типа скафандр очень напоминают ритуальные костюмы шаманов и жрецов некоторых племен. Но тут-то и закономерен вопрос: что от чего "быть пошло"? Древний петроглиф от шаманского балахона или

же наоборот? Не двигало ли прародком этого шамана стремление стать похожим на некоего всеильного пришельца, облаченного в скафандр?

В обоснование такого предположения рассмотрим предание бразильских индейцев каяпо, возникшее в незапамятные времена. К ним, обитающим в низовьях Амазонки, именуемых зеленым адом, некогда пришел необычный человек, одетый в "бо", закрывавшее его с головы до пят. В руке он держал "коп" — громовое оружие. Звали пришельца Беп-Коророти. Местные храбрецы хотели помериться с ним силами, но неведомо от чего валились с ног, как подкошенные. Чтобы отбить у них охоту к повторению попыток, гость направил "коп" на деревья и камни и уничтожил их. Обладая столь могущественными возможностями, людям он вреда не причинял. Более того, Беп-Коророти научил их массу полезных дел, а потом отбыл восвояси. Как? Раздался грохот, потрясший земную твердь, и пришелец исчез в небе, сопровождаемый громом, огнем и клубами дыма.

Чем более всего примечательно предание? В память о своем необычном учителе индейцы каяпо и по сегодня в дни праздников облачаются в неуклюжие соломенные

одежды, имитирующие "бо" Беп-Коророти. Этот обычай, как оказалось, буквально повторяется в далекой Полинезии (вспомните географический фактор!). Несколько лет назад германский ученый В. Зибенхар обнаружил у полинезийцев ритуальный костюм из соломы, поразительно похожий на "бо". Тот же шлемоподобный колпак, закрывающий голову, тот же жезл — подобие "громового оружия". И еще одна параллель: полинезийское божество Мауи подарило людям огонь и совершило еще массу добрых дел. А может быть, Беп-Коророти и Мауи — одно и то же лицо?

Примечателен под этим углом зрения и эпизод из древнеиндийского эпоса "Махабхарата" ("Сказание о великой битве бхаратов"). Ашрам — обитель отшельников и мудрецов — окружило огромное вражеское войско. "Началась стрельба, засвистели стрелы, разъяренные солдаты под предводительством царя бросились в атаку. Вашихта поднял посох, воткнул его в землю посередине дороги, ведущей к воротам, и, не оглядываясь, вернулся в свою хижину. Натиск армии отражал посох. Ни один солдат не мог обойти его. Все стрелы, направленные к ашраму, возвращались обратно, не причинив никакого вреда. Раздосадованный царь решился на

крайнюю меру и приказал применить сверхоружие — браhma астру, обладающее колоссальной разрушительной силой. Однако и оно не преодолело заслон в виде посоха, который оказался жезлом самого божества Брахмы...

Говоря современным языком, выходит, что посох отшельника генерировал некое защитное поле, преодолеть которое не могли ни солдаты, ни их стрелы, ни даже сверхоружие браhma астра. Правда, этот "посох" был настроен несколько иначе, нежели "коп" Беп-Коророти, который уничтожал деревья и даже камни.

Упоминание о сверхоружии можно было бы счесть вымыслом, если бы некоторые археологические находки не давали основание предположить, что в очень древние времена на Земле применялось оружие подобной мощи. Иначе чем объяснить, что развалины столицы Хеттского государства Хаттусаса оплавлены в куда большей степени, чем это бывает даже при очень сильном пожаре? Почему на гранитных стенах ирландских крепостей Дундалк и Экосс заметны следы какого-то необычного оплавления?

Еще Марк Твен, путешествуя в 1867 году по Ближнему Востоку, так описывал развалины восьми ярусов Вавилонской башни, "...два

из которых стоят и по сей день — гигантская кирпичная кладка, рассевшаяся посередине от землетрясений, опаленная и наполовину расплавленная молниями разгневанного бога".

Обычно под этой башней подразумевают Вавилонский зиккурат — огромное многоэтажное строение с периметром основания порядка 360 м и высотой 90 м, которое упоминается в Библии. Остатки зиккурата были раскопаны в начале текущего столетия перед первой мировой войной. Марк Твен, видимо, осматривал развалины храмовой башни в Борсиппа, неподалеку от Вавилона. И он ничуть не стесился краски — эти руины высотой 46 м оплавлены не только снаружи, но и изнутри.

"Нельзя найти объяснение тому, откуда взялся такой жар, который не просто раскалил, но и расплавил сотни обожженных кирпичей, опалив весь состав башни, сплавившийся от жара в плотную массу, подобную расплавленному стеклу", — подводит итоги своих раздумий исследователь Э. Церен. Причина подобных оплавлений и доселе загадка, не объяснимая действием молнии, пусть даже и самой сверхмощной.

А между тем в мировом фольклоре встречаются неоднократные упоминания о "необычном", "небес-

ном", "сверхмогучем" оружии. Вот, например, как описывают уже цитированная "Махабхарата" применение оружия "брахмиширас": "...Тогда пустил Рама стрелу необоримой силы, ужасную, несущую смерть... Далеколетящая стрела... зажгла ужасным пламенем того могучего ракшаса, с упряжкой коней, с колесницей. Полностью он был огнем охвачен и распался на пять основных естеств... Его костяк, мясо и кровь уже не держались, сожгло их оружие... Так что и пепла не было видно".

Вероятно, первым параллель между оружием "брахмиширас" и современной атомной бомбой провел один из ее создателей Р.Оппенгеймер, когда, пораженный увиденным на ядерных испытаниях, читал вслух отрывок из "Махабхараты" о "свете, который ярче тысячи солнц".

В древнеиндийских мифах имеются цифровые данные, свидетельствующие о том, что нашим прапредкам, возможно, был известен истинный возраст Земли. По их представлениям, он составлял 4,32 миллиарда лет, что близко совпадает с современными данными — около 4,5 миллиарда лет. Поясню, откуда взялась цифра 4,32, чтобы каждый читатель мог составить на сей счет собственное непредвзятое мнение.

Индуистский бог Брама, творец Вселенной, прародитель всех живых существ, в период бодрствования создает окружающий нас мир. Последний в своем развитии проходит четыре четко дифференцированные стадии — юги. Сейчас как раз заканчивается Кали-юга и наступает Сатия-юга. Каждая юга длится 3000 лет по небесному времени, причем небесный год равен 3600 земным годам. Таким образом, четыре юги составляют 43200 тысяч земных лет. Жизнь Браммы продолжается в 100 раз дольше — 4,32 миллиарда лет. Можно, конечно, посчитать это совпадение чистой случайностью, но можно истолковать и как эхо древнейшего знания, полученного нашими предками от неведомых пришельцев. Тем более, что в древнеиндийских текстах описываются еще и летательные устройства — "виманы" — круглые аппараты с куполом и иллюминаторами, пере-

двигающиеся как ветер и издающие при этом мелодичный звук.

Но вернемся на остров Крит, где при раскопках была найдена табличка с таким странным текстом. "А племя в рже живет, великие силы напрасно пада... Моя суета напрасна. Зачем, если в лугах и рощах — высшее яйцо Аврс и Ра (солнце). Оно и по морю ездит давно, отмели его роя тяжестью своей. Беременный сверхжаром чревом же рождает высшее (яйцо). Беременный сверхжаром — мертвящее солнце. И племени вредит, убивает его жаром изливающимся, убивает пролетая. Воздух иной без жертвоприношений — весенний (свежий). Богатства же нашего бездна. А иное племя в рже живет, ржавея... Избегай сверхжара — родится Ра".

Драматизм положения племени усугубляется тем, что в его владениях существует некое Ра — мертвящее солнце, источающее сверхжар, которым оно убивает людей, пролетая над ними. О чем может идти речь? О неких извергающих пламя и вредное излучение летательных аппаратах? Или о каком-то смертоносном оружии типа "брахмаширас", обладающем невероятной разрушительной силой? Кто знает...

Внимательный читатель, помнящий название статьи, обещавшей свидетельства древних славян, уже, наверно, почувствовал себя обманутым. При чем тут славяне, когда после рассказа о Дечанских фресках речь шла то о рисунках и надписях на глиняных табличках с острова Крит и материковой Греции, то о древнекитайских "сынах неба", а потом о Вавилонской башне, эпосе "Махабхарата"... "Сыны неба" были упомянуты для сравнения, все же остальные сведения имеют к праславянам самое непосредственное отношение.

Чтобы доказать это, начать придется очень издалека с начала второго тысячелетия до нашей эры. Как раз в это время произошел исход трипольцев из Среднего Поднепровья. Трипольская культура входит в число культур с расписной керамикой и была распространена в Придунавье и значительной части Балканского полуострова. Границы расселения трипольцев в пределах бывшего СССР в общих чертах сов-

падали с границами плодородного чернозема (по Д. В. Докучаеву). Благоприятный климат, богатые почвы позволяли им заниматься как скотоводством, так и земледелием. Племена Триполья были многочисленны, о чем свидетельствует большое число огромных трипольских поселений.

Это как раз на местах последних, названных археологами трипольскими площадками, при раскопках были найдены расписанные красками глиняные горшки с изображениями летательных аппаратов неизвестной конструкции, а также схематического строения атома — в середине — ядро, а по орбитам — летящие электроны. Там же были откопаны терракотовые скульптурки людей в космических скафандрах. Результаты раскопок свидетельствовали, что трипольцы покидали свои поселения, расположенные на правобережье Днепра, с такой поспешностью, что бросали в домах массу вещей и даже домашних идолов. А почти через 2,5 тысячи лет после этого там же возникло государство восточных славян — Киевская Русь...

Ну и что? — спросит нетерпеливый читатель. А то, — отвечу я, что история славян имеет куда более глубокие корни, чем принято считать, основываясь на официальной историографии. А культура прапредков славян — трипольцев, кстати сказать, уже тогда имевших свою письменность, оказала на развитие мировой культуры очень большое, можно сказать, кардинальное влияние. Как показали новейшие исследования, трипольцы, снявшись с насиженных мест, устремились на Балканы, в догреческую Грецию, на острова Эгейского моря, в том числе на Крит, а также через Иранское нагорье в междуречье Тигра и Евфрата и на полуостров Индостан. Они несли высокую, вполне сформировавшуюся культуру, но это уже тема отдельного, специального разговора, из которого вы, уважаемые читатели, убедитесь, что неправ был Александр Блок, утверждая: "Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами"...

Рисунки Сергея МАЛЫШЕВА

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Виталий Иванович БУГРОВ

Есть люди незаменимые. Это ощущаешь с особой болью и остротой, когда они уходят. Многие раны в душе заживают, но эта, оставленная уходом Виталия Ивановича, не заживет никогда. Он начал служение людям учителем в школе, затем в школе-интернате для глухонемых детей. Став журналистом, Виталий Иванович выбрал также нелегкую стезю – фантастику, нелюбимый властями род литературы социального предупреждения и прогнозирования. Почти 30 лет он состоял в одной должности – заведующий отделом фантастики журнала "Уральский следопыт". Он стоял у истоков отечественной фантастики, работая в одно время и вместе с Иваном Ефремовым, Александром Казанцевым, братьями Стругацкими. Будучи одним из руководителей всесоюзного Малеевского семинара молодых писателей-фантастов, он взрастил плеяду литераторов, чьи имена входят в хрестоматию современной фантастики. Виталий Иванович был одним из главных инициаторов и учредителей первой отечественной литературной премии "Аэлита", которую сегодня ставят в один ряд со всемирно известными премиями Хьюго и Небьюла. Он был бесменным организатором и руководителем всех тринадцати ежегодных

фестивалей фантастики в Екатеринбурге, на которые съезжались гости со всей страны и из-за рубежа. О Виталии Ивановиче редко вспоминала отечественная печать. О нем чаще писали – с благодарностью и почтением – журналы Венгрии и Болгарии, Ирландии, США, Испании и Кубы, Финляндии и Кореи. Он был академиком мировой фантастики, специалистом № 1 в России. Автор нескольких книг о фантастике, выступая с докладами на международных конгрессах, он достойно представлял Россию.

Он никогда не изменял своим убеждениям. Во всех пережитых революциях и переворотах

он не перебежал из лагеря в лагерь. Он создал собственный лагерь, свою партию – движение любителей фантастики. Виталий Иванович был мудрым и справедливым отцом целого народа энергичных интеллектуалов, расселившихся по материк от Калининграда до Сахалина. Сегодня этот народ осиротел. Это не уменьшит боль утраты, но пусть знают друзья: Виталий Иванович умер во сне, с успокоившимся лицом. Остановилось исстрадавшееся сердце. Ему только что исполнилось 56. Пусть Бог примет его безгрешную душу с той же любовью, как любим его мы

Друзья, сослуживцы, соратники

Друзья, сослуживцы, соратники

Карл-Хайнц ТУШЕЛЬ

ЭКСПЕРТНАЯ СИСТЕМА

Прошлой ночью мелкий ворюшка сообщил ему о Системе. Теперь Пинки* размышлял, уставившись на телефонный аппарат. Наконец он решился и набрал номер.

— Вас слушают, — отозвался приятный женский голос.

— Привет, дорогая, — любезно проговорил Пинки. — Мне дали твой телефон. Нужно поговорить. Увидимся?

— Вы обратились к компьютеру экспертной системы "Надежность". Будьте любезны говорить по существу дела. Назовите свое имя и адрес.

Пинки был несколько разочарован, но быстро оценил деловитость собеседницы. Он назвался.

— Мистер Питер Вильямс? — переспросил голос. — По кличке Пинки?

Без особой охоты Пинки подтвердил это. Он не любил свою кличку, полученную некогда за пристрастие к розовым рубашкам.

— Теперь будьте любезны перечислить свои прежние судимости. Вы, конечно, понимаете, что мы все перепроверим.

Нараставшее было раздражение сменилось чувством почтительности. Эта Система является, пожалуй, достаточно солидным предприятием. Он перечислил, когда и за что был осужден, где отбывал наказания.

— Будьте любезны припомнить тюрьму в штате Мэн. Кто сидел с вами в камере и кто был у вас надзирателем?

Пинки припомнил с трудом. В некоторых фамилиях он

даже перепутал одну-две буквы. Но собеседница не сделала ему замечания.

— А теперь сообщите ваши пожелания, — послышалось в трубке. — Вы, конечно, знаете наши условия?

— Нет, — ответил Пинки. — Ведь я обращаюсь к вам впервые.

— Мы предоставим вам план операции в той форме и в том объеме, который вы выберете, и порекомендуем подходящих помощников. За это мы должны получить от вас по почте, по адресу, который будет вам указан, гонорар в размере 5 процентов названной вами желаемой суммы — и притом до начала операции. Потом, если операция пройдет успешно, мы должны получить еще 5 процентов. Кстати, успешность наших операций составляет на данный момент 86,3 процента. Вы согласны с этими условиями?

— Да, — ответил Пинки. — Я предпочел бы ограбление одного из спокойных отделений банка, где можно взять от 20 до 30 тысяч долларов.

— Минуточку, — проговорил голос. Затем продолжил: — Да, мы принимаем ваше поручение. Вам понадобятся два помощника. Мы рекомендуем: Нейл Даневэй по прозвищу Кинг-Конг, который нейтрализует персонал и клиентов, и Кэт Лендинг по прозвищу Шустрая Кэт, которая обеспечит автомашины и будет за рулем. Оба они сейчас не у дел и готовы сотрудничать. Может быть, вы уже работали с кем-то из них и были недовольны? Или есть другие причины отвести эти кандидатуры?

* Пинки (англ.) — розовый, розоватый.

Женщину в качестве шофера? — хотел было возразить Пинки. Но... с ним говорил женский голос. Да и деловитость Системы произвела на него впечатление. Он ответил, что возражений нет.

— В таком случае зайдите в понедельник к себе на почту. Вы получите план операции со всеми подробностями и счет для оплаты.

Пинки положил трубку и задумался. Потом выкурил сигарету. Неужели в этом деле и вправду нет никакой заковыки? Цена, которую они требуют, совсем не высокая, успешность операций — хорошая; почему же эта Система не осаждается клиентами? Однако они сотрудничают не с каждым, они ведь наводят справки... И их номер телефона тоже известен не каждому. Во всяком случае, в справочнике он не значится. Очевидно, это новое предприятие. Да, новое, но достаточно солидное. И выгодное. Если они ежедневно принимают только десяток поручений... У Пинки даже голова пошла кругом от суммы, которая по бухгалтерской привычке автоматически отложилась в его мозгу. А что такое десяток поручений для компьютера, который решил с ним все вопросы за пару минут?

В понедельник Пинки получил на почте большой запечатанный пакет. Вернувшись, он стал просматривать полученные бумаги. Они, несомненно, стоили денег, которые следовало уплатить. Даже если он не решится на грабеж, то многому научится в области организации и проведения подобных дел. Хотя, честно говоря, он и сам не новичок. И если список его судимостей не так уж велик, то отнюдь не по причине неусердия полиции, а потому, что он совершал рискованные операции не столь часто. А ухватив добычу — затаивался, не роскошествовал, жил скромно и незаметно. Вот и с последнего "дела" прошло уже почти два года. Деньги как раз были на исходе. Остаток и нужно было вложить в новое дело. Полторы тысячи зелененьких предстояло уплатить Системе за разработку проекта; оставалась еще тысяча — в обрез на оплату "сотрудников".

Итак, сотрудники. Система сообщила, где их найти: Кинг-Конга — в баре "Сатурн", Шуструю Кэт — на станции автообслуживания.

Нейл Даневэй оказался двухметровым громилой с глуповатым добродушным лицом. Но Пинки живо представил себе Кинг-Конга в размалеванной маске: он легко устрасил бы дюжину служащих банка и случайных клиентов.

Это был человек его круга; Пинки и он быстро вспомнили общих знакомых — и вскоре сошлись на четырехстах долларов. Авансом. После успешного завершения операции — еще столько же.

Шуструю Кэт он нашел не сразу. Когда ему указали на невысокую аккуратную девицу с покатыми плечами и плотным задом, Пинки было засомневался: она выглядела пай-девочкой, которая ни за что не выплюнет на улице жевательную резинку, не спросив разрешения у папочки. Однако поговорив с ней полчаса, Пинки по некоторым жестам заметил, что Кэт давно уже вышла из школьного возраста. А вскоре мистер Питер Вильямс послал к черту все свои жизненные принципы...

...К утру он твердо знал, что эта "девочка" — давно уже не наивная девочка, и что в свои сорок лет он мно-

гому мог бы у нее поучиться. А если она столь же уверенно чувствует себя за рулем, то дело в шляпе.

Он вручил ей в качестве аванса шестьсот долларов — последние свои деньги. Нет, щедрость вовсе не была у него в обычае, но денежный вопрос они как бы между прочим обсуждали под утро; а к этому времени он уже убедился в ее явном превосходстве над Кинг-Конгом. Кроме того, Кэт недвусмысленно дала понять, что постель постелью, а дело делом. Кошелек у каждого должен быть свой.

Когда Пинки еще раз основательно проштудировал рекомендации Системы, он обнаружил, что нужно купить кое-какие мелочи. На пару сотен долларов.

Поспешная попытка раздобыть деньги могла сорвать предстоящую операцию. А что, если отослать Системе не все деньги сразу? Он попробовал еще раз позвонить по тому же номеру — никто не ответил. Пинки не удивился: если бы он сам руководил подобным предприятием, он бы тоже часто менял адреса и телефоны. Выбора не было.

Он решил отправить по адресу, указанному Системой, тысячу долларов — и сообщение, что остальное будет послано чуть позже. Да, конечно, сознание невыполненного обязательства беспокоило его, но делать было нечего. Потом вспомнил, что этот вечер тоже условился провести с Кэт — а удовольствия стоят денег! — и отправил только восемьсот долларов. Правда, он дал себе слово позаботиться, чтобы Система получила свое — даже, если операция сорвется. Но такая возможность лишь промелькнула в мозгу Пинки по бухгалтерской привычке ничего не упускать из виду.

О компьютерах Пинки знал все и в то же время ничего, как любой средний обыватель. Теперь он живо представил себе, что эти умные машины работают для него, что крошечные электрончики носятся взад-вперед для него, что компьютеры Системы нелегально подключаются к десяткам других компьютеров, получают от них сведения — и все это для него, Питера Вильямса. Он даже почувствовал уважение к своей персоне — впервые с тех пор, как лишился постоянного места бухгалтера.

Он, конечно, выполнит свои обязательства. В точном соответствии с договоренностью. Честно!

Вечер и ночь Пинки снова провел в обществе Кэт — и был, что называется, в ударе. Но на следующий вечер — последний перед операцией — он решил с Кэт не встречаться. Во-первых, нужно было отдохнуть и собраться с силами; а во-вторых, у него уже не было денег на развлечения. Впрочем, он надеялся, что состояние его кошелька не стало известным Шустрой Кэт.

Накануне операции предстояло проверить все обстоятельства еще раз. Нужно было заглянуть в отделение банка, сопоставить действительность с полученным описанием, обойти близлежащие улицы, наметить пути подъезда и отъезда. Нигде не следовало задерживаться и обращать на себя внимание. К вечеру он был измочален, но все же пошел к Кинг-Конгу, как предусматривал план. И не напрасно.

— Я надену маску, к которой привык, — объявил Кинг-Конг. — В ней я выгляжу устрашающе. А вообще-то мне хочется улыбаться, когда люди дрожат при моем виде. Впрочем, мы ведь не тронем их? И наши пистолеты даже не заряжены, не так ли?

Как ни странно, Система предусмотрела и вопрос о маске. Ответ у Пинки был уже заготовлен: а не опознают ли его по этой маске? Ведь он уже проводил в ней такие-то и такие-то операции. Это нужно учитывать. И учитывать, что фигура Кинг-Конга наводит куда больший ужас, чем пистолеты.

Кинг-Конг напрягся при этих словах Пинки так, что затрещали суставы. Да, он наденет другую, новую маску. Итак, до завтра.

Система как будто действительно была заодно со всеми компьютерами. План предусматривал появление группы налетчиков у отделения банка в 11.27. Когда в 11.25 их машина выехала на улицу, ведущую к отделению, им встретилась полицейская патрульная машина. Кинг-Конг было пригнулся, но Пинки заметил ему:

— Они ведь едут ОТ банка! И, очевидно, не скоро появятся снова...

— Не задерживайтесь, — предупредила Шустрая Кэт, подогнав машину к самому входу в банк. — У меня сегодня еще одно дело.

Дальше все шло как по маслу. Увидев зловещую фигуру Кинг-Конга, немногочисленные клиенты покорно выполнили требование, прозвучавшее с карманного магнитофона, и легли на пол; служащие застыли на месте с поднятыми руками. Пинки подошел к окошечку, указанному в плане, и молча просунул в него продуктовую сумку. План настоятельно требовал избегать паники; в неприметном отделении банка никто не станет рисковать жизнью ради сравнительно небольших сумм; лишь в одном этом окошке предстояли сегодня более крупные выплаты.

Торопить кассира не пришлось. Привычными движениями он сам закинул имеющиеся деньги в сумку, вынул ее из окошка и вновь поднял руки. Пинки кивнул и спокойно направился к двери; Кинг-Конг последовал за ним. Едва они уселись, Шустрая Кэт рванула с места. Машина помчалась. Впрочем, сделав два поворота, она убавила скорость и повела машину с особой аккуратностью. Рисковать не стоило. Движение на улицах было не особенно оживленным — казалось, Система предусмотрела и это. Впрочем, возможно, что с помощью компьютера управления дорожной полиции было попросту выбрано наиболее спокойное время дня.

Вскоре они пересели в другую машину, также взятую без ведома владельца. Пока Шустрая Кэт везла их на другой конец города, Пинки пересчитал добычу. Оказалось почти точно тридцать тысяч долларов, и он выдал каждому то, что причиталось. На большой автостоянке они оставили машину и разошлись. Шустрая Кэт особенно спешила, так как должна была сегодня принять участие еще в одном "деле"; Даневзя тянуло в "Сатурн", где он был всегдагдаем, а Пинки завернул за угол, взял такси и отправился на квартиру, снятую накануне на имя мистера Смита — в точном соответствии с рекомендацией Системы. Теперь ему предстояло завершить последнюю часть операции: полностью оплатить услуги Системы.

Он решил дополнить оплату до целых долларов. Или даже до десятков долларов. Клиентам следует проявлять в делах респектабельность и не мелочиться.

Потом Пинки стал размышлять о справедливости. Десять лет назад установка компьютера лишила его, квали-

фицированного бухгалтера, работы. А теперь именно компьютер помог ему — разве это не справедливо?

Он лежал на диване и размышлял. С одной стороны, если жить экономно, добычу можно растянуть года на три. Даже с учетом неуклонного роста цен. С другой стороны, не лучше ли отдохнуть пару-тройку дней и провести еще одну подобную операцию? Очевидно, Система недолго останется мало кому известной; пройдет немного времени, ее начнут осаждать клиенты, и она перестанет принимать поручения...

Нет. Пожалуй, нет. Лучше уж спокойно и скромно жить как прежде. А теперь пора встать и отнести деньги на почту — завершить свои обязательства перед Системой...

От сильного толчка дверь распахнулась настезь. В комнату ворвался человек в маске. Пистолет в его руке был снабжен глушителем и направлен на Пинки.

— Заряжен! — проговорил налетчик. — Выкладывай бабки!

Легкий хлопок выстрела и появление дыры в спинке дивана придали словам незнакомца достаточную убедительность. Подчиняясь указующему персту, Пинки достал сумку из-под дивана и поставил на стол.

В дверях появилась невысокая женщина в маске. Пинки без труда узнал Шуструю Кэт. Она уставилась было на него с изумлением, затем овладела собой и сняла маску:

— Весьма сожалею. Я не знала, к кому меня посылают. Но дело есть дело.

— Очевидно, господа знакомы? — улыбнулся налетчик и взял сумку. — Значит, Система позволила себе пошутить? А я и не знал, что компьютеру тоже не чуждо чувство юмора...

— Что? — вскричал Пинки. — Вы тоже... от Системы? Но поверьте, я вовсе не собирался вас обманывать... Не договоримся ли мы? И потом, неужели вы не боитесь, что Система поступит так же с вами?

— Со мной? — удивился налетчик. — Но почему же? Ведь Система — это солидное предприятие.

— Что и видно на моем примере, — горько заметил Пинки.

— Очевидно, вы не соблюдали условий, — возразил незнакомец. — Вероятно, в чем-то нарушили соглашение...

— Пожалуй, нет, — сказала Шустрая Кэт. — По крайней мере, насколько мне известно. — Пинки почувствовал благодарность за сочувствие, прозвучавшее в ее голосе.

— А я думаю, что нарушили, — повторил незнакомец и обернулся к своей спутнице. — Ну ладно, пошли.

— Желаю вам испытать мою участь! — крикнул Пинки им вслед.

Незнакомец остановился в дверях и обернулся:

— Со мной такого не случится, — назидательно проговорил он. — Я оплатил свой счет сразу же. — Он пропустил Шуструю Кэт вперед и вышел вслед за ней с хозяйственной сумкой в руках.

Перевел Ал. ЯКОВЛЕВ

Рисунок Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Алексей ЛОБАШЕВ
Виктор РУДЕНКО

Патолли

Когда люди знаменитого испанского конкистадора Кортеса в начале XVI века вступили на мексиканскую землю, они застали там не только цветущие города и поселки ацтеков, прекрасные дамбы и мосты, но и развитую систему культов и церемоний. К тому времени страной руководил великий правитель и завоеватель Монтесума II, отводивший немало времени придворному церемониалу, и испанцы могли наблюдать, как внимательно он созерцает за необычной игрой своих приближенных.

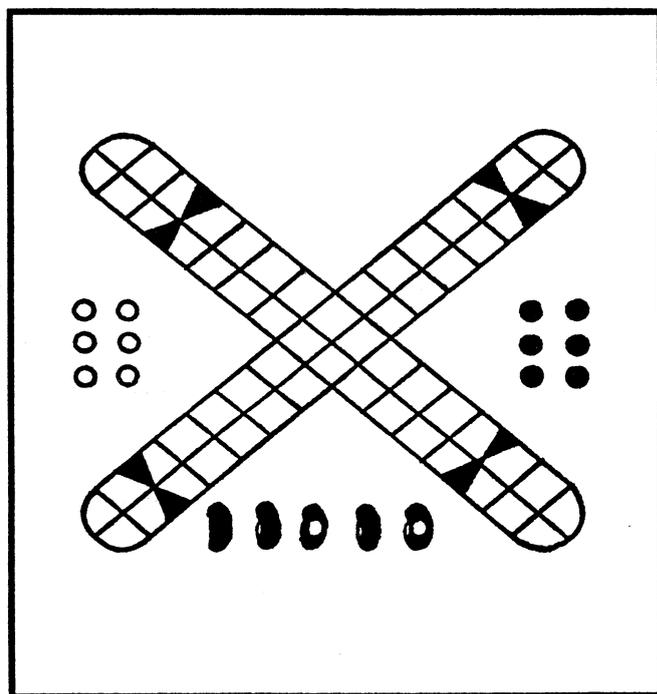
По несколько запоздалым описаниям знатоков доколумбовой мексиканской культуры Гомара (1533) и Дюрана (1560), сделанным уже после конкисты, церемония этой игры выглядела следующим образом. Игроки расстилали особые циновки, представляющие игровое поле, и ставили рядом специальные корзинки с цветными камнями, используемыми в дальнейшем в качестве фишек. В корзинах также находились помеченные для игры бобы с отверстиями. Перед началом игры соперники эмоционально зывали к чаше с огнем и бросали туда благовония. Одновременно они приносили жертвы своим "костям" — бобам. После такого необычного приготовления игра начиналась. Всеми она воспринималась как серьезнейшее занятие, связанное с исполнением культов. Считалось, что в ходе игры можно следовать путями небесных светил, то есть обряд имел еще и календарное значение. Однако, судя по дошедшим до нас сообщениям, ацтеки не были лишены и свойственных современному человеку слабостей и страстей: игра эта ко времени испанского завоевания, вероятно, уже стала азартной. К ней допускались только взрослые, которые делали, к тому же, крупные ставки. В данном случае игроков не смущало отсутствие привычных для нас денежных знаков — их просто не знали великие цивилизации Мезоамерики. В качестве ставок использовались "просто" золотые изделия или драгоценные камни.

Возбужденные такими заманчивыми ставками игроки все время обращались к мексиканскому богу спорта и азартных игр Макуил-ксохитлу. Они терли бобы между ладонями и бросали их, выкри-

кивая при этом его имя, а затем спешно наклонялись вперед, с тем, чтобы посмотреть результаты броска.

Как выяснилось в дальнейшем, ацтеки называли эту игру "патолли" (от глагола "патоа", то есть "играть в игру" — с ацтекского). Нетрудно догадаться, что это обозначение выражает родовое название для любой игры. Не случайно, что когда мексиканцы переняли у испанцев карты, они прозвали их "ама-патолли" (бумажная игра), а шахматы соответственно — "игра деревянная".

К сожалению, таковы практически все основные сведения, сохранившиеся об этой игре. В ходе испанского завоевания все, что поначалу вызывало у конкистадоров такое восхищение, было попросту уничтожено. Первоклассные дороги ацтеков были усыпаны дротиками, крыши домов сорваны. И если от строений до нашего времени все же дошли восхитительные останки, то духовную сферу постигла более печальная участь. По соображениям религиозного характера (как мы уже заметили, ацтеки поклонялись в ходе игры огню) на подо-

бные увлечения был наложен строжайший запрет, ликвидировано все, связанное с игрой: корзинки и даже помеченные бобы-"кости". Беда состоит и в том, что завоевателями были истреблены практически все рукописи коренного населения, а потому об игре нигде не сохранилось оригинальных сведений. В настоящее время имеются лишь реконструкции, основанные на данных, почерпнутых от испанских священников из среды конкистадоров. К счастью, до нас дошло порядка 8 вариантов рисунков этой игры, что дает основания считать имеющиеся реконструкции достаточно достоверными. На стр. 77 мы приводим схему игрового поля, а ниже — предполагаемые правила игры.

Доска для игры представляла собой тонкую циновку с нарисованным на ней жидким каучуком большим диагональным крестом, достигающим углов. Каждая ветвь креста была разделена на 16 полей (плюс 4 центральных). В качестве фишек использовались 6 красных и 6 синих камешков (при игре вдвоем). Вместо игровых кубиков употребляли 5 больших черных бобов, на одной из сторон каждого из которых была высверлена белая дырочка.

Очки бросков (согласно Дюрану):

1 боб дырочкой вверх	—	1 очко
2 "-"	—	2 очка
3 "-"	—	3 очка
4 "-"	—	4 очка
5 "-"	—	10 очков

Реставрация правил (Белл):

1. Игроки делали оговоренные ставки в банк и решали вопрос о размере платы за штрафы.

2. Один игрок брал красные камешки, другой — синие.

3. Каждый игрок бросал бобы по 1 разу. Получивший большее количество очков начинал игру новым броском (при равенстве очков оба бросали еще раз).

4. Начинающий помещал одну из своих фишек на ближайшее к нему центральное поле (игроки сидели напротив между ветвями креста) и начал передвигать ее в любом направлении по полям ветвей в соответствии с показаниями бобов. Все следующие ходы он должен был продолжать в том же направлении. Противник первым своим ходом также мог выбрать любое направление движения.

5. Все фишки кроме первой можно было вводить на свое стартовое поле только после получения 1 очка.

6. На одном поле не могло стоять более одной фишки (как своих, так и противника).

7. Ход должен был быть обязательно выполнен (даже, если это было невыгодно игроку). Ходить можно было любой из своих фишек, введенных на доску в соответствии с правилами (см. п. 5).

8. Если игрок не мог использовать бросок для хода (попадал на место другой фишки), он платил штраф в банк.

9. Если фишка игрока попадала на помеченное поле, игрок платил двойную сумму штрафа противнику.

10. Если фишка игрока попадала на любое из закругленных полей на конце ветвей креста, он получал право на дополнительный бросок.

11. Фишки передвигались вокруг креста по всем полям, включая центральные и снимались с доски точным попаданием на последнее поле, находящееся перед стартовым полем игрока.

12. После снятия с доски каждой фишки игрока противник платил ему сумму штрафа.

13. Игрок, снявший с доски все фишки первым, выигрывал игру и забирал банк.

14. Для игры втроем каждый из трех игроков использовал по 5 фишек своего цвета.

15. Для игры вчетвером каждый использовал по 4 фишки своего цвета. По договоренности игроки играли каждый за себя или игроки, сидевшие напротив, образовывали одну команду и делили между собой все штрафы, которые платили противникам или получали от них. В качестве штрафов использовались раковины каури, бусины, сушеные фрукты и т. д.

Александр СЕМЕНИН

Пастернак

Как и люди, растения могут оказываться в центре внимания, становиться популярными и даже "модными". А иногда — быть в опале, пребывать в продолжительном забвении и безвестности. Яркий тому пример — пастернак.

Редкий огородник выращивает сегодня этот овощ. Многие даже не слышали про него, не представляют, как он выглядит. А между тем вплоть до XVIII века никто из российских землевладельцев не игнорировал это растение. Вместе с репой и редькой, брюквой и луком, рос пастернак и на небольших крестьянских наделах, и на обширных помещичьих угодьях. Но с появлением в Европе картофеля все названные овощи стали играть в пищевом рационе селян куда более скромную роль. А особенно "не повезло" пастернаку. Его просто перестали выращивать.

Родственники у пастернака знатные: петрушка, сельдерей, морковь — все из семейства зонтичных. Но, пожалуй, более всего пастернак сродни укропу, только у первого листья несравненно шире, а стебли мощнее и жестче. И, как многие другие зонтичные, живет он два года: в первый образует розетку прикорневых листьев и питательный корнеплод, а во второй — "выгоняет" облиственный стебель (иногда до 2—2,5 м в высоту), увенчанный зонтиками из мелких желтоватых цветков.

Вот парадокс: хотя и позабыт пастернак огородниками, сопровождает нас в жизни едва ли не повсюду! "Дикий укроп" увидеть можно на газонах, и во дворах, по обочинам дорог и на лесных полянах — это один из самых распространенных сорняков!

В качестве овощной культуры можно использовать как дикий, повсюду растущий, пастернак, так и культурные его сорта, которых селекционеры, не особенно жалуя это растение, вывели, к сожалению, немного (Студент, Гернсейский, Круглый и др.). Корнеплоды бывают то удлиненные конической, то почти круглой формы. Помните, что выкапывают их только у розетковидных (т. е. однолетних) растений, поскольку на второй год, когда у пастернака появляются стебли с листьями, корнеплоды деревенеют, становятся жесткими и малопригодными в пищу. А во второй половине лета переросший "дикий укроп" зацветает. Его мелкие цветочки выделяют много сладкого нектара, который привлекает пчел. Мед, собранный с пастернака, особенно душист и сладок, не случайно эту траву прозвали кое-где "второй липой".

О достоинствах позабытого растения помнят народные врачеватели и фармацевты. В сентябре они заготавливают ребристые плодики пастернака, обладающие разнообразными целительными свойствами. Их настои и отвары используют как общеукрепляющее и мочегонное средство,

при сильном кашле, заболеваниях печени и желудка. Вещества, выделенные из "дикого укропа", входят в состав лекарственных препаратов: бероксана, назначаемого при облысении, и пастинацина, помогающего при стенокардии и неврозах.

Так что недооценивать, а тем более игнорировать это растение, право, не стоит. И в том числе нам — огородникам-любителям. Вот рецепты только двух вкусных блюд, которые можно из него приготовить.

ПАСТЕРНАК СО СМЕТАНОЙ. Корнеплоды (0,5 кг) очищают, нарезают тонкими кружочками, затем вместе с поджаренной мукой (2 столовые ложки), топленным маслом (1 ст. ложка), и сметаной (2 стакана) помещают в кастрюлю, которую, после того, как все компоненты блюда тщательно перемешают, ставят в духовку до готовности.

ГАРНИР ИЗ ПАСТЕРНАКА К КОТЛЕТАМ ИЛИ СОСИСКАМ. Корнеплоды (0,5 кг) очищают, нарезают кружочками и отваривают. В отдельной кастрюле растапливают 2 столовые ложки сливочного масла, добавляют в нее яйцо, 2 столовые ложки обжаренной муки, — все тщательно растирают и перемешивают.

Заливают в кастрюлю 2 стакана воды или мясного бульона и доводят до кипения. Получившимся соусом заправляют отваренный пастернак и подают его к мясным блюдам.

Хорош этот овощ и в качестве пряной приправы к супам и просто в отваренном или тушеном виде — имеет приятный аромат, сладковат на вкус и довольно богат питательными веществами (содержит и углеводы, и масла, и ценные витамины),...

Тот, кто соберет "дикий укроп" или будет выращивать его на своем огороде, конечно, получит основательное подспорье к оскудевшему ныне столу. Можно заготовить пастернак и впрок: как и морковь, он отлично сохраняется всю зиму в сухих прохладных подвалах, погребах, ямах. Чтобы корнеплоды не пересыхали, их укладывают в ящики и пересыпают песком. Так что долго не раздумывайте — обязательно заведите пастернак на приусадебном участке! Только об одном его свойстве помните: в очень жаркие дни листья этого растения обильно выделяют жгучие эфирные масла, которые могут вызвать раздражение и воспаление кожи. Такая биологическая особенность характерна, между прочим, для многих зонтичных. Особенно неприятно "иметь дело" с некоторыми видами борщевиков, вызывающими ожоги кожи. Пастернак, впрочем, гораздо "безобиднее", и надев рукавицы в нежаркий облачный день смело отправляйтесь на его заготовку.

■ Тысячелетия под ногами

Владимир Семенович Бобрышев работал лесничим Корсаковского лесхоза на Сахалине и никогда не думал, что ему придется заняться археологией. Вот как это произошло.

Бобрышев копался у себя на огороде. Лопата легко и мягко входила в землю, дело шло споро. Вдруг раздался скрежет — металл наткнулся на какое-то препятствие. Отвалив пласт земли, Владимир Семенович увидел продолговатый камень — форма его отдаленно напоминала топор. Он не придал особого значения находке. Каково же было его удивление, когда через несколько минут он откопал точно такой же камень!.

Не будучи специалистом, Бобрышев не мог, конечно, знать, что его огород расположен на месте древней стоянки былых обитателей острова Сахалин — айнов. Но он понял, что найденные "камни" могут представить интерес для ученых-археологов.

Так оно и случилось. Возраст каменных топорков, которые после извлечения из-под земли стали экспонатами областного краеведческого музея, составляет свыше пяти тысяч лет.

К. ЛАУВА

■ Крылатые кони Златоуста

Выдающийся русский металлург Павел Аносов создал в прошлом веке булатную сталь. Мечи, сабли, шашки, шпаги, кинжалы, охотничьи ножи, которые изготавливались из булата в Златоусте, отличались художественным исполнением и оригинальной гравировкой. В гербе уральского города Златоуста изображены сталеразливочный ковш и крылатый конь.

Время не сохранило портрета выдающегося художника-гравера Ивана Бушуева. Но живет уральский сказ о том, как молодой русский оружейник Иван Крылатко "превозмог немца" — искусство гравюры на стали завезли сюда немецкие мастера. Иван Бушуев, якобы по совету своей невесты, создал саблю, на которой выгравировал крылатых коней. Весь полет своей фантазии вложил в этот рисунок художник, отдал всю силу своего мастерства и таланта. С тех пор и стали называть Бушуева Иванко Крылатко... Так говорит сказ.

Златоустовская гравюра на стали развивалась в двух направлениях: украшение клинков и изготовление бытовых вещей, а позже — самостоятельных миниатюр. Каждое произведение по-своему неповторимо, потому что созда-

ется оно вручную. Работы златоустовских мастеров экспонируются на международных и всемирных выставках, они побывали в Лондоне, Вене, Париже, Брюсселе, Монреале, всюду вызывая восторг самых строгих ценителей прекрасного. Лучшие образцы хранятся в Эрмитаже и в Оружейной палате московского Кремля.

Чем же покорают златоустовские "поэмы" на стали, почему они вписываются в любой интерьер? Весь секрет — в декоративных свойствах металла, в способах его обработки и, конечно же, в художественном исполнении. Как рождается гравюра? Кисточка осторожно наносит лаком мазок за мазком. Через несколько минут на шлифовальной пластине появится олень... Сначала он "побывает" в ванне травления, где специальный раствор снимет тонкий слой металла, не покрытого лаком. Затем художница закрасит лаком места, не подлежащие никелированию, и будущая миниатюра отправится в ванну золочения. После обезжиривания пластина проходит одну из самых загадочных операций — синение металла. Специальная сложнейшая обработка металла дает богатую гамму оттенков — от серого и бархатисто-черного до блестящего синего и фиолетового. В сочетании с золотом и никелем это делает палитру гравера практически неисчерпаемой.

Старшему поколению художников по душе дробная детализация. В этом сказывается влияние выдающегося гравера Александра Боронникова. Его работы — "Сеттеры", "Глухарь", "Козочки" — считаются шедеврами. Следует заметить, что Боронников создавал до четырех произведений в год. И художники младшего поколения берут не числом, а умением: каждое творение гравера долго и тщательно вынашивается...

С давних пор златоустовские шедевры считаются лучшим подарком почтенному юбиляру или почетному гостю.

Ю. КОРМИЛЬЦЕВ

■ Сколько лет Гамлету?

Если вести речь о классическом, безупречном, идеальном детективе, — то это трагедия Шекспира "Гамлет". Все там есть: преступление и наказание, следствие и суд, улики и алиби, герои и негодяи, живые и мертвые, любовь и убийства... Все есть! Даже одна неразгаданная загадка... И касается она самого принца Датского, главного героя: эта загадка — в возрасте Гамлета.

Сколько ему лет?.. Вспомним перевод Б. Пастернака: "Он тучен и одышлив", — говорит

о собственном сыне мать-королева. С чего бы молодому принцу, только что сидевшему на студенческой скамье в Виттенбергском университете, быть тучным и одышливым!? Но ведь мать лучше знает... Может, у него порок сердца с детства?

Вспомним фильм со Смоктуновским, сцену дуэли с Лазартом: ведь Гамлет-Смоктуновский там действительно дышит, как конькобежец после выступления — у него ходуном ходит грудь, он вытирает пот. И в этой сцене, и на похоронах Офелии он и вправду держится и ведет себя, как тридцатилетний человек.

Между тем, тут что-то не так. Не может быть Гамлет тридцатилетним!.

Разгадку этого детектива в детективе мы находим в книге Анатолия Мариенгофа "Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги". Приведем оттуда отрывок, который все объяснит. "...Лидочка оказалась права со своим датским принцем. Какой же он у Шекспира тридцатилетний — вздор!.. Мальчишка он у Шекспира, юноша! А сделал его тридцатилетним первый в Англии исполнитель роли Гамлета Ричард Бербедрж — актер-премьер в театре "Глобус". Немолод, невысок, усатый, бородатый — он являлся и хозяином театра "Глобус". Играл Бербедрж и старика Лиры, и Ричарда III, и генерала Отелло.

Получив от Шекспира трагедию мести "Гамлет, принц Датский", и оценив по достоинству роль мстителя, Бербедрж, нимало не смущаясь, подработал заманчивую роль под себя, подмял, как бы сказали иначе.

А почему бы этого не сделать актеру, великому не только в своих глазах, но и в глазах Англии? Кто такой в то время, по сравнению с ним, с великим Ричардом Бербедржем, какой-то драмописец мистер Шекспир? Литературная безмянная мелочь...

Вот Бербедрж со спокойной совестью и вставляет в трагедию несколько строк, вероятно, собственного сочинения: в роль Гертруды и шута-могильщика.

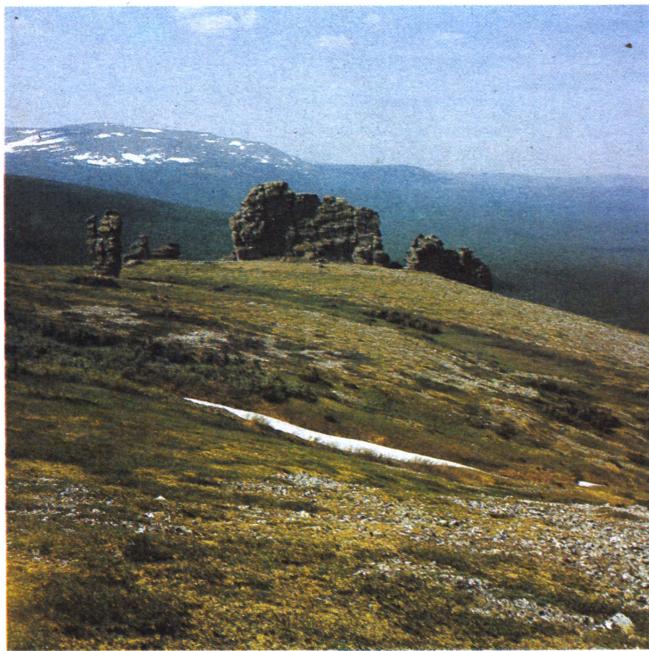
Право, XVII век не слишком далеко ушел от нашего. Тогда тоже портили пьесы. Кто? Актеры, заказчица-королева, вельможи..."

Итак, Пастернак талантливо и досконально перевел пьесу. Смоктуновский внимательно прочитал Пастернака. И все королевы во все времена прибавляют принцу возраст...

А Шекспир здесь не при чем!

Н. ШИРОКОВА

Гора Мертвецов – по легенде здесь погибли девять охотников–манси. Здесь же, на этом перевале, погибли – тоже девять! – туристов из группы Игоря Дятлова. Жутковатое это совпадение имеет не только свою историю, но и продолжение. Было три версии гибели группы Дятлова: испытание сверхсекретного оружия, запуск спутника, катаклизм, связанный со снежными лавинами. Первых двух версий очень долго придерживались все исследователи, но точного подтверждения не получили даже с наступлением эпохи гласности; что касается третьей версии – все до единого путешественники, знакомые с Приполярным Уралом, отрицают в этих местах возможность снежных лавин. Сейчас физики выдвигают еще одну гипотезу, которая, как ни странно, ассоциируется с судьбой "Летучего голландца"; когда корабль целехонек, а люди исчезают неизвестно куда. Горы, скалы, камни – так же, как и морские волны, – в определенных обстоятельствах создают некий звуковой эффект, который вызывается низкими частотами, действующими на подсознание и вызывающими у людей такой панический ужас, что они сломя голову бегут с проклятого места, не зная куда. На эти так называемые частоты Джеймса Вуда нынешние исследователи и возлагают ответственность за гибель людей. Не исключено, что именно в этом месте на Приполярном Урале горы создают подобный эффект; не исключено, что и гибель охотников–манси – не легенда. Подробно об этой версии можно прочесть в книге свердловского путешественника и физика Н. Рундквиста "100 дней на Урале".

Долина в Печоро–Улычском заповеднике. Идолы Болвано–Из.

Одна из вершин хребта Сабля.

В следующих номерах журнала читайте:

Фантастические повести Ивана Андросюка "В лабиринтах Инфора", Дмитрия Баюшева "Чистый разум", Василия Щепетнева "Кормить зверей строго воспрещается", подборку НФ рассказов.

Повесть Елены Матвеевой "Ведьмины круги", былицы Левиана Чумичева, главу из книги Александра Мертваго "Парижские огородники".

Очередные публикации серии "Одиннадцать уроков из уральской истории", продолжение циклов очерков Юрия Шинкаренко "Дубовые дощечки" и Юния Горбунова "Женщины Древней Руси".

Материалы под нашими постоянными рубриками "Краеведческая копилка", "Игры народов мира", "Экспедиции", "Кто во что горазд", "Мир на ладони".

Напоминаем, что читатели, не успевшие подписаться на второе полугодие, могут получить любой номер "УС", выслан на имя редакции 800 руб. плюс почтовые расходы, которые в мае при отправке простой бандероли по российским тарифам составляли 320 руб.

Справки об изменении тарифов Вы сможете получить в своих почтовых отделениях.
Наш адрес: 620219, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Редакция журнала "Уральский следопыт".

Ледниковое озеро у подножия хребта Сабля. Ледник Гофмана.

